

Владимир Масленников Сергей Масленников

Ядро и Окрестность

роман

Владимир Масленников

Ядро и Окрестность

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Масленников В. А.

Ядро и Окрестность / В. А. Масленников — «У Никитских
ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-885-8

Известно, что все разнообразие наблюдаемых в мире движений можно свести к двум видам: притяжению и отталкиванию. Эта пара управляет как небом, с его большими и малыми объектами, так и землей, образуя течение народов, групп и даже отдельных людей. Россия, сверх всякой меры нагрузив себя государством во времена СССР, захотела легкости, вступив в период отталкивания. Однако отталкивание от самой себя быстро привело страну вместо точеной фигуры к истощению. Максим начинал свой путь из глубины народного тела, постепенно приближаясь к поверхности в надежде света и воздуха. Он принял сторону жизни, ведь кто что выбирает, тот тем и отмечен. Между тем принадлежность к живому требует его понимания. Это и было самым трудным. Ведь предстояло ни много ни мало включить последнюю русскую смуту в цепь Большого времени и только им все объяснить.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00095-885-8

© Масленников В. А., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Костя	5
Алик-мордочка	30
Фай	41
Огород	76
Обмен	94
Деревня	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Владимир Масленников. Сергей Масленников Ядро и Окрестность

Костя

Он учился в третьем классе и хотел объяснить мир. Семиклассники казались очень знающими людьми, а еще старше – совсем мудрецами. Миша учился в шестом. Костя заканчивал школу и был недосыгаем. Оба имели разных отцов, и каждый пошел в своего. Встретив их вместе, никто бы не догадался, что это братья.

Костя жил в своем мире. Максим давно заметил, можно жить в одном и том же подъезде на одном этаже дверь в дверь, но в разных мирах.

Миша дольше всех держал в воздухе жошку. Правда, он носил валенки. Валенком набивать легче. Ребята стоят по углам лестничной клетки, считая удары, а он держит. Нога подбивает боком ступни. Пока жошка летит вверх, ноги переступают для нового удара. И так боковой качкой тела он набивал до сотни раз.

Максим носил стеганные бурки, сшитые бабушкой. Свинец пробивал вату, отзываясь болью в ноге, и залипал. Поэтому Максим лишь наблюдал за игрой.

Костя проходил сквозь строй мальчишек со школьной сумкой. Никто не обращал на него внимания. Однажды вечером Миша собрал ребят в подъезде. На верхней ступени лестницы стояла его мать, чуть ниже – незнакомый мужчина. Миша следил за ним с непонятым ожесточением.

– Отец Кости, – объяснил он шепотом. – Опять приперся. Вздумает хамить, отлупим.

Но мужчина вел себя спокойно и, судя по голосу, даже робко. Он тоже пришел из другого мира. С Мишей его соединяла лишь эта темная лестница. Максим знал, что взрослых людей не хватает на одну и ту же пару Дети часто бывают лишь наполовину братья и сестры. Связывает ли их половина любви или целая любовь, спрашивал он себя. Если общая мать, то ближе к целой. Наверное, потому, что и сами женщины более полные существа, чем мужчины. Миша как-то сказал ему, куски свинца, прижатые друг к другу, через некоторое время сплываются.

– Железо сплывается? – спросил он.

Хотя мог бы не спрашивать. Оно ржавело и рассыпалось, ничего больше. Но Миша ответил, если отшлифовать две пластины, они прилипнут, только поверхности должны быть ровными. С общей матерью, подумал Максим, дети соединяются в любовь легко, подобно кускам свинца, а с общим отцом – только как стальные пластины. Муж и жена должны так плотно прилегать одеждой, чтобы сводные дети почувствовали себя целиком родными.

Максим хотел понять все, что видел. Можно просто ждать и следить, пока все нужные вещи не повернутся секретной стороной. Время идет, поворачивая их, стоит лишь дожидаться. Но многое зависит от самого человека. Если он идет к ним, то и они к нему. Все связано со всем, нужно только потянуть за самую важную веревочку.

Больше всего ему хотелось узнать, из чего состоит война. Как-то он спросил Мишу. Тот странно посмотрел на него:

– Ты что, не видишь? Развалины, воронки, пустыри, хлеб по карточкам.

Он видел, но это были следы войны, а не она сама. Фронтовики, стуча в домино, ни о чем таком не говорили. Он подходил к ним послушать, но их рассказы были о работе, полчке и водке. Костя знал, недаром же заканчивал школу. И Максим искал случая к нему подступиться.

Миша мастерски играл в перья, всегда выигрывая. Десять перьев стоили рубль, потому у него водились и деньги. Переворачивалось перо легко. Перевернутое, оно лежало, как маленькая лодка. Подцепил кончиком снизу, и борта смотрели вверх, как и положено, а киль вниз, но в первоначальное положение возвращалось неохотно – лодка подпрыгивала от щелчка, не желая падать вверх дном.

В тот раз у Максима пошла игра. На улицу идти не хотелось. Почувствовал себя пустым, как их комната. Миша сидел дома.

Максим видел в окно, как тот прошел в их подъезд. Просто так к нему не постучишься, нужен повод. В голову ничего не приходило. Углы комнаты сочились тоской. Оказывается, нельзя зажигать и гасить себя, как фитиль над маслом. Человек должен обязательно что-то делать, иначе ему плохо. Если вот сейчас не пошевелить рукой и не встать с места, то застынешь навсегда. И он выпросил рубль у бабушки.

Десять купленных перьев принесли ему еще десять. Кроме того, он вернул свои деньги. У Миши зажало руку, так бывает. Он не мог скрыть раздражения. Каждый щелчок слишком высоко посылал перо, отнимая вероятность удачи. Максим не имел права на выигрыш, он был мал, слаб и, хуже того, беден на всякую выдумку. Он уже получил гораздо больше удовольствия, чем заплатил, и готов был с легким сердцем спустить свое добро.

В комнате стоял ранний сумрак. Примус сгущал его синим пламенем, волны тепла плыли к столу, за которым они сидели. Максим, поднимая голову, видел большую и богатую кровать, украшенную подушками. От стены ее защищала рубчатая ткань с мелким орнаментом. Он мог бы сидеть здесь сколько угодно. Почему одинаковые с виду люди живут по-разному? Одним все удается, они словно привораживают вещи или носят в потайном кармане ключи от счастья. Мать Миши недавно достала ему галоши – редкостная вещь. Соседи сбежались смотреть. Сейчас бабушка сидит в полумраке, со всех сторон ее обступили густые тени, она пытается разглядеть шов в свете коптилки.

Между тем игра продолжалась. Как только удача отворачивалась от Максима, взгляд у Миши смягчался. Но горка выигранных перьев росла, Максим не знал, что делать. Его перья ложились бортами и дном, как по заказу. И до него дошло: тайна выигрыша в бесстрастии. Если мы хотим его получить, надо мысленно от него отрешиться. Вещи могут поступать наперекор желанию, потому что игра их унижает. В игре речь не идет об их открытии, но только о приобретении. Вот они и мстят за себя тому, кто сгребает их выигрыш в кучу.

Внезапно дверь отворилась, и вошел Костя. Миша отпрянул от стола.
– Завтра доиграем, приходи.

Костя направился к этажерке, где лежали его учебники. Миша подставил ножку, тот споткнулся, но, падая, успел схватить своего брата за руку. Рядом стояла кровать, подросла мать, и все трое стали с сопением и смехом бороться. Костя отбивался, как мог. Его катали по подушкам. Красное серьезное лицо с трудом выпросталось из-под тел. Клубок распался, мать притворно охала, Миша сиял. Максим понял, их соединяла любовь, полная, как луна в новолунье, вопреки разным отцам.

С тех пор, попадаясь Косте на глаза, он здоровался, и тот кивал. Однажды Максим увидел его на полдороге из школы. Костя шел, не глядя по сторонам, и был заключен в себя. Может быть, он, как и я, думает о войне? От этой мысли у него провернуло сердце. Шофера заводили полуторку рукояткой. Машина приподнималась от кругового мощного рывка, начиная таракатеть. С ним происходило то же самое вблизи чего-то нового. Он стоял у начала переулочка. Их окружали неказистые дома с палисадниками. Максим всегда, оказавшись здесь, смотрел на школу. Дома из самостроения вели коридором к ней. Они были равнодушны ко всему, выстояв бомбежки. Теперь, пока он ждал, их окна, стреляющие солнцем, сошлись на нем, как вспышки от взрывов.

Он выступил вперед, Костя от неожиданности вздрогнул:

– Ты?

– Хочу тебя спросить. Ты ведь проходишь физику. – Максим показал в сторону школы, как будто брал ее в свидетели.

Костя чуть было не повернул голову, но вовремя спохватился:

– Спрашивай.

– Мне нужно знать, из чего состоит война.

– Зачем?

– Чтобы сравнить ее с миром.

– Они же разные.

– Совсем, совсем не похожи?

Костя соображал.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно?

– Пока она еще недалеко.

– Ну и что?

– Как раз сейчас и можно сравнить. Уйдет, и мы не вспомним, из чего она сделана.

– А при чем тут мир?

– Иначе его не понять.

– Тоже из какого материала?

– Одно отгалкивается от другого, и мы видим оба.

Костя остро взглянул на Максима. Углы его глаз блеснули куском стекла.

– Эта война последняя. Другой не потерпят.

– Тогда что станет с миром?

– Будет расти.

– Без конца? – Максим развел руки.

– Что ему помешает?

– Он наберет вес, станет рыхлым, потеряет скорость, успокоится на самом себе.

– По-твоему, опять война?

Костя замедлил шаг, потом и вовсе остановился. Он забыл о том, что шел домой, и стоял над Максимом, высокий и тонкий, держа в обеих руках сумку с учебником физики. Та покачивалась на шнурке в такт его мыслям.

Максим с удивлением понял, что именно мысли, невидимые и бесплотные, раскачивали тяжелую самодельную сумку. Он привык считать вещество главным. Все начинается с него. Мыслям отведено место в самом конце. Как только оно почувствует влечение к одной из них, тут же вбирает. Хотя не исключено, что все гораздо сложнее. Мысли действуют на вещество, побуждая его к движению. Если кусок карбида бросить в лужу, он вспузырится и поскачет по воде. Недавно он проходил мимо тарелки, висящей на столбе. Она говорила об энергии масс, а также об идеях, которые ее будят. Идеи, догадался он, это те же мысли. Все три начала замыкаются в кольцо, по нему течет ток событий. Все события никогда не повторяются, потому что начала берутся в разных пропорциях. Это как цифры, их немного, но можно составить любое число. Допустим, есть большая идея и мало энергии, такое событие похоже на человека с крупной головой, но слабым телом. Бывает и наоборот. Важно понять, в чем отличие между войной и миром в применении к началам.

– Я думаю, они части одного целого, – сказал Максим. – Сейчас война отдала все, что у нее было.

– Наоборот, взяла. Она питается уже готовыми вещами, сама ничего не создает.

– Но ведь она существует, пусть с перерывами, то есть, то нет. Мало того – развивается. Разве сравнить прошлые войны с нынешними. Дошло уже до мировых. Как будто они соревнуются. Мир соединяет и связывает. Она не отстаёт в разрушении.

– Соизмеримы? Ну и что. Все правильно. Техника боя ничем не хуже остальной. Да ее и производят на тех же заводах.

– У нее есть свое основание, значит, не просто поглощает построенное. Раз постоянно возникает, то нужна, иначе ее не объяснить.

– Кому?

– Миру. Кроме них, ничего другого нет. Хотя середина тоже бывает. За ней надо следить. Она показывает, в какую сторону дует ветер.

– По-твоему, все-таки дает? Тогда назови что.

– То, чего больше. У каждого из них одно в избытке, другого не хватает, вот они и делятся, раз принадлежат целому.

– Целому, говоришь?

– Уверен. Одним и тем же людям, делающим швейные машины и винтовки.

– Что у нее за душой, кроме убийства и разрушения?

– Я потому и заговорил с тобой, с миром разобраться проще, он больше войны и медленнее, знает свое место. Она состоит из перемен, часто внезапных.

– Думаешь, больше?

– Да, он длиннее и шире, она тяжелее.

– Но тяжесть берет не от себя, ведь сама ничего не создает и не может?

– Нет.

– Тогда кто из них массивнее?

– Они стоят на разных концах, уравнивают друг друга. Иначе не качались бы на перекладине.

– У войны плечо длиннее. Немцы подступили к Сталинграду, мы взяли Берлин. Пространство постоянно ходило из стороны в сторону, сейчас успокоилось и отстаивается в берегах мира. И потом, рассеянное вещество – не масса. Собранное в кулак наливается свинцом. Чего же все-таки больше у каждого?

– Война состоит из тяжелого, то есть сжатого пространства. Мир, наоборот, велик, но разбросан, то есть занимает всю страну.

– Вообще-то война переступает границы стран, – возразил Костя.

– Состоит из тяжелого, но ищет легкого, потому и переступает, у нее нет определенного места, боевые действия находятся в постоянном движении, как только его теряют, перестают быть собой.

– Что отсюда следует?

– Я и хочу понять. Оба хотят своего, тянут в разные стороны и в то же время достраивают друг друга до целого.

– С чего ты решил, что достраивают? Миру не нужны сражения и смерти. Война – другое дело, зарится на чужое добро, не зная покоя, пока его не расхитит. Не достраивают, а враждуют. Не думай, что над ними дуга, – Костя споткнулся на слове, – дуга коромысла, как над ведрами с водой.

– Согласен, совсем разная природа. Он избегает столкновений, но тут другая беда. Он не самодостаточен. Мы к нему привыкаем, только он, ничего другого. А война появляется из-за угла, необъяснимая и страшная. Заметь, люди помнят о ней, рассказывают, она служит мерой. Мир со временем покрывается пылью. Широк и просторен, о нем не говорят, вот и покрывается налетом забвения, как немывтое стекло.

– Мерой чего она служит?

– Мерой движения, только не нашего с тобой, отдельного, а всеобщего. Войны ведут не люди, а страны.

– Почему движения? Мир тоже стоит на скорости, как сейчас. Постоянно возникает новое, страна широко шагает.

– Каждая большая война приводит с собой новое время, от него и идет счет. А широко шагает, потому что еще не успел отделиться от войны. Отойдет подальше – устанет.

– Первый раз такое слышу. По-твоему, постареет, замедлив поступь?

– Война и мир живут в разных временах. Война совершает прыжок из засады подобно тигру. Переваривает добычу мир, и делает это медленно. Потому и кажется, что он один на земле, а война случайна. Рано или поздно он теряет силу и бодрость. Война приходит ему на смену, полная молодости и энергии. Сейчас мы почему растем? Восстанавливаем. То есть ступаем по собственным следам. В прошлом проложили, теперь повторяем.

– И правильно, зачем идти нехоженой тропой.

– Я тоже считаю, не надо. Старое поднять легче, но разгребем руины, и мир окажется перед лицом неизвестности.

– И что?

– Так она глушит скорость. Не знаешь, куда повернуть, приклеен к точке.

– Обязательно поворачивать? Перед нами прямая дорога.

– Мир расположен в пространстве, оно потому так и называется, что состоит из разных направлений. Эта война была самой большой из известных, значит, и распахнула вокруг себя необъятные дали.

– Как так распахнула, при чем здесь дали?

– То есть очертила горизонт, который заполнится миром.

– Она очертила или он сам его намечает?

– Она. Каждый делает, что может, к чему предназначен. Война собирается в точке, но владеет расстоянием, как стрела, открывая пространство. Мир не открывает, ему указан горизонт, круговая черта. Он постепенно переливает внутрь свое тело, пока не займет весь объем и больше не останется свободного места. А раз круг велик по тяжести минувшей войны, то каждое направление отстоит далеко от соседа. Выбор делать труднее, особенно с приближением к горизонту. Цена ошибки все выше.

– Говоришь, не останется свободного места?

– Свободного для развития.

– Оно что же, упирается в предел?

– Это условие его продолжения. Без предела не было бы и самого развития.

– Война открывает пространство, но сама им не пользуется?

– Нет, если вздумает попользоваться, перестанет быть собой. Ведь пространство обнимает разные стороны, в том числе противоположные. Представь себе, вдруг она двинется по расходящимся траекториям, что будет?

– Потеряет силу.

– Вот. Ее разобьют по частям, и наступит мир. Война выходит из точки, высверливая свой путь внутри мира, как пуля сверлит воздух, ни на что больше не отвлекаясь. Главное – создать давление, пробить оболочку. Пробьет – из отверстия хлынет наружу все, созданное мирным трудом поверженного народа. Таково дело войны. Поэтому вперед и только вперед, сохраняя скорость и мощь, собранную в точке. Остатки противника, разорванного на части, будут уменьшаться сами собой, как студень моллюска, вытасченного из раковины. Вообще, чтобы понять целое, нужно свести его к самому простому, – продолжал Максим. – Вещество мы знаем, энергию тоже, она тоньше и подвижнее, но у нее нет цели.

– Если продолжить в эту сторону, что будет еще кроме них?

– Наверно, гораздо более тонкое и быстрое, например, мысль, ведь нет ничего быстрее.

– Война наполнена мыслью?

– Она наполнена переменами и стремится к цели.

– Разве мир не стремится?

– Они делают это по-разному. Война складывает свои перемены. Все они продлевают одна другую так, что последняя упирается своим концом прямо в цель. Ведь она одна. Те тоже вытянуты в линию.

– А мир?

– Не складывает. Каждая его перемена течет в своем направлении.

– Это еще почему?

– У него в запасе пространство – длинное и широкое – одним направлением не наполнишь.

– Просто живет?

– Просто жить нельзя, нужно знать зачем. Мир есть и, когда истощается, посылает войну в область неизвестного и тьмы.

– Так кто из них знает зачем?

– По крайней мере, война знает как.

– Все связывают знание как раз со светом. Разве она свет?

– Свет – это ведь энергия. Энергия от вещества.

– Свет разгоняет тьму, и мы видим.

– Сам свет лишь освещает скрытое во тьме.

– Во тьме что же, нет вещества?

– Какое-то есть, – сказал Максим осторожно, – но его не много, как не бывает и беспросветной тьмы, подобно угольной яме. Иначе она существовала бы сама по себе, не нуждаясь в свете. Мы ведь говорим о тени, сумерках, переходах от солнечной стороны к глухой.

– По-твоему, с наступлением ночи вещество исчезает? Утро его не находит, а возводит заново, как фанерные киоски на Новый год.

Про себя Максим считал, что так именно и бывает, но вслух не сказал.

– Ночь не совсем тьма, и пустота не окончательное отсутствие всего.

– Тогда что она такое? – Костя проговорил с долей высокомерия.

Но Максим не обиделся.

– Это все разные состояния. Полное пространство набито веществом, пустое – движением. Вещество в нем тоже есть, но рассеянное. Его частицы малы, число их несметно, они могут поглотить какой угодно свет. Ночь покрывает землю знанием, утро – материей.

Костя опустил и сгорбил спину, сумка чертила круг. Он следил за ее медленным вращением и думал. Максим ждал. Он вспомнил работу настольного бильярда. Один шар наносит удар, другой ждет. Оба одинаковы, но один накапливает массу, другой – направление. Чем вернее удар, тем надежнее биток вырастает из массы в целое, вся энергия направления оседает на нем. Слепой удар обращает усилие в ноль.

– Кошки и совы видят ночью, – сказал наконец Костя. Он нащупывал мысль. – Выходит, все хищники ближе к миру идей?

– Люди спят ночью, – сказал Максим.

– А ночные смены?

– Это просто работа, хотя, – Максим поправился, – они еще не отошли от войны, чем дальше от хищника, тем сильнее пахнут травы. Наступит глубокий мир, люди перестанут ходить на заводы в темное время.

Он вспомнил свою тетку, которая возвращалась домой в глухую полночь, даже не знал когда, потому что спал. До него доносились приглушенные разговоры, но он думал, что видит сон.

– Ночная смена, – заговорил он снова, – делает женщину мужчиной, хотя сама по себе она существо дневное. Возбуждая ночь, люди сливаются с войной. Восход солнца собирает мир, тот доволен собой и никуда не спешит. Но со временем все глубже увязает.

– В чем?

– В незнании. Его становится слишком много. Круг заполнен, непонятно, что делать дальше. Всюду вещество вместо пространства.

– И хорошо. Больше вещества, выше темпы восстановления, таких, как у нас, ни у кого нет.

– Ну да, пока мир находится на иждивении войны. Вот и надо взглянуть на все из будущего, как если бы они уже разошлись.

Иждивенками были старухи – на пенсию не проживешь. Он легко запомнил это слово.

– Восстанавливают заводы, – продолжал он, – дома еще нет. А ведь мир состоит из них. Ты заметил, дни становятся длиннее?

– Так всегда бывает с весны на лето. Земля поворачивается к Солнцу той стороной, на которой мы.

– К Солнцу – каждый год, а к миру – только после войны, – добавил Максим.

– Они что, оба на смене времен?

– Бомбу сбрасывают, земля встает до небес, настоящее затмение, не надо никакого закопченного стекла. Люди сидят в подвалах. Да и комендантский час укорачивает день. Сейчас можно гулять по вечерам. Ночью пока еще страшно, особенно рядом со скелетами домов.

– Луна будет ярче?

– Не ярче, а теплее. Белый холодный шар станет желтым.

– Война знает, у нее есть идеи, а кроме того, снаряды и пули. Ты видел на подъездных путях составы с разбитой техникой? – спросил Костя. – Мир блуждает среди многих направлений, блуждает и путается? Странно!

Максим видел. Паровоз примчал за собой до полусотни открытых платформ – серые танки с оторванными гусеницами, некоторые без башен, как безголовое туловище. У двух-трех орудий были расчленены дульные срезы, они напоминали стебель одуванчика, когда его поддержишь во рту и с помощью особого наговора завьешь в кольца.

– Тысячи тонн металла, – продолжал Костя, – вот что главное – стволы и порох.

Это было правдой. Состав застыл на путях. Максим боялся, что от долгой стоянки колеса промнут рельсы. Он всматривался в точку касания, колесо показывало ему зеркальную окружность, ничуть не теряя формы.

– Идея одна, – возразил Максим. – Одна всего-навсего, но какая. А выстрелов великое множество. И все они не расщепляют ее на части. Допустим, каждый снаряд отщипнет для себя немного и обратится в целое. Пуля тоже, глядя на него, урвет кусочек. Так они и оберут всю ее до нитки.

Костя смотрел озадаченно:

– Что за нелепость. Зачем?

– Все хотят быть целыми и принадлежать самим себе. Но на войне не так. Осколок принадлежит бомбе, та – самолету, который ее несет и швыряет, самолет – летчику. Будь осколок наделен мыслью, он бы пожалел себя, уклонившись вонзиться в угол дома.

Дом был сложен из красного каленого кирпича. Максим, проходя мимо, каждый раз бросал взгляд на глубокую выбоину. Он представлял себе, как осколок мчится к стене и, понимая, что впереди боль от неминуемого удара, летит, не снижая скорости. Пусть он вылит из стали, но ведь и она тоже не совсем бесчувственна.

– А что с людьми, – продолжал Максим, – разве они отщипывают? Нет, хотя их тело прошито нервами и каждый кричит о своем. Жизнь с избытком обеспечена болью. Тебе не кажется? Может быть, так только на Земле, в других местах ей легче. И почему смерть наступает через боль, раненные скрипят зубами, прокусывают губы до крови?

– С ватным телом проще расстаться, – сказал Костя.

– Тогда мы не носились бы с ним, как с писаной торбой. Требуют – отдай.

– Кто требует?

– Война, кто же еще. Не хочешь отдать – отберут.

– Опять война?

– Отбирают командиры, но велит она. Дезертиры, изменники, трусы – не желают вкладывать свои чувства в идею победы, как в самое достойноеместилище, держат в себе, где они теряют всякую цену. Что ж, получай пулю по слову военного трибунала. – Он помолчал, соображая. – Я к чему. Мир, наоборот, не требует.

– Каждый должен работать. Кто отлынивает – не ест.

– Это, согласись, другое. Война ставит на грань. Счет идет на кровь и куски вырванного мяса, а мир, как жвачное животное, питается усталостью и потом.

Вечером пастух гнал мимо огородов стадо овец. Мальчишки доигрывали свой истертый мяч. Максим смотрел на их комбинации, низкое большелобое солнце и облако пыли вдали. Овцы возвращались домой. Они бляели, в шкуры набивался песок, дышать было нечем. Пастух держался сбоку. На кожу лица пал цвет старой меди, как будто он побывал в глубине Азии с ее степными кочевьями. Когда же проходил мимо, то обдавал знойным потом. Максим понимал, что управлять стадом не прогулка по зеленой мураве, а тяжелая работа.

– Видишь, какое дело, – сказал Максим, – война одета в железо. Оно на виду. Мир носит легкие костюмы и особенно платья, хотя его общая масса намного больше. Это как травоядные и хищники. Травоядные сами велики, да и каково число!

Он сбился и замолчал. Костя не подгонял его.

– Кто бы сомневался. Корпус войны создан миром. Она вышла из его цехов и заводов.

– Не в этом дело. Мир распределен. А раз так, состоит ли из массы?

– Из чего же еще?

– Масса всегда сбита в ком, в слиток. Мы говорим: массивное тело. Но если оно рыхлое, пусть тяжелое, грузное, но не сочлененное единством, будет ли массой?

– Ты связываешь ее с состоянием?

– Связываю с отношением к пространству. Чем оно выше, тем ближе к ней самой.

– А не просто тяжелое и легкое?

– Куда ты отнесешь то, что легче легкого, например пух или паутину, неужели и они тоже, плывущие по воздуху, масса?

– Допустим, их много и все свалено в кучу.

– Столько паутины не соберешь, чтобы получить массу, как ни старайся, даже обойдя венником осенний лес.

– Тогда до каких пор уплотнять: вот это уже она, а то слишком легкое и не дотягивает?

– Мы определяем на глаз, срачивая вещество с пространством, пока живем. Пробуем, выстраивая ряд от свинца до волоса одуванчика. А уж затем только приходит догадка: тяжелое устроено проще, легкое сложнее. Догадка встает над этим рядом после того, как его развернут на ширину личного опыта.

– Ты уверен?

– У тяжелого ведь нет пустот, иначе не оттянет руку. Отсюда и выходит, что все вещество сомкнуто и нет в нем разности, вот почему простота.

– Однородный материал ближе к массе?

– Ближе. Возьми золотое кольцо. Цена определяется весом. С камнем уже дальше. Не говорят ведь тяжелый алмаз, а крупный, чистой воды или искусной огранки.

Максим заговорил о кольце, потому что слышал от бабушки. Давным-давно она отнесла его в Торгсин, но до сих пор помнила.

– Сплошной относишь туда же?

– Да, чем меньше разделительных линий, тем лучше.

– Мы говорим о войне и мире, – напомнил Костя.

– И я о том же. Война одета в железо, сплошная, однородная, компактная, стоит у вершины тяжести, сжимает внутреннее пространство и пробивает внешнее. Я думаю, эти свойства связаны.

– Что ты понимаешь под внутренним?

– То, которое стягивает ее тело. Сильнее стягивает – круче вещество. Древние войны украшались медью, нынешние сплошь из стали. Почему и поется: «Гремя огнем, сверкая блеском стали».

Костя усмехнулся:

– Медь как раз тяжелее.

– А сколько ее было – щит и меч всего-навсего, шлем.

– А порох?

– Порох – энергия. Хочешь знать, почему он легкий? Все понятно, энергия не масса. Я думаю, ее проще добыть из легкого. Но ты верно подметил. Война сделана не только из массы. Ей нужна энергия, бросать свою тяжесть далеко и быстро вперед.

– Всем нужна, и миру тоже. Как только выгнали немцев, в первую очередь отстроили ГРЭС.

Максим вспомнил дом, в котором их разместили после войны. Он был ведомственный от этой самой ГРЭС. Там работала его тетка электриком. Уходя на дежурство, она включала плитку для обогрева. А ему наказывала не подпускать к ней своего двухлетнего сына. Максим был не намного старше, но все понимал, стараясь развлечь ребенка игрой. Тот протягивал руки к теплу. Максим караулил. Однажды ему надоело, и он решил напугать брата. Взял его ладошку в свою и пригнул к спирали. «Ой, бойно, пусти!» – «Не будешь?» – «Пусти-и!» – «Пойдем спать». Он укладывал его на кровати, ложась рядом. Тетка, приходя со смены, была довольна, находя обоих спящими. В награду она даже принесла ему магнит в виде подковы – одна половина красная, другая синяя. Запросто двигал гвозди сквозь сиденье стула. С тех пор Максим усвоил: где электричество, там водятся и магниты. Они близнецы-братья. Тетка с сыном уехала к мужу. Максим с матерью и бабушкой, мыкаясь по углам, выстояли в очередь жилье, в котором и живут сейчас. Но здесь нет света, потому что ГРЭС далеко. Провода от нее протянуты только к заводам, больницам и детским садам. Первое время он еще помнил о плитке и лампочке, потом постепенно привык к коптилке по вечерам, сделанной из пузырька с маслом.

– Ток пустили не ради мира, – вернулся он к разговору, – ему тоже досталось, но немного.

– Не понимаю.

– Это же ясно, мир состоит из отдельных людей, они могут подождать. Главное – снабдить энергией общее дело.

– Разве есть другое? Мы все заняты одним и тем же.

– Правильно, одним, совместным, но и своим тоже. Оно у каждого человека, у тебя, Миши, хотя вы и братья. Ты по утрам идешь в свой класс, он в свой, тетя Лида на работу, а после в магазин. Собираясь в комнате, вы делаете уже общее дело, правда, очень маленькое, его можно не принимать во внимание.

– С чего вдруг? – прищурился Костя.

– Вас всего трое, вот и маленькое. О чем говорите, никто не знает.

– Мы не скрываем. – Лицо Кости напряглось.

– Это никого не касается, – поспешно добавил Максим. Он чувствовал, что его занесло. – На то люди и живут отдельно, чтобы делиться самым близким.

– При чем здесь электричество?

– Мы ходим в школу – оно там. И у тети Лиды на заводе освещает сразу много людей, собранных вокруг большого дела. К нашему дому свет не подвели и к другим тоже на улице, все темные. Здесь всюду живут частники.

– Мы не частники, нам дали жилье от производства, а те построили сами для себя, у них огороды с колодцами.

– К ним столбы не идут?

– С какой стати!

– К реммастерским ведь идут.

– Сравнил, там рабочие.

– И что выпускают?

– Откуда я знаю, все за забором.

– Общее дело ближе к войне, – сказал Максим, заключая, – чем ближе, тем плотнее люди прижаты один к другому. Для того и построены специальные помещения – цеха, а внутри станки на электричестве, там же и отопление, и вода из крана, и туалеты, не бегать же на улицу в кабинку. Дома могут постоять без всего лишнего, они разгорожены на комнаты для маленьких дел.

Костя слушал, не перебивая.

– Мы скоро переедем, маме обещали дать рядом с заводом, я ходил смотреть дом, высокий, в четыре этажа, немцы подводят под крышу. Магазин и кино, все близко.

– А моя мама работает в городской столовой, там же и ночует. Едва ли нам дадут. Их трест обслуживает мелкие организации. Она хочет перейти к летчикам, там очередь короче. Во время войны мир очень мал, почти не виден. Раньше они не перекликались. Французы у Москвы, а в Рязани тихо. Сейчас все в одной упряжке. Не будь бомбы, сброшенной американцами, мир бы наладился. Теперь надо наверстывать, отдельную жизнь не скоро построим.

– Отдельную?

– Ну да, домашнюю мирную, чтобы доходило до каждого.

Костя усмехнулся:

– Маленькую для себя в самой середине покоя, большой жизнью охвачена вся страна, что делает промежуточная?

– Если вся, то войной, потому и песнь «Вставай, страна огромная», ради мира ее бы не сочинили. Промежуточная, думаю, для производства, притом тяжелого, имеющего выход на вооружение, отчасти, конечно, и на закладку основания для нового мира. Сам себя он подхватить вверх не может, если не оттолкнется от плотного и твердого.

– Война может?

– За уши никто себя не поднимет, и ей нужен толчок, то есть не толчок, а, правильнее сказать, сборка. Она не отталкивается, а сводит уже готовое. Как только вберет все захваченное вещество, тут же забурлит и прольется лавой.

– И откуда вещество?

– Приливает из блюда жизни, просторного, как океан-море. Чем больше наклоняют, тем мощнее прилив, больше взять неоткуда. – Последние слова Максим добавил про себя.

Недавно он прочел книжку волшебных сказок. В голове стояли ее странные образы. Он удивлялся своим предкам, которые умели так видеть и чувствовать.

– Получается, что война, производство и мир вставлены друг в друга, отдельно не существуя?

– Так все выглядит сверху, но звеньев больше, сколько – не сосчитать. Война, пожалуй, самое простое дело, хотя нет ничего труднее. Производство уже очень растянуто и пускает ветви. Тяжелое – из сплошного металла, вздымает молот. Здесь голос будущей войны учат подражать грому. За ним идет более искусное и легкое звено. Легкое по весу, но мысли вложено больше, работа аккуратнее, дальше еще легче, ветви тоньше и раскидистее, другой металл.

– Ну-ка, ну-ка, скажи какой?

– Не чугуны и сталь, а цинк, олово, алюминий.

– Не такие уж и легкие, кроме алюминия. У тебя цепь сходит на нет.

– Возьмем боевой корабль – бронирующие листы или якорь – одно, а провода на катушках из меди, те же приборы – совсем немного. Кончается производство, отдельно от него действует экономика. Та почти вся вдвинута в область мира.

– То есть чем занимается?

– Выслушивает население вплоть до каждого человека. Тебе, положим, ботинки? Пожалуйста, вот обувная фабрика. А мне галоши – тогда «Скороход», рубашки, платья, все, что угодно.

– Так это гражданские отрасли. Экономикой называется все хозяйство в целом.

– Я для себя, чтобы не путаться. А как точно, не знаю. Пусть гражданские. Они выпускают предметы или вещи. Это самое сложное, хотя разобраться, нет ничего легче вещей, потому что они скорее форма. Материалу немного, но весь он из разных поверхностей и линий.

– Производство не формы?

– Нет. Среднетяжелое – вырабатывает изделия, а тяжелое – не знаю, что и сказать, какие-нибудь образцы военной и иной спецтехники.

– Почему гражданское производство сложное?

– Оно выдувает формы, те должны быть разными, каждое уклоняется в свою сторону – размер, цвет, материал по вкусу покупателя.

– Выдувает?

– Я их сравниваю со звуками трубы или флейты. Звук – всего лишь воздух, а вместе – мелодия. Праздничная толпа разноцветна и переливается, как песня оркестра. В развитой экономике все отделы нарезаны подробно и тонко. Расстояние между окаймляющими концами велико. У нас они смещены в сторону металла и энергии. Война, как большой магнит, притягивает их к себе. Легких отраслей мало, поэтому их голос груб, звуки слетают хриплые. Я думаю, если собрать всю одежду, разделив ее на число отдельных вещей, которые мы носим, вес будет намного выше трофейных. Там разнообразие отделки, утончение, здесь стеганые куртки, ватные пальто, ушанки, валенки, все тяжелое. Наша победа и в этом тоже. Почти все гражданское стало военным. Немцы возглавили Европу в походе на Россию, вместе воевать дешевле. Но она же их и расслабила. Первыми под Сталинградом дрогнули итальянцы, да и румыны были не ахти какие солдаты.

Костя оживился:

– Румын я видел. Их называли цыганами. Вояки из них никудышные. Поменять, утащить чужое – на это ума хватало.

Миша рассказывал, что Костя долгое время жил далеко на юге. Его отправили на лето к родне со стороны отца. Вернуться не смог из-за того, что обратная дорога была перерезана.

– Но все равно, хоть и цыгане, – продолжал Костя, – а люди живые. Немцы механические, холодные. Я их боялся, как будто свалились из преисподней. Там их и скроили в виде людей. Жил с дедом. Боев не было. Наши заняли станицу, но стояли недолго и ушли в степь. После приехали они.

– Приехали? – переспросил Максим.

– Пешком никогда не ходили. Наш дом отдали офицеру. Его машина всегда стояла во дворе. Машина и мотоцикл. Потом появились румыны. Их называли цыганами. Залезли в кладовую и утащили мед – дед держал пасеку. Офицер вернулся с работы, он ему пожаловался. Тот повесил на воротах охранный лист. И все равно пришли, но уже немцы, – двое солдат с автоматами. Видно, кто-то из своих донес. Искали мед, а дед после того раза спрятал. В стеклянных банках стояло топленое масло. Сунули туда пальцы, облизали – не мед, он ведь похож на масло, но вкусно. Подхватили и за ворота. Дед догонять, я за ним. Вижу, неладно получается, за руку схватил. «Ложись!» – как заору, и вовремя. Один сорвал с себя автомат и повел с разворота очередью. Я его тогда спас. Еще помню, с самолета сбросили бомбу – не разорвалась. Большая

и толстая, как свинья. Другая упала на задах. Дом устоял – кирпичный, а крышу сдвинуло. В яму от взрыва натекла вода. Дед поставил забор от детей.

– Какие дети?

– Станичные. Там глубина – с руками. Он потом обнес ее валом от выброшенной земли, добавил воды из колодца и напустил рыб.

Костя помолчал, вспоминая.

– Потом пришли наши.

– Опять пришли? – перебил Максим.

– Что значит опять? В тот раз они отступали.

– Нет, пешком, как тогда, или на машинах?

– Машин было полно и всякой техники. Без нее какое ж наступление. Без нее солдату... –

Костя подумал и добавил: – Как машинисту без паровоза. – Он вспомнил своего отца, который работал сцепщиком на железной дороге.

– Паровоз – это слишком, – сказал Максим.

– Почему?

– Он принадлежит миру и потому крупнее войны.

– Он же связывает их.

– Связывать – одно, принадлежать – другое. Можно сравнить токаря с пулеметчиком, – продолжал он. – Станок больше пулемета.

– Но меньше пушки, – возразил Костя.

– Смотри какой. Сорокапятка весит шестьсот, а станок сколько?

– Они все разные. Долбежный потянет на полтанка.

– А если пресс?

– Линкор в полтора метра длиной с чем ты сравнишь?

– Линкор – это цех.

– Не цех, а корабль. Свое электричество, склады, службы, орудия – все необходимое для морских сражений.

– Завод, который ведет строительство боевых кораблей, все равно больше.

– Крепость, – не сдавался Костя.

– Крепость стоит между войной и миром, держит оборону, наступать не может.

– Ладно, – сказал Костя, наполовину соглашаясь. – Давай сложим действия всех солдат в правую сторону, а рабочих – в левую. Какая из них перетянет?

– Ты сравниваешь стороны, как гири?

– Да.

– Если как гири, рабочие давят сильнее.

Костя молчал, мысленно взвешивая то и другое.

– Бойцов ведь тоже много, миллионы. Весь мужской состав ушел на фронт. В тылу остались женщины да подростки. Так что половина на половину.

– И женщины воевали, – добавил Костя, – снайперши, медсестры, связистки.

– В тылу все равно больше, – настаивал Максим.

– Может быть, только на фронте крепкие молодые мужчины, у них литое плечо. А в тылу кто?

– Неважно. Тыл наполнен длинными движениями, хотя сам прибит гвоздями к одному и тому же месту. Фронт, если он успешен, глотает пространство. Но этот успех обеспечен множеством разнообразных и потому коротких движений. Подросток вытачивает деталь – сам он мал, не кормлен, в чем только душа держится, но резец снимает стружку, не жалуясь на усталость. Боец же все делает сам, его мотор не на кнопке, а в груди. Движения резкие и сильные, иначе, не успев развернуться, пропустят дело, уткнувшись в пустоту. Такова война – выбирает крепких мужчин. Каждое их действие выточено по образцу обстановки, а та плотная, как сле-

жавшийся песок. Длинные принадлежат миру, прикреплены к точке, например к станку. Чем тверже мир стоит на ногах, меньше суется, тем быстрее и дальше шагает война.

– Мы перебросили сотни своих заводов с запада на восток, тем только и спаслись.

– Нашел чем хвастаться. Немцы сталкивали не свою войну с нашей – кулак на кулак, но их фронт утрамбовывал наш тыл. Это кулак в печень. Вещество, которое мечется по вагонам и полустанкам, не скоро отливается в пушки и танки, а без них чем будешь бить врага.

– Как же не скоро? Наоборот, нарастили ядро в новых промышленных базах.

– Потеряв на этом целый год.

Костя собирался с мыслями.

– Скажи, сильные оттого, что короткие? Секрет в мускулах действия или в длине?

– Длинные растянуты. Их концы становятся тоньше. Чем дальше ты несешь свою силу, тем больше теряешь по дороге.

– Зато достаешь.

– Немцы дошли до Москвы и выдохлись. Еще короткие одинаковы. Войне того и надо.

У солдата все они повторяются. Кто их меняет – не солдат.

– Разве война не нуждается в свободе действий?

– Нет, конечно. Разнообразие ведет к отдельному. Оно похоже на форму. Дальше от другого – больше своего.

– Чем же плохо?

– Энергия распыляется на единицы, а нужно собрать.

– Как она это делает?

– Уравнивает и усредняет. Средний и одинаковый легко отдает энергию, она гладко течет, не прерываясь разнообразием. Крылья войны поднимают ветер сражений.

– Меняющий свои действия – кто?

– У нас таких нет. Мы не на войне, но рядом с ней. Что колхозник в поле, что городской, который спешит на фабрику, – никто из них не меняет. Станок запущен, не знает остановки, гонит одну и ту же деталь, задания меняются редко. Тракторист ведет трактор, в сторону не уклоняется, пока не дойдет до конца поля.

– У колхозника и заводского одинаковые действия? – не соглашался Костя. – В колхозе не только трактористы пашут. Пусть они главные, но гораздо больше тех, кто работает внаклонку. Да и завод тоже. Кроме станочников есть и те, кто их обслуживает. Труд у них ручной – поднеси, подай, убери.

– Что завод, что колхоз – мы стоим близко к войне, особенно сейчас. Все хозяйство заточено на поток. Оба стоят на миллионах работников. Каждый делает свое дело. Приглядишься, похож на автомат.

– Да и на войне солдат ничего не повторяет, – перебил Костя, – идет ли, бежит с винтовкой наперевес, ведет огонь выстрел за выстрелом и даже очередь впереслой. Враг в наступлении, видит цепь, которая на глазах распадается на отдельные фигуры. Одна из них совсем близко и заслоняет окоп.

– Солдаты ходят строем и поют песню, стоят в шеренгах молча. Командир знакомит с уставом или отдает приказ – обсуждать нельзя, спят в казарме голова к голове.

– Не обязательно строем, на кухню за кашей, как рабочий в заводскую столовую. Не все же сплошной бой.

– Полевые кухни кашу варили ночью и кормили до рассвета. В окоп приносил один человек сразу несколько котелков, чтобы не создавать толчеи.

– От кого узнал?

– У истопника в школе.

– Знаю, у него клешня вместо руки. А почему ночью?

– Кухня дымит. На дым немцы кладут снаряды. Оставить без горячего целый батальон – большое дело. Все равно что накрыть огневую точку. За кухней и самолеты гонялись.

– За человеком не гонялись?

– Истоппник говорил, гонялись, но с кухней игра веселей. Лошади в разные стороны, котел набок, полкуба каши в грязь. С винтовкой бежит, – напомнил Максим, – ноги и руки делают одно и то же.

– Винтовка бьет прицельно из окопа. Его положено обустроить, винтовку приладить и палить не в белый свет. Обученный боец выбирает цель, не всем дается выдержка и меткость.

– В атаке создают огневую завесу, а это автомат.

– В начале войны их не было.

– Так появились же.

– Без немцев бы не появились.

Максим вздрогнул. Костя как будто приоткрыл дверь, и щель засветилась.

– Думаешь, они навели на мысль?

– «Мосинка» против «шмайсера», вот и сообразили. У белофиннов был автомат, хорошо себя показал. Мы тогда не учли, а ведь как просто. И не потому, что не смогли. Не такая уж хитрая техника ППШ.

– Это мир таков, – отозвался Максим. – Если не совсем слеп, то очень близорук. Война видит даже ночью, как кошка в погребе.

– Зачем ждать свою, загляни в чужую и научись.

– Польша и Франция?

– Финны не убедили, так хотя бы они. За полтора года можно было наштамповать, пусть бы каждый боец поливал перед собой свинцом. За него и прятался. Все фронтовики говорят: «Сходил в атаку – убит или ранен, без отметины в родной окоп не возвращались. Плотность встречного металла сумасшедшая. А все отчего? У немцев весь бой шел на механике, у нас – вручную».

– Ремесленная сноровка против фабрики, – догадался Максим.

Пока Костя говорил, дверь для него отворялась все шире, пропускающая свет. Ему захотелось поделиться, чтобы не пропало мелькнувшее в голове.

– Все вооружение, какое ни есть, тоже делится на части, как народная активность – на мир и войну вместе с промежутком между ними. Тяжелое оружие притягивает массу с энергией, повторяя строение самой войны. К нему подтягиваются среднее и легкое в подобие того, как развит мир.

– И как же он развит?

– Так я и говорю, что он распределен в пространстве.

– А тяжелое?

– Тяжелое скапливается в точке и благодаря ей пробивает толщу обороны. Те же пушки и особенно танки. Пушки гораздо менее подвижны, их кулак уходит в прошлое. Наполеон добывал ими свои победы. Других способов притяжения тогда не было.

– Зачем ты вспомнил о притяжении?

– Ствольный металл, ядра и порох – все это собирается в одно большое орудие, которое буквально обрушивает на врага крепость вещества.

Максим замолчал, обдумывая природу войны и мира. Война залегала в подземелье, мир вынесен на солнечную поверхность. Ни в чем не совпадая, оба были порождением одной и той же земли. Время от времени она сводила их вместе, как общая мать. Тогда все переворачивалось вверх дном. Тяжелое, спрятанное внутри свинца и стали, выходило наружу, а легкое в виде одежды, подушек, одеял и детских игрушек ютилось в подвалах и погребах. Ему хотелось найти разницу, лежащую на глубине. Там легче придавать событиям нужную форму. Созревшие бомбы не соединить с игрушками и женскими платьями. Однако если они еще спят в

своих будущих замыслах, то почему не сблизить течение идей. Пусть людям суждено воевать, но не с таким же остервенением, разбивая в пух и прах созданное мирным путем.

– Оба находятся в разных состояниях, – заговорил он, – война лежит в начале вещества, мир в конце. Начало сжато, все в нем одинаково. Постепенно вещество высвобождается из тесноты, обретает простор и, радуясь ему, становится формой. А раз так, то оба совершают разное количество движений.

– Где же их больше, – спросил Костя, – у войны?

– В каком-то смысле да, – сказал Максим неопределенно. Он чувствовал, что его шар с трудом держит удар.

– Больше или меньше? – настаивал Костя.

– Вообще-то больше, – выдавил из себя Максим. – Но сами они меньше.

– Ничего не понимаю. – Костя вошел в азарт.

Он уже не крутил свою сумку, понунив голову, но раскачивал его, Максима, как маятник. Ему вдруг подумалось, что оба брата такие же разные люди, как их отцы, и он отвел взгляд за ответом, как будто тот висел в воздухе.

Низкие дома с палисадниками заканчивались пустырем. Деревянные темные столбы стояли шеренгой. Витая толстая проволока удерживала их на костылях. Ни один прохожий не показался. Максим чуть было не потерял представление о времени. Он знал этот переулочек, он всегда играл с ним в прятки. Пока Максим не спускал с него глаз, дома притворялись незаметными и тихими, только бы их не трогали. За спиной же смотрели насмешливо и дерзко. Бывало, он круто оборачивался, чтобы настигнуть косою взгляд окон. Но они были хитрее и проворнее его. Если где-то отнималась занавеска, то, уловив его намерение, успевала мигом задержаться. Раз на столбах висела проволока, сообразил он, значит, уже изобрели электричество. Но материал дерева был стар и сед, расколот продольными трещинами. Лишь ржавая вечная проволока скрепляла его от распада. Наверное, до войны, когда их вкапывали, все было иначе. Здесь ходили люди, и дома не крались вдоль переулочка, столбы украшали его цветом спелой древесины и белозубым фарфором изоляторов. Костя ждал. Надо было отвечать.

– Все дело в качестве движения, – сказал он наконец. – В одном случае их больше и все они короткие, в другом меньше, но длинные.

– И первый случай – война?

– Думаю, да. Ты сам как считаешь?

– Не знаю, не воевал.

– Но ты же видел ее.

– Видел, но не участвовал. Она все время шла и ехала мимо. Можно сравнить с паровозом. Пыхтит, набираясь сил, включает скорость – и позади гремят десятки вагонов.

– Согласен, накапливает тело, чтобы резко бросить вперед.

– Так это же огромное действие. Все оно движется в одном направлении, рельсы гудят, состав режет пространство, как ножом, земля дрожит. А ты говоришь, их много и все только короткие.

– Большое как раз на виду: заняли Киев, Смоленск, подступили к Москве, а потом неожиданно откатились после нашего зимнего удара. Дробные движения, наоборот, спрятаны.

– Где?

– В солдатских буднях. Углубляют стрелковую ячейку, чистят и смазывают винтовку, прожаривают нижнюю рубаху от вшей, заступают в наряд, без дела не сидят, солдата постоянно дергает время.

– Разве это мелочь?

– Фронт растянулся от Черного до Балтики. Везде то же самое – ячейка, ход сообщения, блиндаж, бойцы заняты одним и тем же и разговоры ведут одинаковые.

– В мирной обстановке, если приглядеться, разнообразия тоже не больше.

– Люди в общем похожи друг на друга. Но этот врач, тот инженер, в школе учитель. Есть каменщик, плотник, слесарь, – профессий тьма-тьмуца. Рядовые все на одно лицо и дело. Мир больше войны, каждое отдельное движение больше.

Максим вспомнил потерянную мысль.

– Война видит ночью не сама по себе, а с помощью заводских приборов.

– Вот видишь, сделано на заводах по чертежам и схемам. Солдат упирается в свое ремесло не по бумаге.

– Сделать легче, чем знать что.

– Не что, а как, – поправил Костя.

– На первом месте *что*, и только потом *как*. Разница между войной и миром в том и состоит. Он ищет и, пока не найдет, не успокоится. Получив, позовет войну. Она для мира как палочка-выручалочка.

– А смысл поиска?

– Знание, мы ведь о нем говорим.

– Знание чего? – Костя слегка повысил голос, теряя терпение.

– Как чего! Пути. Он только этим и занят, правда, не сразу. Сначала понимание лежит на самом виду, вот как сейчас. Каждому ясно, что надо делать. Война принесла разруху, значит, впереди восстановление.

– А дальше?

– Развитие.

– Куда, в какую сторону?

– Это же не перекресток дорог, как в сказке. Время покажет.

– Хочешь сказать, что слабое место само притянет внимание?

– Да, притянет. Мир производит вещи, каждая из них требует для себя пространства.

Вещей становится все больше – оно не пускает.

– Возьми да отодвинь.

– Мяч может лопнуть.

– Новая порция вещей всегда найдет уголок.

– Именно уголок, все более тесный. Вместо сахара – сахарин, хлеб наполовину искусственный, не масло, а маргарин. Мир пользуется лишь тем пространством, которое ему отвела война. Другого нет. Всюду границы, попробуй переступи.

– Пусть твои вещи не размножаются.

– Тогда не будет развития. Страна отстанет. Ей навяжут войну.

– Это и есть его знание?

– Да, он перестает вмещать, расходится по швам, утрамбовывает лишние вещи. Те принимают уродливый вид.

– Эрзац-сахар, желудевый кофе, – проговорил Костя тихо, – но почему сразу война?

– Не сразу, просто подделок и заменителей становится все больше, и тогда от производства вещей переходят к материалу, из которого отливают войну Смахнет паутину границ. Германия обретет наконец простор. Каждый немец сможет со вкусом устроиться на Востоке.

Костя хотел возразить, но вместо этого сказал:

– Наш мир совсем другой, Россия не Германия.

– Потому и пропустила немцев до Сталинграда. Сейчас у нее внутри сердечник.

– Что это еще такое?

– Заводы, выпускающие пушки и танки. Они придают ей устойчивость, как груз, пришитый к меху.

– Жошка?

– Угадал. Но тут другая беда. К грузу нужно пространство. Они составлены в пару. Мех стелется по горизонталям. Свинец скользит вдоль нити, натянутой между верхом и низом. У России горизонталей мало из-за узкого пространства.

Костя разинул рот:

– Как же так! Посмотри на карту, шестая часть суши.

– Вот в этом все и дело. У нетронутого пространства все горизонталы перепутаны, по ним нельзя взбираться, как белка по ветвям, собирая шишки. Это как сундук с неизвестным веществом. Открой крышку – ее еще надо с большой натугой отвалить. Что найдешь? И как добудешь увиденное? Пространство ли это? Нечего удивляться тому, что плохо живем, будто бы владея горой алмазов. Мы отнесены в смешанную область, где небо едва отделено от земли. Над ней плавают туманы, различить нужное нелегко.

– Скучное?

– Нет, скорее трудное, трава пополам с песком, летом на ней растут камни, до золота копать и копать, вода должна отстояться. Одним словом, все впереслой. Привести в порядок и отделить доброе от пустого – вот что предстоит.

– Германия повержена, – не утерпел Костя.

– И волкидохнут с голоду. Немцы пойдут на поправку, заживут лучше нашего, потому что за ними просеянное и отцеженное пространство. У нас жизненное нечеткое, у них смертное регулярное. Они пришли сюда за нашим. Как и всегда, смерть ведет охоту, лежит в засаде, набрасывается, не предупредив. Ей нужна плоть. К оплате предъявляет знание.

– Твой мир неужели только ищет, готовит и призывает войну?

– У него есть свое Что, но этого мало. Мы обитаем на вертикали, – продолжал Максим, – шишки на ней не растут. По такому грузу, который удалось собрать, нужно как можно шире раскинуть ветви. Тогда Россия станет деревом жизни.

– Как ты обозначишь Что, принадлежащее войне?

Максим задумался. Костя смотрел в прицел. Если уж не назвать, то, по крайней мере, нащупать. Он поднял к нему лицо. Один Костин глаз был прищурен, другой широко открыт.

– Я же сказал, у нее нет Что, а только Как. Лучше всего у нее получаются мгновенные и сильные действия, так как сама она тяжела и громоздка. Быстрые, если смотрят на войну во все глаза. Но такие требуют большого ума.

– Это какие же?

– Чем ближе к жизни, тем медленнее, на войне – действия постоянно бегущие, неуловимые.

– Значит, близкие к смерти быстрее?

– Она же не стоит на месте. Чтобы ее одолеть, нужны вещи, одаренные высокой скоростью.

– Миру ее не хватает?

– Он накапливает форму, а те не складываются. Возьми пулемет. Напоминает станок тем, что выдает серию – тра-та-та. Но пули пронзают пространство, а станочная стружка ложится на пол. Гильзы и пули одинаковые.

– Пусть серия, – возразил Костя, – но впереди вертящийся круг боя.

Костя собирался с духом. Он отчетливо видел свою мысль, но ему хотелось, чтобы и Максим ее тоже увидел. Приближение мысли чувствуется задолго до слов. Некоторые обещают много нового, но, притянув слово, делают самыми обычными и даже, если как следует вникнуть, хорошо известными. Для немногих, наоборот, слово служит оправой.

– Солдат бежит? – начал он с вопроса.

– Бежит, – подтвердил Максим. – Каждый шаг одинаков, на то и ноги.

– Споткнется, возьмет в сторону, упадет наземь, ноги только напоминают машину, зато станок, который на заводе, стоит мертво, тяжелый да еще болтами закреплен на основании.

Думаешь зачем? Все должно быть ровно, – ответил он сам себе, – все детали – близнецы. У солдата же не так – каждый выстрел ложится в свою цель, все тра-та-та разные, на бегу перехватывает ногами новую землю. Что-то в ней есть другое, какая-то черта, которая может изменить все. Сам солдат не всегда замечает то малое и густое, что его обступает, но тело видит, оно старше своей души. Душа идет на сближение с немцем. Тело ее несет. Ему нельзя отступить, неловко упасть, пропустить осколок или пулю.

– Свою пулю ты не услышишь – восемьсот метров в секунду.

– А чутье? Бегущий в цепи часто не знает, почему отклонился вправо или влево. Слышит лишь свист там, где был мгновение назад.

– Почему тогда большая часть красноармейцев полегла?

– Погибали молодые и необстрелянные. Ни выучки, ни чутья. И сколько он бежит? Двадцать метров, пятьдесят, сто? – Костя отвел глаза. Он шевелил умом. – Сто метров подряд не пробежит – снимут.

– Или наступит на мину, – подхватил Максим, – проволоку.

– Перед атакой наши саперы все подходы проверяли щупом и проволоку резали.

– Двадцать метров может пробежать без остановки, иначе какой смысл. Не ползти же попластунски до немецкого окопа.

– Хорошо, подбежал к траншее. Что дальше?

– Бросает гранату – пусть метет осколками все живое.

– Новое действие, и не одно.

– Бросок разве не одно? Была бы сила в руках.

– Отогнуть усики, выдернуть кольцо, где в это время автомат? Я думаю, без гранаты нельзя, когда он подползает к доту или обороняется от танка. Тут нужна мощь.

– Скорость выгодна против живых мишеней, – сказал Максим, подумав, – они действуют зигзагами, как моль. Автомат напрягает время. Граната или еще лучше связка дает взрыв. Дот с руки не расстреляешь – это масса, ее берут энергией.

– Кучные цели тоже любят взрыв. В траншее как раз накапливается немец, поэтому боец верит в гранату. Ты вот говоришь, напрягает время. Как это понимать?

– Мотыльки напрягают пространство, а пули время. Моль порхает не так уж быстро. Весь ее путь состоит из отрезков, каждый из них вмещает целое действие. Тут малый вес соединен с резким углом поворота. Направления меняются, как узоры на вышивке. Сколько действий насчитает в секунду, такова и напряженность его пространства по выполняемой операции.

– Что это еще такое?

– Величина обратная скорости, делит время на пространство. Время растет, пространство стоит.

– Как растет? Не понимаю.

– Насекомое в воздухе, ты не можешь его поймать. Почему?

– Потому что меняет углы и плоскости полета.

– Менять-то меняет, но это способ удлинить время жизни.

– Хорошо, а что с пространством?

– Я же сказал, стоит. Каждая его единица несет все больше действий. Раз больше, то и пространство другое, не наше, привычное. Поднимающий штангу покрыт мышцами. Мотылек придает силу своему времени. Нагрузку принимает пространство, оно в знаменателе дроби. Его немного, мотылек не вылетает из комнаты, не садится на потолок, как муха. Потолок делает муху недостижимой. В помещении объем полета один-полтора кубометра воздуха, зато эти кубометры испещрены действиями. В скорости все наоборот. Солдат в походе делает шесть километров в час, снаряд в секунду – чуть ли не целый километр. В первом случае секунда несет на себе меньше двух метров, во втором – уже тысячу. Представляешь, насколько она сжата. Солдат шагает в строю – короткий отрезок опирается на широкое время, пушка произ-

водит выстрел – километровое расстояние давит на время, как кончик иглы на ткань. Люди, увеличивая скорость, на самом деле стараются свести острие времени к точке.

– Ты хочешь увидеть разрез войны, – сказал Костя, – одни движения против других?

– Раз война состоит из них, что же еще сравнивать?

Костя долго молчал, впитывая сказанное. Он пытался представить себе легкого и слабого мотылька, который придумывает свои повороты. Костя привык к тому, что повороты запутывают нить движения. От усилия он как будто переставил глаза. Теперь правый прищурился, а левый смотрел широко.

– Легкое напрягает пространство, тяжелое – время, – повторил он полугромко для себя, чтобы лучше запомнить. – Давление на пространство означает, что тело успевает побывать в разных его точках. Так?

– Да. Но массивное тело, выполняя одно-единственное и притом длинное движение, тоже пробегает множество точек, разница в том, что они выстраиваются в линию.

– Ну и что?

– Нет смены направления, поэтому все точки подобны. Скорость не отклоняется в сторону, а пробивает расстояние. Ее пространство лишено объема. Оно одномерно и другим быть не может.

– Значит, напрягая время, мы упрощаем пространство?

– Оно ведь растет, занимая числитель. Как же можно расти, не делаясь проще? Попробуй вникнуть: время получает остроту, нагрузка на него увеличивается. Оно потому и выдерживает ее, что природа самого пространства становится везде одинаковой. Будь она разной, снаряд или пуля спотыкались бы на каждом шагу. Сама по себе масса складывает в себе пространство. Если ее много, то сворачивается в шар – трехмерную точку. В движении она стремится к прямой, в которой нет ничего от формы.

– Мотылек рисует формы?

– Рисует, налегая на пространство. Оно становится, как бы это сказать, замысловатым, вбирая углы и петли. Для того и нужно быть легким. У легкого очень высока угловая скорость, а массы и энергии мало. Вот оно и закладывает свои петли. Чем легче, тем круче, вплоть до углов.

– Но в таком случае что происходит со временем мотылька, тоже упрощается?

– Наоборот. Его все больше рядом со своим пространством, которого все меньше.

– Что это значит? – осторожно спросил Костя. – С пространством в общем понятно. Оно наглядно, его легко представить. Но может ли время быть простым или сложным? Это же не вещь.

– Я и не говорю о качестве, только о больше и меньше. Хотя мы ведь говорим: суровое время. Суровое или тяжелое, вот как сейчас. Бывает радостное, праздничное, светлое, впрочем, это лирика.

– А тебе что надо? – вырвалось у Кости.

– Мне? – Максим хмыкнул. – Мне – физика.

Он вдруг вспомнил, что думал об этом раньше, но вскользь, всегда что-то отвлекало. Вопрос о времени был трудным. Он ни от кого не слышал о простоте времени, хотя его и научились связывать с пространством. Говорили, например, об их совместной кривизне. Он пытался представить себе, как искривляется время, но у него ничего не получалось. Все-таки он правильно сделал, заговорив с Костей. Люди должны быть попеременно и отдельными, и вместе. Если только наедине с собой, то, ошибаясь, могут далеко зайти. Но и постоянно бывая вместе, ничего путного не придумают. Это все равно что плавать в мелком пруду, разбрызгивая воду до самого дна.

Его тянуло на улицу. Среди ребят сначала все шло хорошо. Он был одним из них. Однако незаметно подкрадывалась скука, и он искал тишины, пока не приходила пора вновь ступить

на территорию шума. Однажды как раз в окружении шума ему пришло в голову, что простое время возникает на виду у людей. Чем их больше, тем каждая единица проще. Их много, и они похожи, как листья дерева.

Недавно праздновали Первое мая. Он пошел на площадь с Мишей и Воликом. Они с ходу нырнули в беззаботную гущу, их понесло к Учителю. Тот стоял над толпой. Глыба поста-мента, облицованная мрамором, была прохладной и скользкой. Их теснили, разводя в разные стороны. В конце концов он оказался среди незнакомых людей. Пока нырял, как челнок, пере-ходя от одной группы к другой, было интересно. Всмотривался в лица, слушал обрывки разго-воров, пробиваясь к дальнему концу, где продавщицы с помоста торговали дешевыми конфе-тами. Но народ все прибывал и уплотнялся. Он уже не мог проталкиваться сквозь множество тел. Месиво людей составилось в единое целое и ходило волнами в такт с криками здравии. Сколько он видел вокруг, лица были сделаны на один манер. Он задыхался, желая выбраться на свободу, чтобы не оказаться раздавленным.

– Простое время течет среди людей, сведенных в толпу, – сказал Максим.

– Почему?

– Оба условия налицо. Сжатие объема – это, пожалуй, главное – и множество собрав-шихся.

– В чем ты видишь упрощение?

– Чем теснее стоят, тем больше скованы в своих действиях. Что они могут? Переминаясь с ноги на ногу?

Максим вспомнил, что, уставая, он обвисал. Не было возможности повернуться, чтобы сместить центр тяжести. Что делать? Плечо затекло – попробовал высвободить. Головой можно крутить, но из-за малого роста видел лишь спины. Было жарко. У мужчин рубашка, заправлен-ная в брюки, – светлая к серому. Шагая, они различались походкой, лицом, статью. Здесь все это пропадало. Молодых женщин он невольно выделял, природа наградила их светимостью. Она пробивалась сквозь тонкую кожу. В толпе он опускал голову вниз, она уставала смотреть на спины и тянуться в просвет между плечами. Почти все женщины носили матерчатые тапочки. Он понимал, что ноги неотделимы от земли и у нее набираются равнодушия к материалу и форме. На главной улице у кинотеатра попадались женщины в туфлях на высоком каблуке. Тогда ему открывалось неожиданное значение женских ног. В чем оно заключалось, он не вполне понимал. Было ясно, что ими не только ходят или бегают, как у мужчин. Потому они и открыты, а не спрятаны в штанах или брюках. Вообще женщины не должны собираться в тесных помещениях, это их угашает. И слишком много в одном и том же месте тоже плохо. Различия, данные полом, сливаются, они теряют то, что носит бабочка в виде блесток.

– Нет настоящих движений, – сказал Максим, связывая разбежавшиеся мысли в пучок, – поворот головы, шевеление, цыпочки.

– Какие цыпочки?

– Вставать на них, чтобы увидеть трибуну Первомая.

– Увидел?

– Нет, только Учителя. Он был выше площади и постоянно лез в глаза.

– Ты говоришь о движениях, а я спрашиваю о времени.

– Они и есть время. То и другое связаны по рукам и ногам.

– Но почему его много?

– По числу людей.

– Так ты имеешь в виду не время площади, а человека из толпы?

– Площадь слипалась в одно целое. И стоящие на ней тоже. Она – это они. Она одна, их великое множество, – продолжал он. – Попробуй постоять час до хруста костей. И потом, ведь речь не только о теле. Они кричат в едином порыве. Их чувства прилегают один к другому и в основном по прямой линии. – Максим провел рукой сверху вниз.

– Что значит по прямой?

– Их выравнивает давление. Ты не можешь, оказавшись в толпе, думать и чувствовать по-своему. Кирпичи формуют прямоугольными, чтобы укладывать в стену, не подбирая один к другому, как камни. Площадь похожа на кирпичный завод.

– А как ты оцениваешь ее время?

– Оно очень велико, охватывая весь город. Каждый человек бывает там или идет мимо. Праздники отмечаются по календарю.

– Не понимаю.

– Учитель всегда на своем месте. На него смотрят, он вызывает вибрацию. Это душевные движения. В красные дни люди несут сюда портреты вождей, помосты для выступающих увешаны лозунгами. Кирпичи проходят через глубокий обжиг, становятся насквозь прокаленными и при ударе звенят.

– А чем все-таки измеряется ее время?

– Числом людей. Всех пропускают через огонь. Никого не останется – площадь закроют. Время каждого человека невелико, у постамента, можно сказать, совсем крошечное, но их много и сумма все растет и растет.

– Ты не уставал от площади?

– Спина затекала, шею приходилось тянуть.

– А говоришь, крошечная.

– Стоять пришлось долго, но помню только начало толпы и ее растворение.

– Скажи, каков признак конца?

– Дольше всех простоят памятники, они из бетона, только снаружи покрыты мрамором. Вообще, чем мертвее, тем надежнее. Вожди – живые люди и вынуждены скрывать усталость.

– Как это удается?

– Прячутся за свои портреты, не показываясь на глаза. Постепенно люди перестанут туда приходить, их будут сгонять.

Костя порывался спросить когда.

– Никто тебе этого не скажет. Маленькая страна может быстро переделать глину на кирпичи, большой нужно время.

– Война прорабатывает время, – повторил Костя. Он сделал усилие над собой и даже прикрыл глаза. Они мешали словам догонять смысл.

Максим знал, что смысл надо представить. Сам по себе он быстро рассеивается, покидая память.

– Я бы смотрел на нее под углом действия. Множество малых заставляют их быть одинаковыми. Только тогда они складываются. Ты считаешь их разными, но исходишь из них самих. Так и есть. Друг для друга они Иванов и Сидоров. Этого призвали из Тулы, того из Рязани. «Мы ребята на слуху, у нас пузо на боку». Рязанцы топор носили за поясом, как всякий плотник. Вот фигуру и сваливало вбок. А туляк слесарь. Их обоих не спутаешь. Но так только в мирной обстановке, которая особым образом разбрасывает их все дальше по русскому полю. А я смотрю сверху и вижу в них единицы строя, выровненного в шеренгах и в глубину – отделение, взвод, рота. Коробки идут в ногу, печатая шаг, оттого и одинаковые. Разным не прикажешь. Кто в лес, кто по дрова – не войско, а сброд, мигом рассеешь.

– Почему ты все время подчеркиваешь способность к сложению?

– Только так масса и энергия сходят в точку, опрокидывая врага и занимая территорию. Пространство войны растет, но в линию, – добавил Максим.

– Мотылек – это маневр, – сказал Костя, – тут все понятно. Как немцы напрягали время?

– Шли только вперед, громили оборону. Прочный узел обтекали – вторые эшелоны добьют. Главное – протянуть свою руку как можно дальше в глубину мира. Рука в железной перчатке может делать с ним все, что угодно. Ведь мир возвышает формы, из молока сбивает

масло, проделывая всю предварительную работу, сам же тонок, составлен из легких предметов. Нужно всего лишь захватить и использовать.

– Яйки, млеко?

– Вообще все. Вывезли в Германию миллионы рабов, зерно, скот, лес, металл, уголь, вплоть до самой земли. Мир, если не запечатан обороной, как банка с консервами, только гора ресурсов. Завоеватель стоит над ним, подобно медведю над муравейником. Разгреб лапой – яйца наружу. Потому и нужна линейная скорость, чтобы пробить. Чем она выше, тем больший пласт мира будет накрыт лапой.

– Блицкриг, – кивнул Костя.

– Да, идея в том, чтобы не война боролась с войной, а кромсала мир. Поэтому блицкригу не нужен маневр. В своем движении он нуждается в равномерном и накатанном пути. Высокая скорость как раз обеспечивает то и другое. Стоит утратить простоту, не будет линейного перемещения, возникнет сложность, колеса войны забуксуют. Немцы искали жизненного пространства, – продолжал Максим, – оно заставлено вещами приятными на вкус и цвет. Но собственно войне нужно простое, ровное, гладкое.

– Изоморфное, – подсказал Костя.

– Что это?

– Как раз то, о чем ты говоришь. Например, паровозные рельсы, вообще дороги.

– Вот-вот, они катились по дорогам на своих колесах и гусеницах, брали кулаком, в маневре не было нужды. Побеждала машина, отлаженность и связность всех ее частей. Если перед фронтом наступающих нет элементов твердого и гибкого противодействия, зачем маневрировать. Все сводится к захвату мирного пространства через изоморфное. Именно оно дает ключ к разгрому противника. Используя его, можно заходить во фланги и тыл, зажимать в клещи, рассекать группировки и тому подобное. Так они и действовали в Польше и Франции – сравнительно небольшие, типично европейские земли с наброшенной на них сетью магистралей. Война опирается на скорость, – продолжал Максим, – которая тем выше, чем проще пространство противника. Моторизованные колеса быстрее гужей, крыло еще намного быстрее. Будущие войны обзаведутся могучими крыльями, может быть, придумают еще что-то сверхбыстрое – и дальше. Мы отстаивали себя, встретив немцев с позиции мира, который передвигается в пределах отведенного объема и, в сущности, топчется на месте. Формы выстреливают, упираясь в границы объема и отодвигая их. Мир слабо расширяется в виде облака.

– Жизненное пространство – цель, – повторил Костя, – блицкриг – способ ее достижения. – Он следовал за Максимом, как эхо за голосом. – Блицкриг, линейный и острый, вонзается в шаровидное и медленное тело. Что же нас спасло?

– Их острое мы превратили в тупое, замедлив бег. Скорость падает, действия не входят в сложение. Блицкриг постепенно растекается в ширину, уподобляясь миру. Расширяясь, теряет большую цель, разбрасываясь на множество частных и мелких. Я бы так ответил, – сказал Максим после паузы. – Немцы готовились к войне, создавая особое пространство, почти такое же плотное, как она. Но рядом был мир, набитый созревшими гроздьями форм. Они его потеснили ввиду предстоящих захватов. В результате часть повседневной жизни сократилась. Вместо нее стало больше снарядов и пушек. Но сокращение коснулось лишь части. Целое не поступилось заметной долей своего объема в пользу войны. Ему хотелось чужой территории, не ущемляя себя, то есть людей, из которых состоит. Они пусть маленькие по сравнению с ним, но уже приросли к вещам и неохотно расставались с легким пространством ради тяжелого, беременного войной.

– Того самого, плотного?

– Да, ведь оно свернуто в Шар.

– Раз имеет форму Шара, да еще и тяжелого, – это ядро.

– Будь по-твоему. Тогда что вокруг него, наполненное зрелыми вещами, ухоженное и легкое?

Костя смотрел на него прищурясь. Вопрос заставил его уйти в себя.

– Легкое просторное удобное, располагающее к размеренной и ясной жизни – назовем его окрестностью.

Максим покатал это слово на языке. Оно пахло природой.

– Нашу победу можно объяснить тем, что всю свою окрестность Россия отдала ядру. Пространство целого затвердело сплошь, как случается с рекой, промороженной до дна лютой зимой.

– Францию не проморозили?

– Вода, не ставшая льдом. Бери и вычерпывай, сколько надо. Эту берешь, а та, что рядом, течет, как текла, пока ее тоже не коснется ковш. Лед надо колоть железом. Вся глыба против него, отзываясь на удар гулом.

– Ядра не было?

– Линия Мажино, танки, заводы в глубине страны. Было. И нельзя сказать, что очень мелкое, как в днище Польши. Но утонуло в благодушии окрестности. Вещи страдают самолюбленностью, каждая из них носит в сумочке зеркало, то и дело вынимает и любуется на себя. Никуда не денешься – формы. Им так и положено себя вести, красивым, стройным и разным. Частицы ядра спешат отдать ему свою силу. Потому только оно и раскалено, сверлит своим огнем то, что впереди него, сверлит и проламывает. Англия не хотела воевать, да и Германия с ней не хотела. Слишком они однородны. В колонию не превратишь. А если нет, то зачем – себе дороже.

Европа и Россия встали в воображении Максима громадами разноименного вещества. Но его тянуло разглядеть кристаллы войны. Твердые растут в победу. Максим смотрел на Костю, проверяя на нем самого себя.

– Военачальник, особенно крупный, наблюдает ее панорамно. Командующий всегда испытывает недостаток сведений. За плечами громадная сила, но вопрос в том, как ею распорядиться при отсутствии данных. Солдат ближе всего к противнику, знает о нем если не все, то очень многое, – продолжал Максим. – Командир опрокидывает на него всю мощь вверенной ему войсковой организации. Рождается энергия боя. Каждый его участник добывает информацию о противнике. Штаб включает ее в план обороны или наступления.

– В центре штабной работы разведка, – возразил Костя.

– Именно. Множество людей заняты сбором сведений. А почему? Все определяется форматом боевых операций. Чем крупнее, тем хуже определен, меньше света в глазах военного руководства. Это вытекает из самой природы масштабного действия. Взводного, – продолжал Максим, – отделяет от немца всего-навсего нейтральная полоса. Многое просто видно, особенно если позволяет превышение местности. Потому-то бой за очередную высоту всегда так важен. Как ни маскируй начертания окопов и огневые точки, опытный наблюдатель их рано или поздно отследит, обозначив на карте.

– Неужели рядовой богаче информацией, чем генерал? – засомневался Костя.

– Генерал беднее. Он делит все добытое разведкой на свою армию. От него требуют скорости, иначе какая же война. Хочешь насладиться природой – идешь прогулочным шагом, побеждаешь расстояние – только бегом. На бегу и на скаку пейзаж льется мимо, не задевая глаз. Плотность восприятия резко снижается. Именно с этим сталкивается генерал. Он должен постоянно проверять то, что ему докладывают, сводить вместе, докапываться до замысла противника, навязывать ему свои условия, одним словом, из неполного знания извлекать целое и на его основе принимать решение. Большому масштабу соответствует малая плотность зрения, зато горизонт его велик. Внутри малого действия все обстоит как раз наоборот.

– Что значит малая плотность? – спросил Костя.

– Поднимаешься на кирпичную стену или дымовую трубу бывшего завода. Сверху город как на ладони. Но лиц уже не разобрать.

– Командир заинтересован в том, чтобы его подчиненные как можно лучше представляли себе обстановку. Это как ветер, который дует из области высокого давления в область низкого. Генерал нацеливает солдат на действия, создающие предельно высокую информационную плотность. Поток знания течет в его сторону.

– Генерал, который запрягает на разведку низовые подразделения, – это стрельба из пушки по воробьям. Людские потери велики, информации кот наплакал. Командир должен так организовать дело, чтобы получить как можно больше знания о противнике и сохранить людей. В его распоряжении должен находиться особый орган разведки, который только этим и занимается. Если война останавливается, то генералы в своих действиях все более и более приближаются сначала к полковникам, а затем и к младшим офицерам. В первые месяцы войны Красную армию рвали в клочья. Люди прятались по лесам и болотам. Командиры уже ничего не значили.

Костя опять прокручивал сказанное.

– Ты смотришь на войну с противоположных концов.

– Так и надо. Рядовой и генерал устроены по-разному. Из первого высекают информацию, второй, наоборот, ее усваивает.

– Почему в коротком движении знание налезает на массу?

– Не налезает, его просто больше.

– Откуда ты взял?

– Отодвигаемая цель уменьшается.

– И что?

– Тебе нужно быть во столько же раз более метким, чтобы ее достать. У рядового цель перед глазами, у младшего командира уже оптика, а старший только думает, сидя за картой. Требования к ним разные. Рядовой отвечает за собственное тело, его и нужно брать в работу.

– Тренировать?

– Да.

– Но он и так не сидит без дела, без конца гоняют.

– То-то и оно, что гоняют, а нужна боевая подготовка. Ты сам рассказывал про своего отца. Обучали на минометчика, сорок третий год, половину времени провели на плацу.

– Кому это я говорил? – поразился Костя.

– Мише. А тот мне. Мы ведь с ним дружим.

– Паршивец! Кто его просил?

– Не сердись. Я про войну всех спрашиваю. Раз тело в работе, его напрягают, чтобы владеть, как игрушкой, – быстрота, ловкость, умение. Генералы не бьются один на один, в их схватке участвует только ум. Тело может быть старым и дряблым, хотя немощь тянет ум вниз, мысли делаются слабыми. Для военачальника они все равно что руки и ноги. Ими он ведет борьбу. Солдат пускает в ход все, что выступает из тела. Сколько у человека конечностей? – спросил Максим, прерываясь.

– Две пары.

– А голова, а плечи! Колени и локти надо считать отдельно, кисти рук, пальцы. Руками устраиваешь мельницу. Ноги тоже захватывают и бьют во всех направлениях – вторые руки, только сильнее. Армия должна быть школой телесного разума.

– Строй учит дисциплине и порядку, – возразил Костя.

– Кто бы спорил. Но рядовой не должен быть спичкой в коробке. Его способности и есть постоянный и пульсирующий источник победы. Да и в мирную жизнь другой бы вошел человек. Но выбирают спички – зажег, выбросил. А все почему? Главное – послушание, верх и

низ. Умение воевать потом. Но без него солдат не течет по горизонталям победы от основания к венцу.

Костя молчал.

– Если он идет, – продолжал Максим, – нету колес, зима, голодный, на плече винтовка, сзади вещмешок, саперная лопата, противогаз, фляга, у пояса гранаты, одним словом, превращается во вьючное животное.

Костя уже не слушал его.

– Пойдем, – сказал он. – Надо все это уложить в голове. Плохо то, что война все-таки будет. Может, ты ошибаешься? – Он повернулся к Максиму с надеждой в голосе.

– Я бы очень хотел. Но люди без нее не могут. Ничего не поделаешь, так они устроены.

Они шли рядом, не говоря ни слова. Солнце висело в пустоте, такое же яркое, медленное и разноцветное в сетке лучей, как мир, в который вступала страна, и готовое покрыться свинцом подобно удалявшейся войне.

Алик-мордочка

Максим всегда дружил с теми, кто старше: Дерис, Бондарь, Алик-мордочка и много других ребят, с которыми сводила улица. Алику он оказывал мелкие услуги как младший старшему, тому это нравилось. Однажды он сказал: «Сегодня пойдем скитаться». Скитаться означало пропустить уроки и вместо них бродить по городу в поисках приключений.

Максим любил читать – даже на уроках держал книгу под партой. Елена Владимировна громко вызывала его, заметив, что он не слушает.

– Максим, – говорила она неожиданно.

Он вскакивал, откинув крышку.

– Повтори, что я сейчас сказала.

Он повторял – ее фразы стояли в ушах. Ему не составляло труда повторить следы еще не растаявших звуков, а смысл всегда был прост.

– Ты пользуешься тем, что можешь одновременно читать и слушать, – говорила она сердито. – В следующий раз поставлю двойку.

Скитались ребята, махнувшие на все рукой. Они не умели смотреть на себя сверху, то есть из собственного будущего. Понятно же было, если для него ничего не делать, то оно и не придет. Максим уже кое-что знал о нем. Образ будущего постепенно появлялся, когда он сравнивал времена и классы людей, описанные в книгах. Война и разруха постоянно напоминали ему, как ужасно застрять в настоящем. Это все равно что идти вдоль тоннеля, стенки которого сужаются. На самом деле сечение остается прежним, но сам ты растешь, тело твое увеличивается, ему уже тесно. Ты хочешь остановить его и не можешь. Оно все равно разовьется из детского во взрослое, вот ведь в чем дело. И с тебя спросится за взрослое тело. Впрочем, и душу не остановишь. Все эти мысли копошились в голове, но ему захотелось увидеть город в пустые его часы, когда люди ушли на работу. Почему-то представлялось, это будет обратная сторона Луны, другое лицо.

Сошлись на трамвайной остановке, в виду аптеки. Алик повел его вверх по улице. Было сыро, не холодно, малоллюдно. Они не строили планы, просто шли. Через Максима сама собою без малейшего усилия с его стороны текла жизнь. Он понимал так, что его спутник своим присутствием создавал ток. В нем самом его не хватало. Он признавал себя обыкновенным человеком. И только будущее его зажигало. К жизни нужно что-то прибавлять от себя. Много она делает сама, особенно стараясь ради детей. Тянет их изо всех сил к себе. Встав на ноги, дети начнут ей помогать, вдвоем будет легче. Взрослые входят во вкус. Им нравится делать жизнь, рассчитывая на себя. Труднее всего пожилым, жизнь в них уже ослабела, да и они сами выдохлись. Нет прежней любви ко всему вокруг. Старики движутся остатками воли, так ему казалось. Нет будущего, что остается, как не следить за усталыми часами. Детям легко, поэтому должны прибавлять от себя как можно больше. Надо приподниматься в седле, на котором сидишь. Так едут верхом на велосипеде, взбираясь на высокую улицу.

Приблизились к часовой мастерской. Максим хотел бездумно пройти мимо.

– Сюда, – сказал Алик.

В помещении никого не было, кроме продавца. Алик вынул из кармана женские часы.

– Продаю.

Мужчина открыл крышку, повертел в руках, изучая механизм.

– Нужен ремонт. Сколько ты хочешь?

– Восемьдесят.

– Даю тридцать пять, они у тебя только на запчасти.

– Зря вы так, тут ремонт несложный. Я уже показывал мастеру.

– Вот пусть и берет за эту цену, раз так считает.

– Ладно, давайте деньги.

Вышли на улицу.

– А если мать узнает? – спросил Максим осторожно.

– Она о них забыла. Лежат и лежат, что-нибудь придумаю.

Алик вел к центру. У входа в ресторан торговали горячими пирожками навынос. Алик купил пару штук. Пирожки были с мясным фаршем, необыкновенно вкусные. Потом подошли к тележке с газированной водой.

– Два стакана с морсом!

И свои пирожки запили крепким от пузырьков газа морсом. Максим наслаждался вкусом, но пил с натугой, как взрослые водку. Газ отдавал в нос.

– Куда теперь? – спросил он после того, как пришел в себя.

– В кино.

– Какое?

– Сейчас узнаем. Только учти, проходим без билетов.

– Хиляем?

– Да.

Нужно было подкараулить момент, когда стоящая на входе билетерша заезвается, и проскочить мимо, стараясь смешаться с толпой зрителей. Это и означало хилять. Было уже поздно отступать, он ел пирожок и пил морс. Алик, подарив ему приятное, теперь приглашал к действию.

– Первым пойдешь ты, я постараюсь отвлечь.

– А как же ты после меня один, да и она будет настороже?

– Мне не привыкать.

Показывали «Встречу на Эльбе». Минут двадцать они ждали начала, слоняясь у входа в кассы. Наконец стали запускать в зал. Максим с тяжелым сердцем пристроился к очереди. Он не знал, как все получится. Подошел Алик и встал впереди перед носом у билетерши.

– Я занимал, – сказал он, протягивая мятый и чуть ли не скомканный билет.

Пока женщина его разглаживала, хмуро взирая на кусок бумаги, он незаметно толкнул Максима вперед. Тот понял это движение как сигнал. Толкнул Алика в сторону женщины, а сам скользнул в проем между ней и стойкой.

– Куда! – закричала она. – Ах ты, хулиган! – и уже подалась корпусом догнать Максима, но вспомнила об очереди. – погоди! Я тебя в зале найду, дрянь такая! У тебя же места нету, куда ты от меня денешься!

Максим слился с толпой. В самом ее начале он был на виду, вызывая любопытство, поэтому спешил протиснуться в гущу зрителей, где его след терялся. Ряды заполнялись. Он искал глазами свободное место, но там, куда падал взгляд, через секунду – другую садился владелец билета, это походило на карточку лото, все номера которой быстро покрывались бочонками. Сердце уже не колотилось так часто. Однако его не покидало ощущение меда и дегтя, чуда на экране, к которому он не мог привыкнуть, и тревоги. Дегтя было больше. Ему повезло с местом в последний момент, когда уже выключили свет и столб электричества упал на экран. Обычно он тут же забывался вплоть до того, что в эти полтора часа не признавал себя Максимом. Его душа, схваченная зрелищем, уже не принадлежала ему, он даже и тела не ощущал. Но сейчас деготь как бы застилал действие на экране, делая его тусклым и прерывистым. Вместо него вдруг вставала недавняя гадкая сцена. Он запомнил из всего виденного две фразы: «Рубите лес, мы продадим его англичанам», а еще то, что «Черчилль – жирная коварная свинья». Почему надо рубить лес, было непонятно, но Черчилль, конечно, заслуживал этих слов. Он вредил нам со времен Гражданской войны, а в этой помогал с камнем за пазухой и, помогая, скорее всего, чувствовал на языке деготь, как сейчас Максим, потому что шел против себя. Дали свет. Люди вынесли его на улицу. Он медленно возвращался в себя. Алик ждал неподалеку от входа.

– Смотрел? – спросил Максим.

– Да.

– Я тебя в зале не видел.

– Я черным ходом и сразу по лестнице на балкон. Уже не первый раз. Прорываться после тебя было глупо. Как фильм?

– Голова от него тяжелая, – признался Максим.

– Ничего, поправим!

Они опять шли по городу. Падал редкий снег. День был чернобелым, как в кино. Белый тротуар в ледяных буграх, темные дома и люди. Дома смотрели друг на друга окнами через дорогу. Люди шли, ни на кого не глядя. Ему казалось, что он бредет по собственному прошлому. Это чувство всегда охватывало его зимой, и чем крепче стояли морозы, тем дальше в глубь времен тащила его Земля за собой.

Алик привел в городскую столовую.

– Зачем? – робко возразил Максим.

Он никогда не бывал в таких местах и не знал, как себя здесь вести.

– Пивка поьем, – солидно объяснил Алик.

Это уже было совсем из другой жизни. Деревянный полированный барьер отводил часть помещения под продажу пива. Продавщица качала ручку насоса. Он подавал ленивую желтую струю в кружки, над пивом поднималась пена, полная рука останавливала насос, ждала и снова доливала. Кружка с пивом и пеной походила на граненый кубок, украшая желтым своим светом того, кто ее держал.

Они присели за стол. Первый глоток оказался горьким. Что в нем хорошего, подумал он. Вокруг сидели мужчины с такими же кружками в руках. Их лица выражали медленное, тонко смакуемое удовольствие. Он еще раз осторожно отхлебнул. Что-то в этой горечи было. Он делал глоток за глотком, прополаскивая язык в этой странной жидкости, которая чем дальше, тем больше ублажала его. Потом взгляд неожиданно потерял фокус, он слегка опьянел, как раз настолько, чтобы видеть свое состояние и наслаждаться им.

Максим боялся пьяных, которые напоминали сумасшедших. Что заставляло их так мучиться, какая темная сила. Они раскачивались при ходьбе и даже падали. Сам он уставал только в долгом беге, но ведь не падал. Они хотели подняться и не могли. Он где-то читал: такими тяжелыми люди чувствовали бы себя на планете величиной с Юпитер. Мир образует невидимую цепь. Тот, кто заглядывает в стакан, постепенно переходит или, лучше сказать, его уводят с родной и легкой Земли на другие Шары с их жутким тяготением, мешающим переставлять ноги.

Некоторые жуки, если их перевернуть на спину, так и лежат не в силах принять положение для полета. Шевелят лапками, в попытке вызвать боковую качку, и только вертятся на месте. Их тело слишком велико и массивно для таких тонких ножек. Одно из двух: или у пьяных вырастает вес, или слабеют ноги.

Но вообще насекомые живут на своей особой Земле. По сравнению с нашей она как детский мячик рядом с футбольным. Поэтому резво бегают, высоко подпрыгивают и почти все летают. Ясное дело, живи Максим на такой Земле, и он бы не ходил, а перемещался скачками. Больше всех его поражали блохи. Тело узкое, вместо ног настоящие пружины. Блоха делает гигантский прыжок, как будто выщелкивает себя из складок протертого до грязной ваты одеяла. Таким он укрывался, когда еще не ходил в школу, жил с мамой и бабушкой в холодном сыром и темном доме, приведенном наспех в порядок после войны.

Мысли его стали переплетаться. Обычно он видел свои мысли, тогда они шли ровно и далеко, как нити игрушечного телефона. Сейчас он их тоже видел, и даже яснее прежнего, но вот не мог как следует натянуть. Они напоминали тонкие стальные проволочки, которые норовили улизнуть из-под пальцев. Ах вот оно в чем дело, догадался Максим. Пиво и вино

вводят в обман, подобно мошенникам среди людей. Допустим, ты пьешь воду или сладкий компот. Напился и больше не хочешь, хотя, говоря по правде, столько компота у него никогда не было. Если же пьешь вино, жажда твоя неутолима. Он видел, что у каждого едока на столе мерцало белое на желтом – не одна, а две кружки. Мужчины чистили сухую рыбу тарань, съедая все вплоть до тонких костей. Напиток колдунов, крадущих ум, думал он. Ведь если мысли путаются, как у него сейчас, то ум похож на перевернутого жука с бегущими по воздуху лапками. Кто-то стоит над ним – он и перевернул, больше некому – и холодно рассматривает, как сам Максим любит рассматривать на поляне суетливых муравьев. Ему хотелось больше говорить, чем думать, – он это мимолетно отметил. А должно быть как раз наоборот, – мысль промелькнула и погасла. Нить телефона натянута, по ней бегут звуки. Крепко натянута – щелчки и трески сами срываются с места. А тут слова просятся на линию связи, несмотря на то что провода провисли до земли и кое-где оборваны. Странно! Он любил думать, и вот то, чего любил, не хотел, а хотел гораздо меньшего, каким представлялось ему говорение слов. Много читал, и ему открывалось. Но знание, как он все больше убеждался, это не то, что вычитано или услышано. Знание течет из собственного разума, когда тот справлялся с происходящим извне. Показавшись, оно приводит душу в трепет, как будто ее облили прохладным огнем.

Он даже помнит те места в своем городе, где огонь появлялся внезапно, и его было много. Максим сравнивал его приход с зелеными искрами, которые высекает лошадь подковами из булыжной мостовой в летних сумерках. Однажды бабушка вела его из детского сада в незнакомое место. Улица лежала пустой, только лошадь, запряженная в телегу, мерно шагала посредине. Ноги ее высекали не искры, а пламень – так они длинно и долго порхали.

С недавнего времени он понял, что девочки – совершенно особые существа. Он не выделял их из человечества. Да и никого не выделял. Все были просто люди. То, что взрослые и дети принадлежат к разным классам, так это свойство времени. Оно незаметно укрупняет детей, а мамы и папы, наоборот, растут в землю, как говорит его бабушка о себе. То есть каждый человек растет сначала в небо, пока маленький, потом никуда в среднем возрасте, стараясь его задержать, потому что средний считается самым лучшим. И уж затем растет в землю.

Жизнь человека похожа на брошенный в небо камень. Брошенный сильной рукой описывает высокую дугу. Такой человек живет долго, до восьмидесяти лет и больше, как старуха из соседнего подъезда их дома. Она даже летом сидит во дворе на скамейке в пальто и валенках и все равно не может как следует согреться. Однако почему мужчины так резко отличаются от женщин. Ведь возраст у них примерно одинаковый. Мальчики и девочки, когда они совсем дети, почти не различаются. Понятно, над ними стоит одно и то же время. Престарелые тоже в его руках, потому и похожи. А мужчина и женщина уклонились в стороны от средней линии, образовав совершенно разные формы. Почему? Раньше он этого не замечал. То есть видел, но не глазами ума. Недавно появившийся на свет ребенок не может сразу понять ничего. Он еще не настоящий человек, а только будущий. Когда же приобретет способность к разумению вещей, успевают к ним так привыкнуть, что вопросов не задает.

Раньше он считал, что девочки слабее мальчишек, не такие дерзкие и ловкие, никогда не вступают в драку и в чем-то благороднее. Он не мог найти подходящего слова. С недавних пор он понял, за всем этим стоит нечто большее. Девочки уклоняются в сторону красоты, и чем старше, тем сильнее уклоняются, пока не станут женщинами.

Еще он догадался о самом себе. С ним самим что-то происходит, раз он об этом думает. Теперь, глядя на девочку, он спрашивал себя, как бы она выглядела, родившись мальчиком. Кое-что от мальчика в каждой из них проглядывало, и он пытался понять что. Как оно входило в природу девочки, которую он разглядывал? К мальчикам слово «красивый» никак не подходило, да и «некрасивый» тоже. В его классе было тридцать ребят. Он никого бы не выделил по этому признаку. Девочка на его месте смогла бы выделить, ведь один им больше нравится, другой – меньше или вообще ни капли. Если разница налицо, то от нее теперь никуда

не деться. Любая девочка будет обращена к нему лишь этой единственной стороной, имеющей знак красоты. Ее человеческая суть начнет ускользать от него, женское начало поглотит все, заставит его в первую очередь видеть пол и только потом, отстранившись от него, если сможет, увидеть ее как сочеловека. С женщинами было легко, их красота не волновала. Да некрасивые и не попадались. Однако с тех пор, как он открыл в людях пол, женские лица тоже стали магнитом. Не потому что нравились. Он хотел понять, сколько в них привлекательного. Но то ли оттого, что плохо одеты или озабочены, устали, их пол заключался лишь в маленьком росте и узких плечах.

Однажды он шел по улице с дядей Пашей. Тот работал у них во дворе, в котельной. Навстречу шла рыжеволосая женщина. Оба обменялись приятными словами и разошлись.

– Ну и как? – спросил дядя Паша.

– Что как? – не понял Максим.

– Моя подруга. Понравилась?

Он хотел сказать, как хороша эта женщина, насколько лучше других и что она принадлежит ему, словно дядя Паша участвовал в соревновании и ему достался приз. Хотя призом тут и не пахло. Самая обыкновенная, да еще и рыжая, лицо испорчено веснушками. Чтобы не обидеть дядю Пашу, он что-то промычал в ответ. Хотелось угодить, и не мог. Тот догадался и сразу потускнел.

Да, война, разруха, бедность были главные причины, отнимавшие у женщин их блеск. Он купил билет на «Василису Прекрасную». Само название обещало то, что он всюду искал. Но фильм обманул. Ничего прекрасного в ней не было. Такая же тетя, как все вокруг, правда, добрая, но ведь тети не женщины. Редко, но иногда удавалось посмотреть трофейный фильм, и вот в них играли женщины с лицами ангелов. Значит, есть такие. Откуда же они возникали? Ясно, что где-то там, в недоступном мире цветов, причесок и роскошных платьев. Он выходил из зала потрясенный и грустный. Тот мир лежал в другом измерении, его забросили в этот.

Алик сидел рядом, не заговаривая. Он допил свою кружку. Ему не хотелось уходить. Голова слегка откинулась на расслабленной шее. Он не грезил, как Максим, не был человеком мысли. И только проживал свое состояние, похожее на теплую ленивую воду, в которой приятно лежать.

– Пойдем, – сказал он, вставая.

– Куда опять? – спросил Максим.

– В одно место.

И Максим послушно двинулся следом. Снег из звездочек собрался в мелкие хлопья, всасывая и без того скудный свет. В этот раз они петляли переулками и дворами, пока не вышли к подвалу под хлебным магазином. В представлении Максима город состоял из нескольких главных улиц. Здесь проходили трамвайные рельсы, дома поднимались на высоту четвертого и даже пятого этажа. Все остальное постепенно мельчало и путалось в кружении неприметных улочек, а спускаясь к реке, принимало вид деревни.

Попадая сюда, Максим спешил поскорее выбраться. Ему казалось, что каждый дом разглядывает его, как старуха, что разучилась стесняться, перестав быть женщиной. Алик знал город не только со стороны его органов, но и клеток. Максим ходил в школу, Алик был скитальцем. Спустились в подвал. Слабым желтым накалом горела лампочка. Кладовщик кивнул, приглашая. Он снял с полки холщовый кошель, затянутый у горла шнуром. «Вот твои монеты, как договаривались». На стол хлынула тяжелая струя однокопеечных монет, медных, но только что отчеканенных, блестящих и потому ничем не уступающих золоту. Алик зарыл пальцы обеих рук в эту грудку. Монеты стекали вниз, издавая звон такой же чистый, как они сами.

– Сколько здесь?

– Пятьсот, как ты просил.

– А наценка?

– Полтора рубля за сотню.

Алик ссыпал медь в карманы пальто, и они повернули к выходу.

– Возьми, – сказал Алик, протянув ему блестящую горсть, – будет денежная реформа, бумажки уйдут, а эти останутся, цена их поднимется во много раз. Я свои деньги прихожу сюда менять, лишних не бывает, но заначка все равно нужна.

– Откуда ты знаешь о реформе?

– Раз была, значит, проведут еще. Вообще собираю металл – значки, монеты, кое-что есть из серебра. Со временем станут дороже.

Эта мысль показалась Максиму новой. Он считал, что время обращает все вещи в прах. Сначала вызывает из небытия, дает покрасоваться, потом низводит. Само время невидимо, размышлял он. Его как будто нет. Пространство можно почувствовать. Вот оно, перед ним. Они идут, раздвигая его. Дома, громяхющий железный трамвай и тихий снег – все это существует благодаря пространству, которое похоже на огромный стеклянный свод. Время в отличие от него нельзя взять в руки. Это никакой не свод. Оно ничего не накрывает, но течет. Пространство же стоит. Медь покрывается зеленью, серебро тускнеет, но не портится, золото неподвластно времени, неподвижно, с ним ничто не происходит, хотя это тоже вещь. Нет, поправлял он себя. Раз не происходит, значит, не вещь. Серебро медленно, но все-таки движется вдоль ленты вещей, они его обгоняют, спеша к своему концу, ну и пусть. Золото лежит неподвижно благодаря своей тяжести. Время, как ветер, подхватывает лишь легкие предметы. Чем легче, тем быстрее сдувает с лица Земли. От золота же отступается.

Алик свернул на противоположную сторону дороги. Позади них шел трамвай. Алик решил, что успеет перебежать, и рванул через проезжую часть, Максим метнулся вслед, но явно опаздывал. За секунду до этого его голова была занята другим. Ему удалось перебежать рельсы только потому, что трамвай резко затормозил. Однако тут его ждала другая беда. Путь до тротуара ему пересекал грузовик, он шел позади трамвая и почти сравнялся с ним из-за того, что водитель нажал на тормоз. Шофер тоже нажал. Полотно дороги заросло льдом. На задние колеса были надеты цепи, только это и спасло Максима. Цепи вгрызлись в лед, оставляя глубокие борозды, машина сбавила скорость, и радиатор не подмял его, а отбросил в сторону пешеходки. Он зацепился за бордюр, упал и больно ударился о скользкий и твердый асфальт. Падая, слышал крики, дверь кабины была отброшена. Шофер в бешенстве материл его из проема.

– Бежим, – услышал он голос Алика.

Тот подхватил его за руку, затаскивая в переулок.

– Ну, ты даешь стране угля! – Он присмотрелся к Максиму – Да ты никак пьяный, – изумился Алик, – от кружки пива, всего-то-навсего.

Максим тяжело дышал, прижимая руку к ушибленному месту. В глазах стояли трамвай и грузовик. Они, как громадные ножницы, резали невидимое время, то самое, в которое он вдруг попал.

Он шел домой, пытаясь ослабить боль, смешивая ее с остальным телом, как льют холодную воду в кипяток. И спрашивал себя, что это было – пиво, его всегдашняя рассеянность, что? И почему вдруг появилось, ведь он должен был сидеть в своем классе, читать «Шхуну, Колумб», выпрошенную у Дила, его соблазнила надпись на обложке: «Библиотека приключений», – слушать вполуха учительницу и бросать взгляд в окно на пустой заснеженный двор, твердо зная, что необыкновенные приключения выпадут и на его долю тоже. Надо только ждать и расти. И вот вместо всего этого он обратился в скитальца, его водили по незнакомому городу, соблазнили выпивкой и в довершение всего бросили под машину. Он дергался в ускользящем времени безвольной тряпичной куклой. Пространство и время, раздавленные войной, прибежали коварство, как нищий прячет нож в своих лохмотьях. Окно в заснеженный пустой двор уже не покажет ему будущего.

Мама была дома, готовилась к ночной смене. Он вывалил перед ней на табуретку горсть рассыпанных денег. Ее лицо оживилось. Максим наблюдал за переменной выражения. Она смотрела на яркую чеканку и видела мелкое чешуйчатое золото. Лицо стало совсем простым и даже наивным. Максим почувствовал боль за нее, ведь даже он понимал, что это пустое. Голая лампочка на проводе в матерчатой оплетке, кровать, на которой она только что спала, плитка с перегоревшей спиралью на полу перед дверью, утюг из литого чугуна. Все говорило о том, что живут они не в золотом, чем казались эти деньги, и не в медном, чем были, а в веке железном. Она отняла руку от сверкавших под лампой монет. Максиму показалось, что время, которое свободно течет через все, как прозрачный газ, но может и сгущаться, как сжатый воздух, на самом деле ходит, как маятник, туда и сюда, становясь поочередно то невидимкой, то осязаемой вещью. Маятник имел длинный шток, большой круглый выпуклый диск внизу из светлой бронзы и завершался копьевидным наконечником. Он был заключен в футляр напольных часов. Часы украшали помещение центральной аптеки, куда Максим заглядывал, чтобы перенестись на минуту в девятнадцатый век, каким он его себе представлял: если не медный, то, по крайней мере, бронзовый, как этот диск и безделушки у Дерисов, вывезенные ими из буржуазного Львова.

Мать Максима работала в закрытой столовой. К ней присмотрелись, сделав ответственной за столовое белье и посуду. Крупные вещи боялись выносить за дверь, а ножи, вилки и ложки исчезали. Пришли с проверкой, обнаружили недостачу и отстранили ее от работы. Зарплата матери кормила двух детей и бабуку. Сама она днями пропадала на производстве, там же и обедала. Не деньги были в предмете, как теперь говорят. Домой она регулярно приносила в чистых белых салфетках булочный хлеб, рассыпчатый смазанный маслом рис и даже иногда мясные котлеты. Дерисы, жившие через фанерную переборку, лучше одевались, но никто из них не пробовал свиной отбивной. Марье Петровне всегда удавался суп. Его запах проникал сквозь щели перегородки, но это был аромат свеклы и капусты, лука и зелени, не мяса. И вот все изменилось. Бабушка размачивала ему сухарь из старых запасов, сделанных ею же на черный день. Пузатая наволочка висела на гвозде. Все лишние куски она, просушив, складывала туда, наученная вечной нехваткой.

Максиму пришло в голову искать деньги на улице. Встать на углу и просить милостыню он не решился, вдруг кто-нибудь из знакомых случайно пройдет мимо – стыда не оберешься. С изумлением для себя обнаружил, что нищие исчезли из города. Их фигуры чья-то рука незаметно убрала с глаз. Это могло произойти только ночью, подумал он, иначе все бы заметили. Просто искать совсем не глупо, убеждал он себя. Никто ведь не догадается, чем ты занят.

После школы он, уже не заходя домой, отправлялся на поиски. Улицы его не привлекали. Они открыты взгляду. Любой идущий сзади прохожий тут же подберет выпавшую из кармана бумажку. Шел в парк, там деньги, сметаемые ветром, должны были прятаться под скамейками или в укромных местах, так ему представлялось. Он бегло осматривал газоны, шевелил концом ботинка холмики мусора, надеясь найти в их глубине заветную бумажку. Его неизвестно почему постоянно тянуло в тень к подножию кустарника. Казалось, деньги лежат именно там, где он еще не побывал, одинокие, забытые. Молча зовут его к себе, надо только услышать их голос.

Сестра поступила по-своему. Она уже расставалась со своей девчачьей природой. В ней проглядывало особое существо. У Максима стрелка компаса раскачивалась, не зная, где остановиться. Он жил не совсем твердо, а сестра как будто чувствовала магнитное поле Земли. Временами это ощущение приходило и к нему. Он забирался на крышу сарая и, уткнувшись в книгу, путешествовал по белу свету. На улице оно пропадало.

Пенс с Котиком жили через три дома.

– Пойдешь с нами на склад бутылок? – сказал Котик.

– Зачем?

– Мы полезем через глухое место, там колючка. Ты не сможешь. Будешь стоять на «атасе».

Максим не думая согласился. Ему хотелось окунуться в настоящее приключение. Его друзья не сидели на крыше, но с ними всегда что-то происходило. Он стоял ночью под кирпичной стеной склада. Пустые молочные бутылки, которые везде принимались, падали вниз на рыхлый снег. Он подбирал и укладывал их в рогожный мешок, стараясь не звенеть стеклом. Свет, идущий от снега, превращал бутылки в фигурные тени, а его самого в гнома.

Загавкала собака, они скатились с крыши и, подхватив готовый мешок, бросились наутек. Котика через год посадили за ночную проделку, но дали немного – он шел по малолетке. Дерне читал Максиму его письмо из зоны. Максим не сомневался, что начало письму было положено той ночью.

Сестра придумала свое. Во дворе их дома стоял погреб, сверху лежал насыпной слой земли. Петр Иванович, сторож, каждую весну готовил этот клочок под рассаду, а сторожиха, его жена, поливала и приглядывала. В конце июля с кустов свешивались крупные зеленые, как малахит, помидоры. Каждый плод красив. Но им предстояло еще обратиться в пылающие оранжевые ядра. Толстые волосатые стебли пытались их удержать, одновременно наливая тяжестью. В книгах говорилось о звездах, будто каждая тоже солнце. Он задавался вопросом о могучем стебле, на котором они созревают и, созрев, падают, набитые семенами жизни. Тут он останавливался, стараясь себе их представить сквозь ослепительную сетку лучей. У спелого яблока зерна просвечивали в глубине, у помидора никогда. Может быть, ветви Млечного Пути отходят от стебля или сразу от корня, как у некоторых тропических растений.

Сестра выбирала самые крупные ядра, по одному с куста, чтобы сторожиха не заподозрила, и ела их с солью. Потом он узнал, что в помидорах много всяких полезных веществ и есть даже белок, но люди едят для сытости хлеб, а помидоры ради вкуса. Если нет сытости, зачем же вкус. Она догадалась о белке. Скорее всего, потому, что в этом ей помогло магнитное поле, которое Максим еще слабо чувствовал. Деньги он все-таки нашел. Красную десятку. И не в глухом закутке, а несколько сбоку от лавки. Ее не подобрали, так как в парке днем было совсем пусто.

На другой день мать восстановили на работе, удержав из зарплаты недостачу. На проходной из военного городка, где находилась столовая, иногда останавливали, проверяя, кто что несет. На всякий случай она пошла кружным путем. В сумке кроме риса и котлет были пластинки сыра, порционное сливочное масло, копченая колбаса, нарезанная тонкими кружками, и даже печенье. К колбасе, нашпигованной салом, он относился благоговейно. Сам ее вид говорил о чем-то необычном и редком. В магазине выбрасывали дешевый ливер, народ брал его в приступ.

Бабушка подрабатывала шитьем. Через ее руки текли самые разные ткани. Он невольно сравнивал с ними пищу. Например, ситец, сатин и бязь – это одно, шерстяные вещи – совсем другое. Она говорила бостон, но это из другого времени, в котором жила давным-давно. С еще большим чувством упоминала креп-жоржет, некая особая ткань, которую принято надевать к дорогому застолью или на танцевальные вечера. Копченая колбаса стояла вровень с бостоном и даже с желтой китайской кожей, однажды мелькнувшей на улице, а креп-жоржет – с маслом, печеньем и сыром.

Все это добро предназначалось для летчиков. Они осваивали реактивные машины, пронзающие небо иглой. Тонкая струя вырывалась из хвоста и тянулась, как нить. Он задира голову, пытаясь сообразить скорость, но самолет, появившись, очень быстро зарывался в синеву. Как жаль, что застал войну ребенком, думал Максим про себя. Человек, сидящий за штурвалом, находился внутри снаряда, как будто выброшенного в небо из жерла огромной пушки. Он, конечно, и сам превращался в снаряд. Нельзя оставаться прежним, сливаясь с реактивной иглой. Она сжимает мысли и чувства, требует такого же энергичного тела, как кол-

басное сало, и не менее твердого, чем сама колбаса, которую надо долго жевать, перетирая зубами, перед тем как отправить в желудок.

Люди сравнивались по одежде и пище. Они и были точно тем, что носили и ели. Рабочие ходили в телогрейках, ели хлеб с огурцом и пили водку. Летчики скрипели хромовыми сапогами, им подавали борщ, такой густой и наваристый, что ложка стояла в нем, как мачта на палубе корабля. А в праздники, такие как Первое мая, Седьмое ноября или День авиации, – на каждом столе красовалось шампанское. Офицеры в парадной форме, позванивая орденами, угощали женщин вином и пирожным, шоколад смешивался с запахом духов и губной помады.

Никогда больше он уже не пробовал драгоценной той пищи, потому что не управлял сверхбыстрым самолетом и не плавал на глубинных подводных лодках. А резать металл, водить машины и строить дома – для таких дел очень подходит хлеб с супом из трески, которую варит жена, и жареная картошка с луком. Мать была официанткой, говорили подавальщица, получала триста рублей, которых ни на что не хватало, и подкармливала его малым избытком с офицерского стола, как делали все вокруг.

Второй раз был случайный и короткий, но тоже запомнился. Его отправили в пионерский лагерь. Поездка занимала полтора дня, сначала поездом, дальше пароходом. Бабушка положила ему в мешок половину буханки. Думала, что положила. Уже сидя в вагоне, он не нашел своего хлеба. Красавец «ФД» мчал их не больше часа и проделал почти такой же путь, как вслед за ним пароход. Правда, пароход шлепал по реке. Это была небольшая железная коробочка. Он не заметил начала движения, только берег стал медленно удаляться. К вечеру захотелось есть. Он пропустил обед, а теперь и ужин. Ребят было немного, они слонялись по углам, легко заговаривая друг с другом. Максим держался в стороне. Им овладела скованность человека, отрезанного от остальных. Стоит подойти, думал он, и каждый догадается, что у этого мальчика, то есть у него, в голове не дружба, а хлеб.

На палубе стоял одинокий мальчишка его возраста. Он глядел на воду. Что еще можно делать, опираясь на ограждение, но при этом жевал горбушку, пропитанную маслом и натертую чесноком. Максим подошел к нему боком, как краб, вдоль металлического поручня, сделав вид, будто любит речной далью. Тот, продолжая есть, коротко взглянул на него и отошел к противоположному борту.

Среди знакомых Максима был Юрчик, умевший читать мысли. Конечно, самые простые, лежащие на языке. Например, если к нему обращался кто-то из посторонних, он точно называл имя. И не Миша, Петя, Коля – таких имен пруд пруди, но Рудольф или, допустим, Клавдий.

Они играли в пристенок рядом со своим подъездом. Подошел мужчина.

– Я ищу пятый дом по Пушкарке. Как будто здесь, но не вижу указателя.

– А кто вам нужен, – отозвался Юрчик, – вот она, Пушкарка. Пятый через три дома. Да вы, небось, к собирателю. Он в первом подъезде. Как зайдете, сразу налево. Дверь обита мешковиной, одна такая.

Мужчина повернулся уйти, но неожиданная мысль его удержала.

– Как ты догадался?

– Не догадался, а знаю. Вы Рудольф.

Максим никогда не слышал этого имени. Из имен редких он знал Альберта, Марка и Вороха. Марк, решил он, собирает марки, потому так и прозвали. Оказалось, это настоящее имя, не кличка. А Ворох был отец Захара, он носил двойное имя – Ворох Борохович, но просил называть его Борис Борисыч, потому что так проще.

Мужчина пораженно застыл.

– Да, Рудольф, Рудольф Викентьевич. Но откуда ты... – Он не договорил.

– Вы идите, он вас ждет.

У собирателя был шкаф с альбомами, а в них старинные монеты и медали. Если кто-то из ребят случайно находил монету, они всей гурьбой шли к Павлу Антоновичу. Тот поил их

чаем и рассказывал всякие истории, прежде чем положить находку в альбом. Максим считал, что Земля прячет и перерабатывает брошенные вещи, как корова сено. Все, что остается от людей, надо же куда-то девать. Она и принимает, отрывивая не вещи, а вещество. Монеты и медали сделаны из серебра и бронзы, которые почти бессмертны. Земля выталкивает их на поверхность, так как не может дать новую форму. Тогда уснувшее вместе с ними время просыпается, особенно если потерять его куском замши.

– Как у тебя получается? – подступил Максим к Юрчику.

– Хочешь научиться?

– Да нет, – смутился тот.

– Не ври, вижу, что хочешь.

– Так ты видишь или слышишь?

– Скорее слышу, но это не голос. Сами слова себя произносят немymi губами. У тебя бабушка портниха?

– Портниха, ты же знаешь.

– Вот, потому и не сможешь.

– Чего не смогу?

– Научиться. Моя лечила людей, знала травы. Это передается.

Максим стоял у борта вполоборота к воде. Но смотрел не на воду. Над ящиком с бухтой каната висел спасательный круг с надписью «Роза Люксембург». Краска стыда покрывала его до ушей. Какая роза, роза – цветок. Мальчишка умел читать мысли, как Юрчик, поэтому сразу раскусил Максима. Почему Люксембург, надо будет спросить у кочегара, когда он выйдет наверх. Мысли, как слепые, натыкались друг на друга. Он подошел к бачку, чтобы не стоять на месте. Тяжелая кружка была прикована цепью к петле. Пить он не хотел, налил чуть-чуть и медленно цедил через край, будто бы занятый делом. Спустился вниз и долго ворочался на досках скамейки.

Утром пароход причалил к пристани в виду какой-то деревни. Женщины в стеганых безрукавках волокли по сходням пузатые мешки. Верхние края были стянуты суровой нитью, головки репчатого лука глядели в просвет. Они уселись низко рядом со своими мешками. Пароход отвалил. Разложили снедь на газете: хлеб, сало и кольца лука, которые макали в кристаллы каменной соли. Максим ушел на нос парохода, глотая голодную слюну.

Река то ли стояла, то ли плыла неслышно в отлогих берегах. Утренняя прохладная дымка укрывала деревню. Лишь купола церковей создавали равнину. Он смотрел и, не думая ни о чем, вспоминал Среднюю Русь, доставшуюся ему от прошлого века, соломенную, уходящую вдаль, на плоской земле у медленной воды. Постепенно туман растворялся, открывая лицо деревень. Первый раз в жизни увидел живое и неврежденное селение, очень бедное – огороды, посадки, темные избы. Его город стоял, искромсанный снарядами и бомбами. Немец пришел за землей, город ему был не нужен, он хотел зарыть его в землю, как ненужную и вредную вещь, а землю превратить в перину и нежить на ней своих детей и жен. Но разбился о город, который стоял высоко над землей.

Последняя пристань оказалась во второй половине дня. Их свели на берег. Молодая женщина в пионерском галстуке построила ребят в колонну. Шли по песку. Это был город, двухэтажный, старинный, кирпичный. Максим, одолевая подступавшую слабость, вглядывался в него, стараясь почувствовать целое. Как хорошо смотрелись его окна и стены, выложенные не вглухую, а с рельефными выступами и карнизами.

В лагере их развернули уже в линейку. Старшая вожатая обратилась с приветствием. Она была молода и красива и, главное, заранее всех любила. Когда взрослый разговаривает с ребенком, он взрослый, когда с детьми, с которыми еще только знакомится, он товарищ.

«Вы, наверно, устали и проголодались?» Линейка ответила: «Нет!» И Максима кольнуло в сердце. Он подумал, что слитный звук ребят, подхватив вожатую, отнесет ее в сторону. Но

женская улыбка, слегка покачнувшись, устояла. «Не будем нарушать порядок, вдруг кто-то из вас хочет сесть за стол, но почему-то молчит». Она попала в точку. Сытый голодного не понимает.

Он ел рисовую молочную кашу с красной икрой. Икры было много, не меньше самой каши – белое с оранжевым. Да, цвет был именно такой, яркий, но и нежный, как сама икра. Некоторые дети отказывались и отдавали ему. Он удивлялся, смутно догадываясь, что она выше той колбасы и даже пахучего шоколада. И бостон не стоял с ней вровень, а что могло стоять, он не знал. Может быть, креп-жоржет.

Фай

Студентом Максим водил дружбу с приезжим таджиком. Тот бросил учебу стал вольным человеком и жил шабашкой. По выходным он брал с собой Максима в напарники. Вместе чистили низкие подвалы пятиэтажек, которые время от времени наполнялись грязевыми ливнями, носили раствор для стяжек, откапывали кабели высокого напряжения. Иногда Файзу, так звали парня, хотя Максим говорил ему Фай и тот легко принимал, иногда ему удавалось получить работу у богатого дачника. Фай взваливал на Максима все самое трудное и тяжелое, но и отстегивал, а получив деньги с заказчика, варил плов.

Он делал это с большой любовью. В угловом помещении, которое ему отвела какая-то контора, где он числился сторожем, плавали удивительные запахи и дымы.

– Режу мясо, душа отдыхает, – говорил он.

Восточный человек, думал про себя Максим. Промывать рис, чистить овощи, отмерять специи – можно ли во всем этом находить удовольствие. Стряпню и кухню он в мыслях соединял с женщиной. Если готовил сам, то не очень вникая и с большой неохотой. Чистка и варка, мытье посуды ощущались им потерей времени. Приготовил себе обед, тут же и съел. Труд твой стал невидимкой.

Время мужчины всегда отливается в крупные вещи – дома, мосты, дороги, станки и машины. Время женщины течет привычно и незаметно, как ручей в кустах, порхание птиц и даже однообразно ровный стрекот кузнечиков. Фай, однако, был крепкий упругий малый с шапкой черных волос на голове. Волосы его росли не в длину, а в гущу, поэтому шапка становилась все шире. Сама природа предназначила его к тому, чтобы приводить в движение крупное и тяжелое вещество, никак не морковь с отборным рисом, изюмом, сливами и кусочками мяса.

– Любишь вкусно поесть? – задевал его необидно Максим.

– Пойми! Вот плов, – Фай ловко поднимал желтый рис куском хлеба, отправляя в рот, – раз он входит в тебя – он ты. Остальное нет. Тело это знает и радуется, когда моет, чистит и разделяет на части.

От сытной еды у него туманились глаза. Белые неиспорченные зубы с хрустом пережевывали зелень.

– Почему не остальное, – возражал Максим, – что видишь и слышишь, к чему прикасаешься, все твое.

Фай благодушно смотрел на него сквозь наволоку сытости.

– Разве оно входит в тело?

– Не хлебом единым, – вспомнил Максим.

– Продолжай.

– Но всяким Словом, исходящим из уст Божиих.

– Так у вас же нет больше Слова. А без него не стало и хлеба. Что ты ешь в своей столовке? Молочный суп и мятую серую картошку, называемую пюре. Аллах послал человека на Землю, дав ему тело и душу. О молитве я помню. Но у молодых, как ни старайся, тело идет впереди, а мы с тобой молоды. Или ты не в счет, вместе с твоим народом, лишенным радостей тела. Никогда не видел рядом с тобой женщину, значит, род людской принадлежит тебе не весь целиком. Скажу больше. Если не весь, то и ты не в нем. А без него тебе холодно. Потому что только от него из глубины идет тепло.

– Женщины теплые от того, что не мужчины?

– От того, что в глубине рода. Мужчины на поверхности, а те в глубине, как пчелиная матка в своем улье.

Максим знал: одни люди мерзнут, другие нет. До него холод добирался через руки и ноги. Спину он тоже норовил прятать от зимнего ветра. Руки время от времени совал в карманы пальто, а пальцы ног шевелил, разгоняя кровь.

С годами каждый привыкает к себе, невольно перенося свои ощущения на остальных, во всем подобных ему сочеловеков. Понятно было, что зима не щадит стариков. Все свое тепло они уже отдали, даже летом носят валенки с телогрейкой, кому за семьдесят. Однако разницу в температуре между мужчиной и женщиной он не улавливал. Женщины были теплее, но не градусом тела. Он очень удивился, узнав, что птицы разогреты до сорока с лишним градусов. Оказывается, и женщинам тоже дано лишнее тепло. Наверное, потому, что они не могут согреться физикой быстрого и долгого движения.

На шабашках встречались отделочницы – по малярке, плитке, обоям – молодые девчонки-лимитчицы. У них были розовые лица и жаркие руки. Фай, проходя мимо, любил завести разговор:

– Кабанчик? – спрашивал он.

Так называлась прямоугольная толстая плитка для облицовки фасада.

– И что?

– Тебе нужен скакун, чтобы унес за облака.

– Где ж его взять?

– Далеко ходить не надо, посмотри на меня. – Он тряс своей черной густой шапкой. – Не нравлюсь? Ладно, доставайся другу. – И он тянул Максима за плечо.

Тот переминался под взглядом синих глаз.

– Как ты терпишь плитку голой рукой? – спрашивал он, чтобы не стоять дураком.

– У меня руки огняные.

Его поразило это слово – не огненные, как говорят и пишут, а огняные, и на него дохнуло жаром раскаленных углей. Видимо, из Владимира или Ярославля, успел подумать он.

– На, возьми. – Она протянула узкую, но крепкую ладонь.

– Ой, да ты чуть теплый, – не удержалась плиточница.

– Кровь не греет, соплями не согреешься, – бросила ее товарка.

– Грубая ты, Клавка, все у тебя на х... А ты не хули, да подхваливай.

– Пойдем, – сказал Максим Фаю.

Было ему неприятно, будто подловили на тайной слабости. Дома он взял купленную в храме Библию. Третья книга Царств начиналась так: «Когда царь Давид состарился, вошел в преклонные лета, то покрывали его одеждами, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтобы она предстояла царю и ходила за ним и лежала с ним, – и будет тепло господину нашему царю».

Вот оно что! Одолевший некогда Голиафа мог унять непрерывный свой озноб лишь с помощью женского тела. Сколько же ему было? Он перечитал историю жизни Давида и нашел лишь, что времени царствования его над Израилем было 40 лет. Немало, но не древним же старцем сошел он в могилу. Или такова участь всех государей. Власть, как пресс, выжимает их досуха. И в русской деревне на печи лежали сплошь старики, довершая жизнь. Старухи же любили постель по свойству своего пола, согревая ее собой.

Фай брал с собой кетмень на шабашку. Он привез его сюда из далекой Азии. Слово не было совсем чужим. В памяти Максима вдруг всплыл рассказ о бедном дехканине, читанный в детстве. Тот обрабатывал свое поле кетменем. Не у кого было тогда спросить. Максим думал, это лопата – что еще мог держать в руках земледелец. Но это оказался совсем другой инструмент. Его рукоять стояла под прямым углом к рабочей поверхности. Металл ковали вручную. Следы от ударов молотка отливали серебром. Мощное усиление вблизи крепежного кольца сходило на нет к лезвию. Сама рукоять была не обычным прямым фабричным черенком, а упругой узловатой палкой, способной гасить удары. Работал он по принципу мотыги,

не лопаты. Не переворачивал слой почвы, а разбивал и рыхлил. Фай бросал с его помощью раствор на носилки. Он тянул кетмень на себя. Движение шло сверху вниз, было удобным для тела и потому экономным и сильным. Лопата же, наоборот, поднимала свой груз, чтобы потом опустить.

По человечеству Фай и он шли рядом. В чем заключалась разница, Максим не мог определить, но она лежала на виду, такая же как между лопатой и кетменем.

Он вспоминал все, что знал об орудиях, выстраивая их в ряд. Все начиналось с палки. Ее заостренный конец делал лунку. Максим услышал об этом в школе, ее называли копалкой. Потом люди придумали деревянный кол. Он походил на лом, только лом сделан из железа и потому тяжелый, а кол не имел силы. На него надевали камень с отверстием, который заключал в себе необходимую массу. Известно, что масса впитывает энергию, как сосуд воду. Кол с утяжелителем вбирал силу рук, отдавая ее земле в момент удара. Мотыга появилась намного позже, в век бронзы, и развилась в плуг, но это уже с приходом железа.

Каждому орудью соответствовал свой способ обработки, тип участка и набор полезных культур. Кол использовался при сооружении клумбы. Засеянный участок напоминал в те времена не поле и даже не грядку, а клумбу. Мотыга трудилась над грядкой. Он вдруг понял, что огородничество средней полосы с окучником и тяпкой пришло оттуда, из зоны мотыжного земледелия. Но там оно начиналось в качестве основного способа почвообработки. Сюда же докатилось в виде придатка к полеводству. Занимались им не мужчины, а женщины, и без применения животных, вручную.

Фай сообщил ему, что кроме кетменя была еще и лопата, вернее, не одна, а две – штыковая и совковая. У себя дома он работал в рисоводческой бригаде.

– Рассадку сажаешь – окучиваешь. Чек должен держать воду. Нужна стенка вдоль его границы – гряда, насыпь. Через руки проходит всякий инструмент, но кетмень главный.

– Они меняют друг друга?

– Конечно.

– Часто?

Фай смотрел на Максима, вникая.

– Тебе зачем?

– Хочу увидеть твоё рабочее время.

– Разве оно оставляет след, как варан в песках?

– Если оно сплошное, то нет. В нем только начало и конец. Меняешь инструмент, оно возникает. Вот смотри, в руках у тебя кетмень, он нагребает землю на рисовый стебель. Обвалываешь чек, нужна лопата. Ты меняешь одно на другое, тут-то и возникает время.

Лицо Фая дрогнуло в улыбке.

– Понимаю теперь. Тело времени состоит из перемен.

– Вот, вот. Так часто ли это происходит? – напомнил Максим.

Фай уставил глаза в пространство своей далекой родины.

– В бригаде реже. Дома на своем огороде все у меня под рукой, чтобы не ходить взад-вперед.

– Почему?

– В колхозе земли много. Долго делаешь одну работу. Из конца в конец кетмень пройдет все поле, руки не отнимешь. Время застыло, как солнце над головой. Ничуть не подвинулось, тут ты прав.

– А дома?

– Дома хорошо. Одно, другое. Жена позвала – плов кушай, дети пришли из школы.

– Время подталкиваешь?

– Само идет!

Они стояли друг против друга в воротах богатой дачи. Хозяин выстелил въезд тяжелыми плитами. Он не пожелал строить обычную дорогу из щебня и бетона. Плиты вывезли со старого кладбища, скорее всего, заброшенного. Максим пробовал читать надписи, когда-то четко выбитые, теперь полустертые. Надо было бы положить сверху тыльной пустой стороной, а лицевую спрятать, но работягам все равно – той ли стороной, этой. Теперь хозяин обратил внимание и велел переделать. Они чесали головы, как подойти и взяться. Каждая плита весила близко к полутонне.

Фай хотел поставить точку в разговоре – ему не хватало полной ясности.

– В бригаде время движется прямо, – заговорил он медленно, – дома – зигзагами, как зубья пилы.

– Объясни, – попросил Максим.

– Конец поля далеко – время прямое. Дошел до конца, повернул, его линия тоже сложилась пополам. До того была прямой, теперь пополам. А на своем участке время кривое. Не кривое, – поправился он, – резаное. Бывает масса – бывает немасса.

– Что такое немасса? – спросил Максим.

– Чего не понять, легкая вещь по сравнению с тяжелой – немасса. Масса инерционна.

Максим, конечно, изучал школьную физику, и в общем ему все было понятно, но он не удержался спросить:

– Что значит инерционна?

– Бездействует.

– По-твоему выходит, тяжелое бездействует, легкое нет.

Фай секунду помедлил и сказал:

– Легкому легче действовать, проще прийти в движение. Зато тяжелое вбирает энергию – это тебе не мяч, звонкий, но пустой. А вот гиря или лучше ядро – совсем другое дело.

Максим вспомнил, однажды на уроке физкультуры их класс отрабатывал упражнение с ядром. Нужно было научиться включать не только толчковую руку, но и весь корпус. Их подвели к высокому кирпичному забору, отсекавшему двор от улицы. Толкали в сторону забора, чтобы избежать случайного попадания в человека. Даня толкнул десятикилограммовый металлический шар мощным и резким разворотом корпуса. Тот влетел в стену. Из нее брызнули кирпичные крошки.

– Разве бомбы легкие, – продолжал Максим, – или снаряды. Ведь они летят и поражают благодаря своему весу.

– Не весу, а энергии пороховых газов.

– Будь снаряд легким, – возразил Максим, – впитал бы он эту энергию?

– Так и я про то.

– Значит, только массивные вещи вбирают энергию, и тем больше, чем они тяжелей.

– Это не новость.

– Тогда почему масса – мера инерции, по-русски – бездействия. Как раз именно действия, притом неукротимого и мощного.

– Будешь спорить с классиками?

– Хочу разобраться. У тебя за плечами физфак, – сказал Максим. – Загляни в суть. На мой взгляд, формулировка не точная. В определение массы должна войти в первую очередь и в качестве главной черты ее непосредственная связь с энергией. Нет ее, масса обездвижена.

– И как бы ты сформулировал?

– Мера энергии.

– Каждый материал имеет свою меру, – отозвался Фай. – Дрова одну, уголь другую, нефть, бензин и т. д. Все они заключены в природу химии, но есть и ядерная энергия.

– Уровни разные, – не сдавался Максим. – В соответствии с ними меняются разрешенные соотношения между веществом и его способностью нести энергию. Мировое вещество

выступает в роли сосуда. Причем только перед лицом энергии. Чем оно крупнее, тем больше вмещает.

Фай устремил взгляд в пустоту, собрал лоб в гармошку и начал декламировать, как стихи:

– Всякое тело продолжает удерживаться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние.

– Откуда это? – спросил Максим, хотя тут же и догадался, потому что слова были знакомы по школьному учебнику – Хорошо сказано, – поспешил он добавить. – Одно вытекает из другого. Тело, то есть вещество, вместе с силой образует первую пару, покой и движение – вторую. Только где же здесь энергия?

– Сила, она и определяет динамику.

– Но сила есть составная величина.

– Как это составная?

– Ведь сила вектор.

– Ну и что?

– Вектору принадлежит направление, и притом одно-единственное, кроме того, он неотделим от движения. Источником движения служит не сила, а как раз энергия, у нее не может быть направления. Получит его, тогда и превратится в силу, не раньше.

Фай был слегка озадачен.

– Возьмем обыкновенную тачку, ее толкают вперед, она катится, подчиняясь силе, – продолжал Максим.

– Вот видишь, силе!

– Это потому, что человек соединяет свою энергию с целью, которую сам же и выбрал. С повозкой все обстоит сложнее. Лошадь тянет, а правит возничий или кучер, если это экипаж. Здесь сила уже расщеплена на энергию и управляющее начало. Когда дорога хорошо знакома лошади, она не спутает поворот к дому. Но лошадь животное умное. Вообще у живых существ масса и энергия сливаются. Трудность состоит лишь в определении цели – куда и на что следует направить свою волю. Если все три компонента налицо, сбывается самое главное, на чем стоит этот мир.

Фай подался вперед, взглядом вытягивая из Максима конец фразы. Его шапка волос от напряжения съехала на лоб. Скорее всего, он умел шевелить кожей головы. Максим перевел взгляд с черных его глаз на шапку. Она снова подалась назад, видно, кожу отпустило.

– Ты чего? – спросил он.

– Да так, – неопределенно сказал Фай. – Говори, что сбывается?

– Движение.

– И это главное?

– Без него все останавливается.

– Куда ты денешь покой?

– Они меняются местами. Сущее обнаруживает себя в движении. Иначе перестает быть.

– Прячется или перестает? – Фай его испытывал.

Максим вспомнил Грана. Его полная фамилия произносилась Гранин, но все сокращали. Он любил быть незаметным, искусно маскируясь, и не темные углы выбирал, а умел уходить в себя и даже проваливался из глаз, застывая.

Однажды Максим вошел в класс. Никого не было. Его обступил свет из окна, парты сходились в ровный ряд. Он почувствовал себя наедине с собой и постепенно расслабился. Вдруг сквозь завесу света проступил предмет, почти сливавшийся с цветом парт. Он насторожился и разглядел Грана.

– Ты! – не удержался он от восклицания. – Как тебе это удастся?

– Прячу лицо в грудь, а кисти – в рукава. Белая кожа на темном выдает. – Гран показал глазами на крышку парты, покрытую смолистой краской.

Максим понял. Гран увлекался спортом и любил подремать, накапливая себя, а так как их жизнь проходила на виду у всех, он придумал способ укрытия.

В тот раз Максиму впервые неподвижность явилась как состояние таинственное, полное необычных свойств, и когда снова ее замечал, останавливался, подолгу наблюдая.

Однажды их привели в зоопарк. Он увидел живого крокодила, еще детеныша. Его глаза пересекали тонкие вертикальные щели зрачков. Они несли так мало мысли, что казались слепыми, но главное было в другом. Пасть стояла открытой, Максим ждал, пока она захлопнется, но откинута верхняя длинная и узкая челюсть не хотела падать. Он ждал, пересиливая нетерпение. Как можно следить за тем, что отсутствует! Он смотрел на открытые выпуклые белые слепые глаза и разинутую пасть, пытаясь обнаружить хотя бы тень перемены. Наконец челюсть сместилась вниз, но очень медленно, как минутная стрелка часов, и, нисколько не ускоряясь, замкнула длинную пасть. А говорят, что они умеют быстро бегать. Настоящее чудо, подумал он, заключается не в том, чтобы успевать в одном, но и в противоположном ему тоже.

Пока говорили, глядя на дачу, подошел хозяин, молодой высокий мужчина в бордовых сапогах с отдачей в легкое отемнение. Бригадир поспешил навстречу.

– Газовый ввод уже закопали? – спросил хозяин.

– Только что.

– Прогудрили?

У бригадира уже срывалось с языка послушное «да». Он открыл рот, соображая, и стал похож на крокодила с открытой пастью.

– Все переделать, – холодно отрезал хозяин.

Работяги, бросив работу, стояли в стороне, ожидая команды. Край одной из плит был уже вывернут из своего ложа. Она стояла на ребре. Старая автомобильная покрывка готовилась принять ее падение на лицевую сторону. Бригадир кивнул Фаю:

– Забирай напарника, делаешь котлован.

– Какой котлован? – тихо спросил Максим.

– Яму под газовый стык.

Минут пять они усердно вынимали еще не слежавшийся грунт – Максим лопатой, Фай пустил в ход кетмень.

На людях он любил зажигать, его кетмень действовал, как ручной экскаватор. Сам он бурно дышал, лицо наливалось румянцем. Бабы на стройке останавливались на его силу.

– У меня за спиной говорят «зверь». – Он произносил это слово, не смягчая на конце: «зверь».

Когда же зрителей не было, Фай себя распрягал. Они копали в стороне от других, в точке соединения магистральной трубы с отводом. Кетмень легко выбирал грунт с поверхности. Но уже на небольшой глубине был бесполезен, так как, зачерпнув, не мог сбросить глину на край котлована. У экскаватора намного больше степеней свободы, подумал Максим. Наполненный ковш поднимается высоко вверх своим гидравлическим предплечьем, совершая также и боковое движение к кузову самосвала. На тяжелой операции в качестве землеройного орудия кетмень выигрывал в силе, но не имел маневра. При окучивании большого усилия не требовалось, он легко обходил своим широким лезвием стebель. «Каждый солдат должен знать свой маневр», – вспомнил Максим известные всей России слова.

Это означает применяться к местности. Не идти на врага в лоб, а если надо, то падать и ползти, сблизаться с его окопом короткими перебежками, отсекав фланги и тыл. Маневр – это особое движение в ряду других. Чем длиннее этот ряд, шире спектр умений и навыков, прилагаемых к бою, тем меньше потерь. Полководец, говоря свое, имел в виду не отдельное движение, но этот ряд, способность к постоянному маневрированию. Ведь, если наступаешь в

лоб, надеешься взять силой. Сила – вектор, поэтому четко ориентирована. Чем она сильнее, тем больше противится отклонению от прямой и остановке, что как раз и есть разные виды маневра. Итак, говорил про себя Максим, с ростом силы снижается гибкость, понимаемая не как скорость или количество движения, то есть произведение массы на эту скорость, но как сумма отдельных движений.

Снаряд, отправленный в полет выстрелом пушки, наделен огромным количеством движения, его немалая масса сливается с бешеной скоростью. Почему сливается? Их нельзя складывать ввиду разности природ: масса есть вещество, а скорость – отношение пространства ко времени. Раз они перемножаются, то итог движения громадный. Итог в пользу массы, которая доносит до цели энергию выстрела. Отсюда следует, что снаряд не имеет права уйти в сторону от цели. Движение, совершаемое им, велико. Но оно единственное из всех, наполняющих мир. В нем одном заключена жизнь этого снаряда, и если все-таки пройдет мимо цели, промахнется, то жизнь не состоялась. Он летел изо всех своих страшных сил, но это не стало движением. Тогда что же такое движение, вопрошал Максим самого себя. Конечно, масса – его твердое тело, оболочка, потом энергия, оживляющая это тело. Но только их мало, нужен третий компонент – знание! Масса и энергия должны знать свою траекторию. Зачем? Чтобы встретить мишень или цель. Опять-таки для чего? Оказать на нее воздействие. Третий компонент – информация, его можно обозначить символом I . В начале классической физики такой категории не было, она и не вошла в формулу силы. По второму закону Ньютона сила равна произведению массы на ускорение. Масса – скалярная величина. Где в таком случае источник векторной природы силы? Только в ускорении. А это что такое? Отношение пройденного пути к квадрату времени. Можно ли считать время вектором? Как будто нет. Развертывается от прошлого к будущему, тесно связано с действием. Однако все начинается с материи. Она и устанавливает ритм, в котором дышит Хронос. Много ее, например, в звездах – дыхание Хроноса едва заметно. Мало материи – грудь его ходит ходуном. Этот последний случай как раз касается земной жизни. Раз время меняет свой характер, то несет информацию. Притом вот что странно – несет не само по себе, но отражая влияние массы. Значит, и она не совсем скаляр. А что сказать о пространстве, без которого нет ни скорости, ни тем более ускорения? Если это линия, никакая информация не нужна. Шар катится по желобу, поезд мчится по рельсам. Правда, он испытывает боковую качку, но бандажи колес прочно удерживают его на пути. Плоскость изобилует направлениями. О трехмерном пространстве нечего и говорить, его информационная емкость предельно велика. Итак, на первый взгляд действие есть единство трех мировых величин – массы, энергии и информации. Впрочем, в нашем мире мы часто отождествляем массу с энергией, через ее родство с материей. Вероятно, действие можно определить и проще, как взаимное наложение полюсов массы и информации.

Масса с трудом маневрирует, поэтому вынуждена высверливать в преодолеваемом пространстве тоннель. Все многообразие мерности сводит к линии. Точка означает покой, линия – единичная мерность. Это свойство массы означает отрицание информации. Они смотрят друг на друга как два противоположных полюса. Чем больше одного, тем меньше другого. Энергия их разделяет. Смотрят через газовое прозрачное облако посередине, стремясь разглядеть вождедеющими очами образ второй половины.

Какими чертами наделена масса? Во-первых, она родоначальница всего сущего, во-вторых, – пассивна. Информация должна занимать противоположную сторону и черпать свои свойства оттуда. Какие? Легкость и, значит, быстроту перемещения и действия. Скрытность и тайну, уходящую в глубину бытия. Все малое наделено особой ловкостью. Взять, например, белку, прыгающую по ветвям сосны. Вдоль забора, сложенного из блоков, стояли в ряд тяжелые сосны. Они хорошо смотрелись на фоне камня. Вся усадьба с искусственным озером посередине, розовым домом над водой, имела вид дворянского поместья на переходе из средних веков в новые. Тогдашние дворяне жили открыто, им уже некого было опасаться – внешние стены

пали. А эти, напротив, поднялись, свысока посматривая на соседние штакетники и дощатые крашенные ограды.

Белка шла по стене, Максим поднял голову, их глаза встретились. Он замер, постеснявшись своих размеров рядом с ней. Она легко прыгнула на ближайшую ветку. Тонкий конец прогнулся на самую малость. Максим почувствовал, насколько ладным и почти избавленным от земной тяги было это существо. Она побежала к стволу, поднялась выше и так зигзагами и прыжками добралась до безопасного верха, оглядываясь на Максима любопытно и одновременно испуганно. Из невесомого тела выглядывала детская душа.

Максим ждал, пока Фай выполнит свою часть работы. Подошла его очередь, он спустился в неглубокий котлован и слегка подкопал стенку. Отступая от нее, лопата забирала все глубже. Дело пошло быстрее, когда весь штык погрузился в глину до железных плеч. Фай стоял на краю, свесив к нему голову. Он смотрел не на озеро и сосны, а на то, что делал Максим, хотя смотреть было не на что – дно медленно понижалось, глина ложилась ломтями в ряд, не прилипая к листу. Озеро пребывало во сне. Сосны стояли неподвижно, а здесь жила пусть простенькая, но динамика. Максим понимал его. Люди всегда тянутся к тому, что происходит на их глазах, тишину долго не слушают, если стоит не шевелиться. Спешат к звукам.

– Назови составные части действия, – заговорил Фай.

– Речь шла о движении.

– Это одно и то же. Каждое движение есть действие.

Максим, подумав, не согласился.

– Действие подчеркивает природу состава. А движение возникает из отношения пространства ко времени. Масса, энергия, – стал перечислять он.

– Что еще? – потребовал Фай. – Ты говорил о знании траектории.

– Назовем более точно, – поправил Максим. – Информация! Действие всегда осмысленно.

– Информация придает ему смысл? – спросил Фай.

– Да, если ни на что не направлено – не действие.

– Допустим, нечто происходит, совершается, абсолютно не имея цели. Будет ли оно событием?

– Думаю, нет.

– Но ведь возникло, состоялось.

– Ты же сам сказал – событие. То есть одно бытие сошлось с другим. На самом деле масса и энергия вошли в смесь с информацией. Отъятая от материи, информация ничто, но в соединении приобретает бытийность. Впрочем, полного отнятия нигде и никогда нет, поэтому даже случайность информирует. В ней, по крайней мере, сквозит намек на действие. Чем меньше информации, тем слабее намек.

– Раз она множитель, – снова начал Фай, – то проникает во все компоненты действия.

– Пропитывает, – согласно кивнул Максим. – Ведь в действии участвует не сколько угодно массы, но определенное количество, и энергия тоже имеет меру. Они должны быть тщательно пригнаны друг к другу, паз к выступу, как в шпунтованной доске, но главное все-таки направление. Благодаря ему информация проявляет себя в чистом виде. Так мне кажется, – добавил Максим на всякий случай.

– Направление неотделимо от пространства, – вставил Фай, – не в нем ли все дело?

Максим ждал, опираясь на лопату.

– Я хочу сказать, что информация возникает там, где нужно определить направление, пространство как раз и есть такое место.

– Вмещает, порождая информацию, – повторил Максим его мысль.

Черенок лопаты он воткнул в подмышечную впадину. Руки были свободны, на каждой из них он как будто взвешивал оба эти слова – вмещает и порождает.

– Что ж, в этом, вероятно, и состоит двойственная природа пространства.
– Почему двойственная?
– Ты ведь хочешь проникнуть в его суть. Что оно такое? Как устроено? В каком отношении стоит к другим элементам, которые участвуют в сложении мира?

– Например?

– Да к той же самой массе. Или ко времени. Мы упомянули информацию, и к ней тоже. Если ты не используешь двоичность как форму существования, с одной стороны, и способ рассмотрения, с другой, то ничего не поймешь в своем предмете. Пространство всегда было местом. Здесь – там. Любая точка Вселенной может стать сценой. Приходи и играй, что хочешь.

– Так уже давно не считают, – возразил Фай.

– Правильно делают, всякое пространство конкретно. Один участок, слой, край и предел не похож на остальные.

– Но что тогда наделяет особенностью, лицом? Каждая точка информирует по-своему?

– Именно. И, значит, не равнодушно вмещает, а привязано к определенному событию.

– Все равно место пассивно по отношению к действию, тут ничего нового.

– Как сказать. Действовать можно только там, где сложились условия вмещения. Я представляю это так. На электрических проводах сидят воробьи. Ждут, когда им кинут семечек или хлеба. Увидят – сразу слетаются, отнимая друг у друга, по-иному действия себя не ведут. Они невелики по сравнению с местом, проворные, быстроглазые, спешат занять удобную позицию. А ему очень непросто стать пригодным для жизни. Вот откуда двойственность. Пространство вообще как таковое не интересно. Но есть самое удобное из всех, остальные все более жалкие его виды.

– От чего зависят твои условия? – спросил Фай после долгого молчания.

Он присел на корточки, как принято на Востоке. Максиму обычай казался странным. Попробуй посидеть в такой позе полчаса – ноги онемеют. В последнее время попадались и русские, подражавшие азиатам. От них издали шел запах тюрьмы или зоны. Там существовало особое пространство, где люди сидели, как кузнечики, у которых, говорят, «глаза расположены на высоких коленях». Ясное дело, глаза должны видеть далеко. Но ведь на то и дана голова – самое высокое место тела. А у кузнечиков колени.

Женские глаза широко расставлены, подмывают берега висков. У женщин зрение сферическое, чтобы видеть весь полукруг впереди себя. У мужчин, наоборот, – фокусное. Максим объяснял просто: будучи слабым существом, женщина должна узнавать опасность, явленную в разных сторонах света. Мужчина же ничего не боится, ему нужны глаза, устремленные на линию добычи, успеха, боя. Если подумать, напрашивалось некоторое сходство с царством животных. Олени, косули, антилопы и другие мирные красивые трепетные создания имеют боковое зрение – так у них расположены глаза. Поэтому, если стать прямо перед ними, они повернутся боком, чтобы лучше видеть. Волк всегда смотрит прямо.

– Так от чего они зависят? – донеслось до Максима сквозь дым набежавших образов.

Фай курил, сидя на корточках. Он выпускал голубую струю, откусывая кольца вытянутыми в трубку губами.

– Пространство распределено по ступеням качества.

– Каскад?

– Может быть. И тянется от начала до самого конца, ступени его переламывают.

– Разве оно не бесконечно?

– Бесконечное не конкретно, я ведь уже сказал.

– Что служит началом?

– Наибольшая масса.

– Относительно кого и чего? – спросил Фай.

– Наибольшая в данном цикле.

- Цикле времени?
- Нет, в цикле пространства. Нас пока интересует оно.
- Приведи пример.
- Солнечная система. В центре ее самая большая масса. Здесь начало цикла, началом служит ноль или близкая к нему величина. Будем считать, что середину Солнца занимает нулевое пространство, то есть в чистом виде, лишенное времени. Постепенно слой за слоем огненная масса приближается к поверхности. Обозначим ее за единицу. Промежуток от середины до поверхности есть первый шаг в цикле состояний, которые ткнут пространство, все более и более пронизанное временем.
- Что в этом рассуждении от физики? – спросил Фай.
- В центре звезды удельное значение массы наибольшее для данной системы.
- Какой системы?
- В нашем случае Солнечной. Нигде в другом месте этого небесного дома не найти такого же высокого отношения массы к пространству.
- Ну и что?
- Как что! Это и есть точка отсчета. Надо же с чего-то начинать. Пространство каскадно. Мы ищем самую нижнюю ступень, поднимаясь к верхней.
- Почему ты выбрал небесную механику для доказательства?
- Принцип везде один и тот же. Вселенная повторяет себя в главных чертах, а детали всегда разные. И вот еще что: чем выше смотришь, тем яснее открывается скелет. На низовых уровнях все заслоняют и даже отводят глаза частности, мешая разобраться в сути. Небо же, наоборот, очень удобно, оно велико, движется медленно, подставляя себя со всех сторон взгляду. Его порядок легко прочитывается.
- Порядок – это убывание массы от начала к концу?
- Фай не случайно переспрашивал. Он делал отметки в голове.
- Масса, естественно, убывает по мере удаления от начала. Это лучше, чем если бы ее разбросали в космосе без всякого плана. По крайней мере, у нас появляется нить, но одной массы мало, чтобы вывести закономерность. Вслед за Солнцем идут планеты земной группы. По сравнению с ним бросается в глаза резкая убыль вещества. Однако дальше, вопреки ожиданию, всплывает Юпитер и другие гиганты из недр эфира. Линейный порядок разрушается, поэтому ориентиром служит не количество вещества, а его нормирование по пространству.
- Разве сдвиг массы относительно себя самой ни на что не указывает? – перебил Фай.
- Не понимаю.
- Было больше, стало меньше или наоборот безотносительно к пространству. И что?
- Если все больше и больше – это мегамир, меньше и меньше – мир погружается в кристаллы, молекулы и так далее. Без пространства не получается. Только теперь оно проводит границы не внутри отдельного цикла, но между циклами: метагалактика, звездные острова каждый со своим центром, сами звезды со шлейфом планет. Не исключено, – продолжал Максим, – что гиганты из класса Юпитера занимают промежуточное положение. С одной стороны, принадлежат местному солнечному циклу, с другой – звездному, более обширному и мощному.
- Глаза у Фая заблестели.
- В этом что-то есть. В самом деле, ведь должен, в конце концов, существовать межзвездный переход, благодаря которому происходит укрупнение циклов и вещество стягивается в новое единство.
- Думаю, должен – в подобие молекулярной связи. Но ты забегаешь. Прежде нужно понять устройство отдельного цикла, его работу. Мировое пространство повторяет себя в каждом из них с поправкой на масштаб.
- Что ты считаешь главным в цикле?

– Неравномерное распределение массы. Почти вся она собрана в начале координат.
– То есть в нулевом пространстве? – уточнил Фай.
– Да, в нулевом. Затем идет резкий спад. Похоже на обломок скалы, рухнувшей в море: столб воды и брызг. На Солнце нельзя смотреть открытыми глазами. Планеты, и то не все, видимы лишь вечером и ночью в его лучах. Небольшие холодные шары.

– Не такие уж и маленькие.
– Все вместе почти в тысячу раз легче Солнца.
– Хорошо, есть неравномерность, что из этого следует?
– Двоичность пространства. Установив ее, можем изучать функции каждой части.
– Нулевой по отношению к периферии? – спросил Фай.
– В нулевой сосредоточена почти вся масса. Разве это ни о чем не говорит?
– Только о большом и малом, тяжелом и легком.
– Вот-вот, но тяжелое инерционно. Легкое, наоборот, импульсивно и подвижно. Из всего момента количества движения Солнечной системы львиная доля принадлежит планетам.

– Это давно известно, – сказал Фай, теряя интерес.
– На одной стороне – масса, – продолжал Максим, – на другой – движение.
– Спор о словах, – возразил Фай.
– Применительно к планетам движение – слово из учебника. Их запустили, они следуют по своим орбитам из года в год, миллионы лет, белка в колесе, ничего не происходит, автоматы. Но ничуть не автоматы, они действуют.

Максим прочитал в одной книге, будто Земля, обходя свое Солнце, не выполняет никакой работы. Во время работы расходуется энергия, потому что при переносе предмета из одной точки в другую нужно преодолеть силы трения. Земля летит в пустоте, рассуждал автор, ничего не задевая своими боками, откуда же возьмется трение. Без него не будет и работы. И Максиму стало обидно за Землю. Однако если она действует, а не просто перемещается неизвестно зачем и для чего, то все предстает в ином свете.

– Хорошо, пусть не автоматы, – сказал Фай.
– Не знаю, как ты, я бы поставил на этом месте ударение. В одном случае движение велико, в другом нет. И там, где велико, массы с булавочную головку, где нет, наоборот, тяжелое ядро. Толкнешь в сторону стены – брызнут кирпичные крошки.
– Раз ядро и удар такой силы, это означает большущую работу.
– Не о работе речь, хотя и о ней тоже. Не исключено, что планеты выполняют не меньшую работу, чем Солнце, только оно пускает в ход массу, а планеты действуют с помощью скорости. Почему?

– Ты же сам сказал, легкие и импульсивные.
– Договаривай, – настаивал Максим, – все разжевано, остается только положить в рот.
Фай улыбнулся:
– Пружина заключена в структуре движения?
– Именно!
– А в ней на первый план выдвинуто информационное начало, – догадался Фай, – в противовес массе, из которой Солнце. Странно, – протянул он, как бы возражая самому себе. – В старину считалось, что Солнце вращается вокруг Земли, потом решили, все наоборот – Коперник, Бруно. Теперь выясняется, не так все просто.

– Что не так?
Фай задумчиво смотрел мимо него:
– Я всегда считал, мне казалось, что планеты – придаток своих звезд. Могут быть, могут и отсутствовать.

Максим насторожился, ему вспомнилась случайная встреча. Он шел полем. Впереди пожилой мужчина подкашивал траву, набивая ею мешок. Далеко вокруг никого не было. Он

порадовался за это место, оставленное в покое. Лес шел стороной, напоминая о средней прохладной России. Говорят: тише воды, ниже травы, – надо бы наоборот, тише травы. Он никогда не слышал ее шума. Лес очень большой организм, думал он. Пусть стоит вдалеке на заднем плане. А полевая трава скромна и беззвучна. Уходящее солнце плавало в собственном свете, как в масле. Он поравнялся с человеком. Можно было пройти мимо, но их свела не дорога, а простор этого поля. Что-то в нем шевельнулось, он остановился. Старик поставил свою косу на пятку.

– Кролики? – спросил Максим.

Тот легко заговорил:

– Баловство. Болеют, не знаю, что им надо. И сидеть дома не будешь. Вышел на пенсию, никому не нужен. А все загадывал, когда ж конец.

– Жене нужен, – сказал Максим.

– Сирота, уже два года как.

– Я о жене, – поправил его Максим.

– Так и я о ней. Вторая мать. О первой горевал меньше. Молод был и крепок. Что я теперь, стою на одной ноге.

Максим вдруг произнес фразу, которая показалась ему нелепой здесь, в окружении деревьев и трав:

– Говорят, нейтрон вне атома живет всего несколько минут.

Старик опешил, лицо его стряхнуло привычное уныние и даже как будто помолодело.

– Почему уходит в отказ?

– Откуда я знаю. опыты проводят всякие. И не в этом дело, – отмахнулся Максим. – Сам по себе, отдельно от других не живет, вот что важно.

– Не знаю, – протянул старик, – важно ли. Мы с тобой стоим на Земле. – Он повел рукой вниз.

Максим почувствовал, что стоит не в траве, а на планете. Едва заметная выпуклость поля доказывала ее шарообразность.

– Вот она, а вот Солнце, – продолжал старик, повернув голову резко, как птица, в сторону света. – Земля провалится, небо не почувет перемены ни на волос.

– Это еще почему?

– Потому! Было девять, стало восемь – ни жарко ни холодно.

– Зря ты так. – Он незаметно перешел на «ты». – У тебя жена умерла – горе, целая Земля пропадет – и ладно.

– Не в том смысле, просто все останется на своих местах.

– Так она его держит.

– Кто кого? – не понял старик.

– Земля держит Солнце, не дает ему упасть.

– Куда?

– На мировую поверхность. – Видя, что говорит неясно, Максим поправился: – В центр Галактики. Притянет, оно и упадет.

– Сейчас тоже тянет.

– Выдерни у птицы хвост, будет летать?

– Не хвост, а перо. Восемь перьев останутся, как-нибудь полетит.

– То-то и оно, как-нибудь. А ты говоришь, ни на волос перемены.

Фай напомнил своей репликой тот давний разговор. По-настоящему ощутить Землю могло бы только все человечество, сомкнув руки. Его бы легкохватило. Отдельный человек слишком крошечное создание. Его руки могут обнять жену или мать, никак не Шар, на котором он стоит в траве или копает его глину, как сейчас в котловане под газовый ввод.

Он представил себе живую бесконечную цепь. Она успела уже много раз опоясать Землю – род человеческий достиг небывалой мощи, продолжая увеличиваться на глазах. Однако не отставал ли его совокупный разум от массы тела, с грустью подумал Максим. Все большое есть источник силы, иначе зачем ему гнаться за размерами. Сила становится сначала неуклюжей, потом грубой и даже бесчувственной. Она не будет обнимать Землю, скорее продавит ее хрупкую оболочку. Другое дело отдельный человек или небольшая группа. Она настолько же умнее всего непомерного рода людей, насколько он тяжелее ее.

Разве народы договариваются друг с другом о самом важном для них – например, о войне и мире? Этим заняты их вожди. Чем мельче группы, тем тоньше и гуще связи, оплетающие их. Неужто пролетарии всех стран соединятся когда-нибудь? Ясно, что нет. Слишком велико их число, хотя, казалось бы, живут и работают рядом и чуть ли не друг на друге. Земледельцы тем более не сойдутся в одну голову. Их разделяет много гор, лесов, полей и рек.

Вожди представляют свои страны, ездят по всему миру, встречаются и беседуют – такова их работа. Им, безусловно, легче найти общее понимание. Но они не сами по себе, за их спиной колышутся ветрами века необозримые посевы людей. Все требуют тепла и света, главное же – пространства, которого все меньше, потому что людей все больше. Как же быть? Вожди поневоле следуют за своими народами. Если не следуют, им дороже. Народ сведен в массу. Ее нижние слои испытывают огромное давление. С ростом глубины тяжелее печать гравитации, не позволяющая придонным элементам до времени всплывать на поверхность. Они должны провариться миллионами градусов. Тогда водород станет гелием, тот перейдет в литий и так далее. Вожди, достигшие поверхности своего народа, отмытой водами его истории, все равно что благородный металл рядом с оловом и железом.

Масса разламывается сверху. Здесь не наложены скрепы давления. Воздух и эфир не скрепы. Трещины не сразу проникают до основания, но захватывают постепенно все более тяжелые слои. Сначала были февраль-март, все ходили с красными бантами на груди. Наступило лето вместе с июньским переворотом. За ним последовал октябрь, проложивший дорогу уже непосредственно к преисподней Земли. Оттуда через разломы и трещины начинают выдавливаться придонные слои с неполным развитием. Земля в своей утробе не успела соткать их в целостное существо с телом, душой и зачатками духа. Законченным было тело. В народной глубине оно завязывается в первую очередь. Его вызывают к жизни условия труда и быта, необычайно суровые вблизи ядра. В нормальной обстановке при постепенном развертывании в человеке всех его свойств, примерно на полпути от нулевого пространства к единице, над телом встает душа. Ближе к поверхности просыпается дух. Он устроен так, что дышит воздухом Земли – легкие не сгорают от избытка кислорода, ловит глазами солнце – они не слепнут от света. В обстановке переворота твердь человечества опускается вниз в раскрытые трещины, изнутри хлещет огнерыжая магма, оставляя после себя лунный пейзаж.

Вожди стоят в особом отношении к народу. Они нужны ему, как таинственный минус своему плюсу. Народ заряжен энергией. Ей следует дать направление, иначе она расплещется в никуда. Движения не будет, действие не состоится. Не случайно в предгрозовые времена простые люди ищут того, кто мог бы их возглавить. Казалось бы, чего проще, если народное собрание охвачено одним чувством, пусть впереди него встанет любой, неважно кто, и за ним пойдут. Но все чего-то ждут, никто не хочет первым поднести спичку. Дело даже не в том, что спичка сгорит, а хватит ли у нее огня.

Вожди успевают пройти, по крайней мере, половину пути от нуля до единицы, поэтому состоят из смеси души и тела. Тело, обработанное душой, уже не давит на землю с силой монумента. Наоборот, его размеры заметно меньше, чем у среднего человека из простонародья. Ему не довелось пахать и сеять, ходить за скотиной, стоять у станка. Все таковые ближе к ядру с его металлической основой. Например, Учитель, окрасивший Октябрь в цвет крови, совсем не отличался ростом. Рост был чуть выше карликового. У других тело, все еще не достигая

нормы, смотрелось почти как настоящее русское тело. Но никого из них не называли учителем. Тот был один, остальные ходили в ранге вождей.

Душа в смеси с телом есть особое состояние. Тело хочет одежды и пищи. В сущности, его легко удовлетворить – ведь больше желудка не съесть. Душа, забытая духом, необъятна в своих желаниях. Прежде всего в стремлении к власти. Власть – от слова «владеть». Все, что видит душа, то и хочет сделать своим. Видит же не так, как тело, видит весь мир, его и стремится заполучить. «Даешь Варшаву!» За ней маячат другие столицы – Будапешт, Вена, Берлин – голова кружится от счастья. Тяжелая голова набита мыслями, как пуля свинцом, пуля летит в сторону всяческой контрреволюции – капиталистов, помещиков, попов, белогвардейцев и прочей нечисти. Голова свинчена с телом, оба пришли из разломов земной коры, образовав новую химеру.

Рядом с Учителем всегда возникал вождь, они шли в паре, но постепенно портреты вождя вытеснили все вокруг. Их было так много, что виделись сквозь закрытые веки. Лишь некоторое время спустя черты расплывались в пятно и пропадали. Так устроено зрение. Оно помнит упавшие на сетчатку следы света и тени, особенно следы контрастные. В праздники изображения заключали в раму из электрических ламп. Вечерами они зажигались, украшая верхние этажи домов. Тогда защитить глаза было непросто.

Фай недоуменно поглядывал на Максима. Тот делал резкие движения головой, стряхивая память, как ртуть в градуснике.

– Ты чего?

– Да так, привиделось и захватило.

– Не понимаю.

– Как бы это сказать, мысли приходят сами собой – ничего не поделаешь. Главное, не допустить появление образа. Если образ и мысль смыкаются, это уже сила.

– Что ж плохого?

– Сила всегда живая. Ты смотришь на нее, она в ответ на тебя.

– Мысль не смотрит?

– Дразнит, мелькнет и пропала. У нее нет массы, только скорость.

– А образ?

– Образы массивны, как звезды, восходят и долго не гаснут. Ты говорил про Землю и Солнце, – напомнил Максим.

– Да, да. Сначала Солнце ходило вокруг Земли, так считали древние, потом Земля перестала быть центром. Не изменится ли снова представление о ее космической роли, так ли мала она, как принято думать?

– Пылинка, мерцающая в столбе света? – сказал Максим с легким уклоном в вопрос и, слегка прищурясь, как будто изучал Фая.

Тот молчал.

– Возьмем автомобиль. У него есть двигатель, такой же неподвижный, как корпус, но вырабатывает энергию, только ее, ничего больше. Очень массивный – оттого передняя часть машины намного тяжелее задней. Зачем и для чего производит, не знает. Его дело нагнетать компрессию в цилиндрах и толкать поршни. Таково Солнце.

– С двигателем понятно, – кивнул Фай. – Что есть корпус?

– Вся система в целом.

– Почему тогда масса сосредоточена в двигателе?

– Потому что энергия все еще материя, хотя и стоит между массой и информацией. Чем выше этаж мироздания, тем больше масса сливается с целым. Сверхмасштаб наполнен веществом, – продолжал размышлять он. – Все соотношения между базовыми элементами сдвинуты в его сторону. Информация ничтожна. Движения почти нет, да и пространства тоже. Спускаясь вниз, Вселенная, наоборот, сочится энергией. Ее норма растет.

– Это ведь открытый космос, вбирающий галактики, – возразил Фай. – Не там ли пространство?

– Нет, внизу, где движение. Между галактиками очень мало пространства, настолько они массивны.

– На Земле тоже, – вспомнил Фай, – производство энергии связано с большим расходом вещества. Это касается и строительных материалов, и топливных элементов. Слушай, Макс, – сказал он вдруг, – а ведь нас постоянно оттесняют в сторону массы.

– Тебя и меня?

– Россию. Хотя и мы тоже вечно копаем и перетаскиваем.

– Как иначе? На шабашке не делают числовых машин, только строят, да и то – дороги, траншеи, фундаменты.

– Россию, – повторил Фай. – Себе выбрали информацию, – он кивнул в сторону светящихся облаков, – нам сбагрили материю. Вот оно, мировое разделение труда! И без конца удивляемся: до того уж богаты ресурсами, что вопреки всему плохо живем. Какими ресурсами мы богаты? – продолжал он. – Таблицей Менделеева? Попробуй ее достать из-под земли, миллиарды тонн породы. Копаем Шар земной, пробиваем его оболочку – нефть, газ, уголь, минералы. Чему обрадовались сдуру!

– Хотя бы это, – сказал Максим, – другого ведь нет ничего. Раньше зерно, лес, пенька, демидовское железо. Теперь вот нефть и газ. Сколько-то продержимся.

– Атом, – напомнил Фай.

– И он тоже. Не все лен и сало.

Фай молчал, обдумывая сказанное. Максим стоял по пояс в отрытой глубине. Самым неудобным было резать дно у стенок. Сухая и плотная глина, зажата со всех сторон, с трудом поддавалась железу. Фай продолжал сидеть на корточках. Их лица оказались рядом. На другом конце участка парни ворочали надгробья рычагами ломов. Изредка доносился звук падения камня на резину. Бригадир, покинув бытовку, уехал по делам. Он ухаживал за хозяином, выказывая расторопность и быстроту, невзирая на тяжесть комплекции. Фай следил за ним глазами, принимая вид человека, поглощенного работой. Даже в минуту отдыха чистил свой кетмень, пребывая в готовности к исполнению команды.

– Говоришь, нефть и газ? – продолжил он. – Я мальчишкой пропадал на уборке хлопка. Занятия в школе начинались в ноябре. Летом работал на огороде – кукуруза, бахча.

– Хлопок с камнями? – поддел его Максим. О чем-то таком он слышал.

– Попробуй отчитаться за миллионы тонн. С каждым годом планы поднимали.

– Мы идем за массой внутрь Земли, берем готовое, вы мотыжете поверхность. Ваш путь мы уже проделали, потому и говорим про себя Евразия. А вы чистая Азия, отличаетесь от нас, как твой кетмень от лопаты.

Фай хорошо знал Азию. Его лицо темнело ею, но хотелось ему не Востока, а Запада. Он иногда проговаривался Максиму о своем желании зацепиться за Москву. Лучше всего было бы жениться на местной, получив прописку на ее площади.

– А как же Курган-Тюбе в родном Таджикистане? – спрашивал Максим.

– Буду тянуть своих в Москву. Что там делать: хлопок и рис. Ты верно сказал, слишком много коротких и слабых движений. Здесь, – он пощелкал пальцами, – длинные и сильные.

Максим улыбнулся – Фай схватывал на лету. Он шевелил кожей головы, морщил лоб, внутри него защелкивались капканом створки ума. Максима удивляло то, что понимание для Фая было физическим процессом. Он понуждал свое тело к мысли, собирая кожу.

Однажды Максим шел мимо стройки, огороженной забором. Доска разошлась, он увидел по ту сторону великолепного боксера с рельефными мышцами. Остановился, залюбовавшись. Пес подскочил к распаху, стараясь протиснуться. Оскаленная морда, похожая на дьявола, сверлила его глазами. Бугры мышц не могли одолеть лаз, и тут с собакой что-то произошло. Трях-

нув головой, поняла, что нужно делать, став похожей на человека, решившего задачу. В двадцати метрах отсюда забор кончился, открывая улицу. Она ринулась в обход, и Максим едва унес ноги.

– Ты рассказывал про автомобиль, – вернул его Фай к себе. – Где в нем Земля?

– Она движитель.

– Колесо? – переспросил Фай.

– Движитель. Ни моторный блок, ни кузов сами не перемещаются, везут колеса.

– Все планеты – колеса? – настаивал Фай.

– По крайней мере, они вращаются.

– Солнце тоже вращается.

– Тоже, – согласился Максим. – Но ради самого себя, поворачиваясь вокруг собственной оси. Но ему принадлежит и поступательное движение. Колесом оно служит ядру галактики. Для него наше Солнце – движитель.

Очередная плита рухнула на резину.

– Покрышка от колеса, – сказал он, вздрогнув. – Бывает же такое. Слова пришли из разных миров и вот сложились.

В глазах у Фая стоял вопрос. Максим собирался с мыслями. Одно дело иметь самому, другое – передать найденное, и не из рук в руки, как вещь твердых очертаний, но из своего ума в чужой. Сколько раз он убеждался в том, что мысль изреченная есть ложь. Может быть, те странные люди из детской книги, которые общались с помощью предметов, не прибегая к словам, просто не желали лгать. Ведь, принимая разводной ключ, не спутаешь его со скрипичным.

– Понимаешь, – начал он. – Материя и движение стоят по разные стороны двоичности. Каждый отвечает за свое. Материя облекает в плоть, рождает энергию. Стронуться с места уже не может – слишком нагружена собой.

В спортзале Максим видел штангиста. Тот поднял снаряд, и вес ему засчитали. Руки были такими толстыми, что Максим затруднился определить, выключены они в локтях или нет. Все заросло мышцами.

– На помощь приходит материальный объект меньшей массы, – продолжал он. – Тот владеет движением и становится колесом. Тяжелая масса едет, но не как седок, развалиясь на мягких подушках. Ей тоже нелегко, она везет массу следующего масштабного уровня.

– И так без конца, – воскликнул Фай, – где пружина от мировых часов?

– О пружине я ничего не знаю, что вижу, то и говорю.

– Что значит везет, ведь не в прямом же смысле?

– Хорошо, пусть не везет. В самом деле, невозможно себе представить маленькую планету, на плечах которой звезда. Однако, как ни крути, звезда только двигатель, светит и греет, подвешенный на цепях Млечного Пути.

Максим поднял голову к западу. Фай машинально сделал то же самое. Он держался за ручку кетменя, тот стоял на подошве, напоминая сапожную лапу. Оба смотрели на Солнце, стараясь разглядеть в нем котел.

– Кто-то должен стать мастером движений в этой паре, – сказал Максим, – раз их труд разделен. Земля намного меньше и легче, делает то, к чему назначена. Пусть не везет, – продолжал он через минутную паузу, – образует в пространстве спираль. Солнце внутри нее, как в коконе. Все внешние воздействия остаются в стороне. Оно может без боязни окунуться в работу.

– В чем она?

– У Солнца свой маршрут. Огромная масса спрямляет его траекторию. Разогретый шар светит своим спутникам, но по отношению к себе слеп, не видит того, что впереди. Земля накидывает вокруг него широкие петли, выхватывая глазами все неровности пути.

– Предупреждает?

– Думаю, да. Выбирает и показывает.
– Что? – не удержался Фай.
– Направление, что же еще.
– Но разве она может влиять на поведение Солнца?
– Конечно, может, иначе зачем была бы нужна. Место занимать? Все места во Вселенной пронумерованы.

«Как кресла в кинотеатре», – добавил он про себя, вспомнив Алика и «Встречу на Эльбе».

– Действия спутников и Солнца взаимоувязаны, – добавил Максим. – Они видят, знают. Оно следует их указаниям.

– Как же следует, если путь его прям, тяжесть тела препятствует маневру?

– Само по себе информационное наклонение спутников уже оправдывает их жизнь в свете Солнца. Но я не исключаю и прямого действия.

– Как? – выдохнул Фай.

– Через отталкивание, другого способа нет. Солнце тянет к себе, планеты – в противоположную сторону. Это руки мироздания, эффекторы, – уточнил Максим.

– Эффекторы?

– Да, всякое тело нуждается в специальном органе, который шевелит среду: руки, ноги, лапы, крылья, щупальца, что там еще.

– Уши, усики, – подхватил Фай.

– Нет, они информаторы. Чем меньше тело, тем мощнее эффекторы. В относительных единицах, – добавил Максим. – Мы удивляемся, почему муравей сильнее слона. Потому и сильнее, что намного-много меньше.

– Что помогает малому быть сильным? – не отставал Фай.

– Я же сказал, оно мастер движений. Действие равно производству вещественных факторов на информацию. Доля вещества падает, роль информации растет, и наоборот.

– Вещество – это масса и энергия, – уточнил Фай. – А поле?

– И оно тоже. Но лучше говорить материя. Каждый фактор обнаруживает себя отчетливо, достигает наибольшей высоты, лишь получив свободу от остальных. Например, та же самая информация растет с убылью массы. Информация обратно пропорциональна массе.

Фай тряхнул головой.

– Солнце лежит у начала координат, из спутников набрана окрестность. Так тебя следует понимать? – не отставал он.

– Именно. Окрестность всегда составлена из объектов меньшей массы.

– Зачем все это нужно? Еще одно представление о мире среди многих других?

– Нам не уйти от того, как устроена и движется материя. Это касается каждого человека. Ядро галактики смотрит на звезды, те – на свои спутники. Земля спускается к нам и ждет.

– Чего ждет?

– Чтобы мы ее поняли. И не только ее, но все вокруг, потому что все наше, а мы принадлежим всему.

Фай молчал, обдумывая сказанное.

– Мы с тобой копаем, – снова заговорил Максим. – Что делает хозяин?

– Торгует.

– Чем?

– Раритетом. Точно не знаю. Баб между делом проговорился.

Бабом они называли бригадира. Фамилия его была Бабич. Он производил ее от какого-то славного предка.

– Он что же, разбирается, хозяин?

– Наверно, раз торгует.

– Вот видишь, у него в руках формы тонкой работы, у тебя кетмень. Почему? А ведь ты не моложе его. Он имеет дело с информацией, причем не сам ее получает, присоединяя новую к старой, но всего только обращает на рынке, крутит колесо отношений. Провернул движением языка – посыпались деньги. Мы приставлены к массе, находимся у начала координат. Он силою своего ума отнесен к окрестности.

– Это ловкость, никакая не сила, – угрюмо поправил Фай.

– Причем отнесен к ее глубине. Баб занимает середину радиуса.

– Какую середину! Есть несколько мелких подрядов. Этот вот закончим, опять начнутся простои. Будем чистить подвалы, носить раствор под стяжку где-нибудь за городом.

– Как влияют спутники, – продолжал Максим. – Ты ведь спрашивал.

– Влияют через расстояния. – Фай холодно улыбнулся.

Холод возникал из-за легкой асимметрии лица. Правая сторона – он был правша – шевельнула угол рта, левая осталась неподвижна. Максим давно обратил внимание: в открытой улыбке не было перекоса лицевых мышц. С возрастом у многих людей рот заметно провисал тем самым углом, который чаще прикасался ко лжи и сомнению.

– Ты меня не понял, – возразил он улыбке. – Битый час толкую об информации, она вложена в расстояние, через него и действует. Здесь работает правило рычага. Скажи мне, чему равен момент силы?

– Ее произведению на плечо.

– Ну вот, плечо – радиус, соединяющий Солнце с той самой ступенью окрестности, которую занимает спутник. Однако не радиус создает момент, а вложенная в него информация.

– Ты что же, отрицаешь пространство?

– Покажи его, – возразил Максим.

– Да вот оно, всюду, мы в нем находимся. – Фай свободной рукой указывал в разные стороны.

– Это все воздух.

– Хорошо, дальше воздуха. Какая-нибудь сфера. Не знаю: тропо-мезо-экзо.

– Чем дальше от поверхности, тем слой становится более разреженным, но ты не найдешь места без всякого слоя вообще. Да, конечно, состав меняется. Вблизи планет один, между ними другой. Еще дальше третий, все тоньше и тоньше. Ни пощупать, ни увидеть, и, может быть, только по запаху догадаешься, какой из них перед тобой.

– Пахнут? – спросил Фай.

– Слои, – повторил Максим, – от центра ядра чем дальше, тем легче: жидкость, газ, корпускулы, поля. Тяжелые и мутные сферы сменяются прозрачными и почти бесплотными, но материя нигде не прекращается. Наоборот, от самой малой рассеянной и неуловимой вдруг начинает сгущаться, пока не станет новым ядром. Где тут пространство?

– Все то, что ты перечислил.

– Нет, это сферы, одна в другой. Топографическая карта расписана горизонталями. Чем выше местность, тем гуще горизонтали. На равнинах они раздвинуты широко. Вот модель так называемого пространства. Сжатие и растяжение, но не пространства, а вещества. При этом сжатие совпадает с накоплением массы. Сборка и сгущение материи направляют ее развитие внутрь. Там происходит главное. С внешней стороны она выглядит малоподвижной и информационно пустой. Разрежение есть, напротив, источник всех различий и любой комбинаторики. Мир представлен совокупностью сфер. Все они не только единственны в своем роде как целое, но и внутри каждой нет одинаковых точек. Любая точка определяется двойной характеристикой: массой и информацией. Первая говорит о материальном субстрате, вторая о его движении. Устройство сфер или слоев таково, что в центре лежит ядро, на периферии собраны элементы качества. Их взаимодействие рождает богатство системы.

– Россия – Солнце? Таджикистан – что?

- Солнца в ней мало, у вас его больше.
- Мы маленькая страна, с юга прижата к Памиру – «крыше мира». На севере узбеки, к нам много воды течет с «крыши», к ним попадает не сразу.
- Завидуют? – спросил Максим.
- Как сказать. – Фай замялся.
- Тебя на хлопок посылали с каких лет?
- Третий-четвертый класс, увозили автобусом в пятницу с ночевками. Вечером в воскресенье были дома. Это дети. Старшеклассники пропадали два полных месяца на уборке.
- Ночевали где?
- Обычно в колхозном клубе, казарме. С девяти утра до шести в поле, с перерывом на обед.
- Я думал, у вас сборщицы девушки.
- Какие девушки, все. Кусты начинают созревать – обольют химией, чтобы листья осыпались. Тогда уже проходит комбайн. После него мы – ручная сборка самая ценная.
- В корзину?
- Зачем? В фартук, обе руки должны работать.
- И сколько?
- Мой рекорд – восемьдесят килограммов. Опытные сборщицы приносят на весы в два раза больше.
- Вот видишь – девушки, а за ними не угнаться. Почему так, они же слабее ребят.
- Я тебе скажу: слабость нужна. Руки тонкие, легкие, не устают.
- Что затягивает работу?
- Весь хлопок не сразу созревает. До конца октября народ привязан к полю.

Максим слушал и думал, как ему получше ответить на вопрос Фая. Тот жил недалеко от Солнца. Оно стояло высоко над головой все лето, нагревая воздух, как печь духовку. В детстве Максим часто заглядывал в духовку. Железо, отделяющее ее от топки, прогорело в середине. В отверстии лежал огонь. Рваные края были обведены малиновым светом. Фай кончил школу, поступил в институт, хлопок с ним не расставался. И Фай все чаще стал поглядывать в сторону России. Она была прохладной и даже морозной с приходом зимы. Все покрывалось снегом. С южных гор в долины стекали громадные ледники. А на севере на крышах домов висели сосульки. Он об этом узнал из книг. Но самое главное, там, куда он стремился, не собирали хлопок, его превращали в ткань, раскрашивали и носили.

– Теперь скажу о ядре. В его центре находятся начальные элементы: водород и гелий. Их очень много. Природа отсылает множество к началу чтобы шаг за шагом привести его к единице. Центр кипит, как в аду возводя грешные элементы в новое достоинство. Не случайно говорят, – продолжал Максим, – о девяти кругах. Над первым сияет корона света, а выше струится эфир. Вечные муки ада – это те миллиарды лет, на которые рассчитаны пламенеющие ядра Вселенной. Науке известны нейтронные звезды. Вот они, скорее всего, и есть пристанище истинной вечности.

– Говори о Солнце, – потребовал Фай.

– Все большое движется медленно и живет долго. Долголетие объясняется массой. Назовем длительность массы отрезком Большого времени. Масса состоит из отдельных частиц. У них свое время, такое же малое, как и они сами. Давно замечено, что мелкие животные не держатся на Земле. Рождаются, дают потомство, и на этом все. Насекомые – те вообще мелькают из жизни в смерть.

– Черепашки преодолевают не одну сотню лет, – вспомнил Фай. – Почему?

– Потому что живут медленно. Все дело в скорости жизни. Скорость зависит от размеров тела, чем оно легче и меньше, тем полнее охвачено огнем движения, быстрее вычерпывает

свое Большое время. Черепахи сами по себе не велики, хотя бывают исключения, но очень заторможены, потому и переползают из одного века в другой.

– Вороны, – опять вставил Фай.

– Тут другой случай. Они тоже много не суетятся. Все больше наблюдают, а это уже действие мысли, не тела. Ворону не сразу напугаешь. Видит, что с ней шутят, не взлетит, зачем напрасно тратиться. Большое время витально, – продолжал Максим, – заключает в свой круг всю жизнь от начала до конца. Малое акционально, его хватает всего только на отдельное действие. Действий тем больше, чем они короче. Коротким каждое из них будет только с уменьшением массы. Меньше масса – крупнее выброс энергии. Не потому, что ее вообще больше. Просто становится доступнее, ближе к краю чаши. В больших и темных массах залегает глубоко, достать ее трудно.

– Как это связано с Солнцем? – не выдержал Фай.

– Связано простым отношением: чем крупнее масса, тем мельче частицы ее состава, приводимые в движение. Большое существует. У него есть функция. Природа возводит до небес громады вещества не просто так, но действует по плану, соединяя малое в большом. Пропорция между ними растет – очень большое может жить и развиваться, лишь опираясь на предельно малое. Так на единицу массы бактерия выделяет больше энергии за одно и то же время, чем Солнце, но работает на молекулярном уровне, энергетически бедном. Молекулы образованы сопряжением электронов, частиц с ничтожной массой. Звезды питаются энергией ядер и только так могут выполнить свою задачу.

– Бактерия ест энергию, уже поданную на стол, родилась в мире химии, пришла на все готовое.

– Так и звезда на готовое. Ни одна из них не умеет выпекать в своей духовке водород, для этого нужны уже не миллионы, а миллиарды градусов и совсем другая масса даже по сравнению со звездой.

– Ядро галактики? – усомнился Фай.

– Не знают! Надо подняться на самую крайнюю точку Млечного Пути или даже еще выше, чтобы получить исходный материал для сооружения звезд.

– Что может быть выше?

– Метагалактика. Говорят еще, водород стал результатом чуть ли не Большого взрыва, но я в это не верю. Водород должен вывариваться в котле, который находится на этаж выше видимой Вселенной. В этом как раз и присутствует логика эволюции. Конкретно о жизни внутри котла пока никто не знает.

– Всего-навсего протон, – хмыкнул Фай, – и так высоко подвешиваешь его начало?

– Великое дело получить протон, – не согласился Максим. – Основание нашей Вселенной, первый шаг к химии. Дальше уже звезды с целым веером элементов, составленных из тех же протонов. Не сказать, чтобы очень просто, другой класс работы.

Фай смотрел на него, как будто видел впервые.

– Ты как об этом узнал?

– Тут ничего нового. Большие ядра – вот они перед глазами. Прошлое висит над нами в виде светящихся шаров. По холодному шару мы ходим. Все они требуют от нас сиюминутного и длящегося действия, в котором течет их настоящее. Живи мы на Солнце, утонули бы во времени, как муха в киселе. Чтобы почувствовать его, пришлось бы спуститься на Землю. Попад на поверхность электрона, не знали бы, что такое масса и связанная с ней прочность бытия. Наш с тобой мир слишком мелок, не может целиком укрыть в себе человеческую душу, но и не лишен хотя бы малого и относительного покоя.

– Ядра перед глазами, это верно. Откуда ты взял окрестность?

– Из двойности.

– А ее?

– Совсем просто. Куда ни глянешь, всюду она. Неужели не замечал? Горячее – холодное, близкое – далекое. – Он споткнулся, подбирая примеры. – Да вот самое обыкновенное: мужчины и женщины.

– Окрестность далеко?

– Окутывает ядро.

– Зачем?

– Без нее нет целого.

– Холодная или горячая, – продолжал Фай по инерции. – Нет, не так, – поправил он сам себя, – мужчина или женщина? – Глаза его маслено блеснули.

– Ты-то сам как считаешь?

– Женщина. Похожа на окрестность – маленькая, легкая, прячется.

– Где же она прячется?

– Вдали.

– Как серна робкая, она умчалась вдаль, – вспомнил Максим.

– Хорошо сказал – серна! – Фай даже слегка причмокнул губами.

– Разве восточные женщины холодны?

– Зачем? – обиделся Фай. – Стыдливость не принимай за холод.

Он был прав. Недавно у него побывала сестра. Фай спал на стульях, стелил себе пальто. А утром все убирал. Нурия, так ее звали, недолго думая, купила ему матрас, хотя он отнекивался. Она приехала в столицу по приглашению брата, но женским своим чутьем догадалась, как тут непросто.

Максим смотрел на стулья, не придавая им значения. Он жил в витальном времени. Малое каждодневное проходило мимо, не оставляя ничего, словно так и надо. Теперь, бывая в гостях у Фая, он видел два ряда стульев, обращенных друг к другу, и широкий полосатый матрас на них. Ему было приятно осознать встречу обоих времен: витального с акциональным, – здесь в этом месте. Но сам он внезапно обнаружил непонятную грусть в окрестности собственного сердца.

– Если есть два, почему не быть трем? – размышлял Фай вслух.

– Сказать откровенно, я начинал с единицы. Все из одного источника.

– Да, – подхватил Фай, – чем ближе к нему, тем тверже мир.

– Почему тверже?

– Плотнее.

– Нет, – отмел Максим. – Ты говоришь о ядрах. Они только сгущают. Я имею в виду настоящий источник всего. Мы покидаем его, спускаясь все ниже и ниже, но это не конец. Предстоит возвращение: самое далекое в нас сольется с близким, холодное с горячим, тяжелое с легким.

– Аллах, – сказал Фай, – все из него и к нему.

– Потом я стал думать, как это происходит, и пришел к двум.

– Не ты один.

– Если два, то оба разные.

– Верно. Единство и борьба противоположностей – прожужжали все уши.

– Прожужжали, не сказав главного, – кивнул головой Максим. – В чем она – эта противоположность. Пришлось брать за основу первичную комплементарную пару: кто или что в ней, во-первых, и как отдельное становится собой, во-вторых.

– Но из двух возникает три, – опять закинул Фай. – Ты не можешь остановиться.

– В горизонтальном плане третий – это посредник. Например, энергия. Она стоит между массой и информацией.

– Бог, – возразил Фай, – Он поверх всего.

– Верх, даже самый последний, означает вертикаль. Вертикаль входит в механизм Вселенной. Бог не механизм. Впрочем, некоторое превосходство и подчинение можно обнаружить и среди двух. Каждая противоположность считает себя главной. Кому принадлежит первенство у вас?

– Инженер, мираб, председатель – уважаемые люди.

– Это лестница власти. У нее множество ступеней, особенно на Востоке, тебе не надо рассказывать. Я говорю только о двух – разных и равных, о мужчине и женщине.

– Мужчина старше, – сказал Фай без тени сомнения.

– Вас же всего двое, чего тут делить?

Фай тонко улыбнулся:

– Жена приходит в дом к мужу, он платит калым. У богатых до сих пор несколько жен. Дом большой, всем хватит места.

– Ты почему не женат?

– Я?

– Да, ты.

По лицу Фая пробежала волна.

– Я же здесь, в России, спустился в ядро, твое слово – не мое. А прошлое осталось там. У нас на свадьбе жених накрывает стол длиной в сотню метров, родственники, соседи, друзья. Как можно обидеть!

Максим молчал, пытаясь представить себе такое застолье.

– Ты не спустился в Россию, а поднялся к ней.

– Так ведь она ядро.

– Периодическую систему знаешь? Каждый период изображает поэлементную развертку пары. Ядро – металл, окрестность – все остальное, кроме инертного газа. Россия стоит в начале строки, она металл. Ты в самом конце – там, где металлоиды, но номер твоего периода ближе к началу таблицы.

– Считаешь себя умнее?

– При чем здесь ты и я, речь о наших странах.

– Ладно, – мотнул головой Фай, – четыре, пять. Не твои числа? – продолжая, он загибал пальцы.

– Нет, чем дальше от единицы, тем меньше силы. Это как круги на воде. Впрочем, четверка попадаете часто. Например, электричество и магнетизм, у каждого по два полюса.

– А пятерка? – Фай свел пальцы в замок.

– Пятерка неинтересна совсем.

– Звезда, – поправил Фай.

– Лучи – всего лишь способ описания самосветящегося ядра, что тут интересного?

– Я говорю о пятиконечной звезде.

– Ах, пятиконечной! – Максим совсем о ней забыл.

А ведь она никуда не девалась, метила здания и башни, груди и лбы. Число ее превосходило ночную небесную сверкающую пыль. Он еще не ходил в школу – ему показали, как ее следует рисовать на песке палкой и мелом на красной кирпичной стене. О значении никто не думал, он и сам не спрашивал – просто знак. Потом перестал замечать. Она сделалась невидимкой. Привык, и глаз уже не выделял. Звезда не совпадала с всегдашним повторяющимся действием. Люди научились шагать намного шире ее лучей. Она могла бы держаться, собирая по-прежнему дань со своего символа, таким же большим в прошлом, как время звезды. Но время уже истекло, а кроме того, его смысл был утерян уже в начале. Странно, одно и то же слово и два совершенно разных значения. Что имели в виду первые люди звезды? Растянуть свое время на миллиарды лет? Но тогда требовалось запустить конвейер переделки наипро-

стых частиц, не поддающихся счету, в немногие сложные, создав небывалые в прошлом температуры и давления.

Первые люди были сметены вторыми, вторые – третьими. Дело было зимой. Максим вместе с такими же, как он, прокладывал кабель. Грелись у костра. Бросовые длинные доски протягивали поперек огня. Прогорев в середине, они удваивали сами себя, вздымая пламя.

– Сегодня у Лёни день рождения, – сказал шабарь, сидевший справа от Максима, – небось, еще одна звезда.

– Сегодня какое? – спросил тот, что слева.

– Девятнадцатое.

– Постой, сегодня же Николай-угодник.

– Ну!

– Гну! Не Лёнька он, а Колька. Родился при царе. Неужели не крестили?

– Бормотун, – сказал третий.

Максим очнулся. Иногда он видел свое прошлое с высоты полета. Словно оно принадлежало не ему одному, отдельному от всех. У всех было общее прошлое. В него входил не только железный век, но и много других, вплоть до каменного и даже еще дальше. Там у своих костров сидели косматые люди, покрытые шкурами. Огонь отгораживал их от остального мира. Здесь, перебравшись в железное время, они сидели в стеганых куртках и ватных штанах, заправленных в резину. Сапоги собирали пот, ноги мозжили. Штаны давили на колени, когда приходилось работать на полусогнутых. Он не обращал на это внимания, пока не услышал от других того же. Будут ли они все так же сидеть, покинув железо, думая больше о водке, чем хлебе.

Большое время становится все крупнее, разбивая Малое в мутные брызги. Плантационный раб в Луизиане имел хижину, в ней жену и детей. Зэк получал пайку, его барак был огорожен проволокой. Если мужчина и женщина разлучены, дети не приходят на Землю. Но и согласившись прийти, пожалев человечество, что оно без них, все равно не смогли бы. Перволюди звезды, построив бараки и вышки, не были совсем бездушны. Но понимали, что время запертого и пронумерованного человека течет совсем по-иному, чем открытого. Муж принадлежит жене, отец – детям. Оба создают гирлянды многоцветных действий. Создают, взбираясь по ним, как по ступеням витального времени. У мужа и отца оно есть. Они это чувствуют. Большое время отдается звоном в каждом поступке, у него звучит бронза, у нее – серебро. Что оставалось делать перволюдям, замыслившим ядро? Разделить мужчин и женщин по разным трудовым отсекам. Их акциональное время превратится в брызги, что как раз и нужно звезде. Пока люди еще худо-бедно водились – дозвездный мрак, наполненный пылевыми галактическими облаками, оставил их после себя в дивном изобилии, хотя многих уже перебили в войнах, выморили голодом, так вот, пока они еще водились, дети были не нужны. Однако ядерный котел внутри звезды требовал все больше пищи. Он буквально пожирал русское человечество. Тогда рядом с котлом стали устраивать комнаты свиданий. К зэку приезжала жена или подруга, знакомая, словом, существо другого пола. Он и она уединялись для продолжения самих себя. Так приходили дети, правда, не самые лучшие. Лучшие присматривались к своим будущим родителям, побуждая их к долговому уходу, возгревая любовь не только телес, но и душ. Ведь детям нужно и то и другое. Понятно, что тело происходит от тел, но и душа от душ.

В чистом виде работа котла заключалась в давлении. Оно сжимало вещество до такой степени, что ядра атомов полностью обнажились. Лишенные электронной оболочки, то есть своей окрестности, они сближались. В ходе синтеза выделялась огромная энергия. За ней как раз и охотились перволюди.

Для чего нужна окрестность? Во-первых, это барьер, охраняющий неприкосновенность ядра. Во-вторых, с ее помощью оно вступает в союз с другими ядрами, создавая молекулу – в сравнении с ними некое высшее существо микромира. Нет барьера – ядро похоже на дом без дверей.

Но вот синтез позади, возникло новое более тяжелое ядро, например, гелия и лития, далее по порядку. Что с ним делать? Ведь ему захочется стать полноценным элементом, окружив себя электронами, другими словами, добыть окрестность. Но тогда оно перестанет извергать энергию. Это будет дом, окруженный усадьбой, а в нем свободные существа.

Полной ясности у Максима не было о работе котла. В обыкновенной печи продукты горения вылетают дымом в трубу, проваливаются в виде золы через колосники на дно. Воздух поступает из поддувала, дрова подкладываются время от времени. Идет непрерывный обмен. Как поддерживается обмен в звездном котле? Водород становится гелием. Тот должен периодически покидать камеру сгорания, чтобы новые порции вещества всасывались в топку. Скорее всего, дымом был свет, непрерывно испускаемый Солнцем. В межпланетном пространстве он постепенно смягчается и уже на Землю падает золотым потоком. Не странно ли, что наши растения питаются солнечным дымом. Что представляют собой зольные элементы? Не те ли самые кости, в множестве разбросанные по вечной мерзлоте.

За стенками котла находится следующий отсек, зона. Не туда ли вытесняется гелий или все-таки оседает на стенках? Конвективную зону можно уподобить «химии». Секторы труда устроены по-разному. Есть у самого дна, но есть и выше, на приличном удалении от него. Здесь отрезки пространства длиннее, движения не гаснут, едва начавшись. Их время, соединяясь, нащупывает цель. У мгновенного действия нет настоящей цели. Оно не успевает ничего осознать, как раз для этого его и торопят всячески, лишая сознания. Народные стройки тем и хороши – собирают Большое время, разбивая вдребезги Малое. Некоторое удаление от нестерпимого огня и есть «химия».

Еще Максим не мог понять, почему в атмосфере Солнца такое разнообразие элементов. Кроме водорода и гелия, чего тут только не находят, вплоть до железа, кобальта, никеля, меди и цинка. Их немного, у тяжелых металлов всего-навсего ничтожные доли процента. Но в спектре они присутствуют. Неужели синтезировал котел? Тогда как ему это удалось? Солнце до отказа набито водородом и гелием. По расчетам, их до сих пор все еще очень много, и это спустя несколько миллиардов лет звездной жизни. Ведь там, где варится железо, пусть даже в крайне малых дозах, более легкие элементы должны давно прогореть. Остается предположить, что они не входят в продукцию котла, но являются реликтом первичного газопылевого облака. Администрация ядра не формируется из местного материала, но назначается сверху. Ее эволюция закончилась намного раньше и протекала в иных средах. Администрация направляет процесс, сжимает его тугими кольцами. Звезда должна гореть ровно, постепенно расходуя топливо. Тогда жизнь ее продлится.

Ряд вопросов возникал по поводу состава этого таинственного облака. О нем можно было судить по распределению вещества внутри Солнечной системы. Львиная доля всего объема приходилась на водород, затем процентное соотношение по видам вещества резко падало. Вероятно, материя облака поступала из разных этажей мироздания. Только так можно было объяснить безусловное преобладание исходных элементов – основы будущего синтеза, но при этом и определенное смешение низшего с высшим.

Откуда берется водород с гелием, спрашивал себя Максим. С такой задачей мог справиться единственный объект в галактике – ее ядро. Оно стоит во главе звездного вихря. Ему доверена самая трудная часть работы – сборка водорода из неких проточастиц. Химия означает смешение. Так вот здесь происходит предельно глубокое смешение, требующее неизвестной нам физики. Наука считает, что протоны образовались в ходе Большого взрыва. Пусть так. Но чем занят центр галактики? Каждому ядру отведен особый этаж мироздания. Ему и порождаемой им окрестности. Возникает пара, оба составляют целое. Ядро создает новые базовые элементы, окрестность складывает из них формы. Если Большой взрыв снабдил строительным материалом нынешнюю Вселенную, то какую службу несет загадочный объект в центре Млечного Пути? А ведь есть и метагалактика, заброшенная на невысказанную высоту. Она тоже не

сидит сложа руки. Тяжелые элементы лишь в очень малой степени разбавляют протооблако. Их поставляют звезды, закончившие свой путь. Больше некому ведь звезды для того и нужны, чтобы подхватывать факел развития, передаваемый им сверху. По отношению к ядру галактики – они окрестность и штампуют номенклатуру элементов. По-видимому, расход вещества на единицу конечного продукта падает, процесс становится все более экономным, происходит удорожание материи. На передний план выступает информация.

Максим извлек из своих наблюдений еще один вывод. Тот очень напрашивался. Сравнивая внутренние пропорции каждого этажа, он понял, что те становятся все более вытянутыми. Ядро и окрестность заметно расчлняются пространственно с переходом от верха к низу. В рамках Млечного Пути окрестность, во-первых, очень густа, во-вторых, теснится к ядру. Уровень Солнца являет другую картину. Его спутники комфортно устроились в пространстве, каждый на своем плече, их длина экспоненциально растет. Распределение масс, с одной стороны, и количества движения, с другой, между ядром и окрестностью меняется от этажа к этажу. Надо полагать, что внутри атома разграничение функций окрестности и ядра выражено особенно четко. Одно отвечает за материальное наполнение системы, другое – за информационное. Итак, сверхмассы, скорее всего, стягивают субчастицы, звезды, массы которых на много-много порядков меньше, заняты постройкой атомов. Их газовые спутники осваивают химию, плотные шары ваяют макроформы. Центр галактики постоянно поддерживает творение звезд, орошая свою окрестность ливнями вещества. Концы их изгибаются. Еще в древности их коловорот отложился в головах наблюдателей в виде знака. Окрестность звезд возникает единожды. Второго или третьего рождения ей не дано. Вероятно, определенный переток материи от ядра к ней имеет место в подобии жизни на уровне галактики, например, в виде света или солнечного ветра. Но на балансе вещества он вряд ли сказывается. Звезды – дочери центрального сгустка. По сравнению с ним информационно окрашены. Их связь с собственными спутниками более определенно строится на разделении функций – масса по одну сторону, движение по другую.

Где и как продукция галактического котла или того, что выше, вступает в смесь с частицами сгоревших звезд? Звезды, как рыбы, вынашивают драгоценную икру. Сами погибают, но икра остается. Внутри облака она берет на себя роль одного из элементов пары. Это отрицательный полюс – масса его невелика и составлена из вещества вторичного передела. Скорее всего, взаимодействие полюсов и приводит к сдвигам внутри облака, оно начинает сжиматься. В центре возникает звезда, на периферии – планеты. Солнце сложено из того, что поставляет котел. Внутренние планеты впитали главным образом вещество отработанных звезд. Кое-что из него досталось гигантам – Юпитеру, Сатурну, Нептуну. Причем опять-таки в прежней последовательности – гигантам относительно меньше, их спутникам – больше. Налицо определенная периодичность в строении космической вертикали.

Когда Максим был ребенком, Землю покрывали песок и глина, часто попадались куски кирпича, глыбы бетона с торчащей из них арматурой, битое стекло, гнутые ржавые рельсы и балки. В траве лежали брошенные консервные банки, дохлые кошки и коровий помет, облепленный зелеными мухами. Летом он ходил босиком и больше всего боялся стекла. Разбомбленные высокие дома были загажены. Сюда заходили взрослые. Дети любили улицу, доверяя ей себя. Но его притягивали руины тоже. Он осторожно поднимался по лестницам, выбирая тропу, чтобы не запачкать ноги. Из пустых проемов и окон открывался город. Взгляд скользил вдоль неба, и небо поднимало его над грязью. Он понимал, что все самое ценное стремится вверх, а тяжелое и некрасивое вниз. Оказалось, все не так. Земля, которая плодила скользкие лужи после дождя, высовывала наружу проволочные петли, обдирающие пальцы, состояла из чистого золота, отчеканенного в звездных телах. Оно и легло благодаря своей тяжести на дно планетной системы.

Максим стоял в котловане. Перед ним вибрировала туго натянутая вертикаль. Она пронизывала железобетонные Шары убывающей массы. Фай сидел на корточках между Максимом и короной света.

– Пятиконечная звезда, – повторил Максим, – ты задал мне вопрос, но и я спрошу тебя. Что общего между звездой и твоим кетменем?

Фай смотрел, не понимая. Кетмень торчал в его руке сапожной лапой.

– Ничего нет.

– Тогда послушай давнюю историю о том, как поспорили между собой мотыга и плуг. Кетмень и есть мотыга, так ведь?

– Да, заступ.

– Теперь скажи, откуда плуг, кто его родил?

Фай наморщил лоб:

– По-твоему, он сын мотыги?

– Конечно, сын. Рабочее железо расположено под углом к рукояти, как и у нее. Если запрячь буйвола или вола, будет вести борозду через все поле. Сын должен любить свою мать, носить ее на руках, но прошло время, он возвысился и забыл о старухе. Пути их разошлись. Народ, видя умение и навыки плуга, полюбил его всем сердцем. Старая мотыга отступила в тень его славы. Она по-прежнему исполняла всю самую трудную работу, но теплые слова доставались другому. И вот однажды, не выдержав, мотыга бросила вызов гордецу, призвав его к трону Энлиля.

– Откуда это? – спросил Фай.

– Вавилон, клинопись, боги Месопотамии. Но как все современно!

Максим снова перешел на речитатив:

– Брезгливо взглянув на мотыгу, плуг речь свою начинает: «Взгляни на меня, деревяшка, взгляни, как я безупречен!» – деревяшкой называет ее, стараясь больней уколоть, – сказал Максим, бросив взгляд на кетмень.

Фай пересел на край ямы, подложив под себя рабочие перчатки, видно, ноги его затекли. Ручка от долгого употребления была отполирована кожей ладоней и слегка искривлена, чтобы смягчать удары.

– Что плохого в дереве? – продолжал Максим. – Топор, молоток, стамеска, отвертка – весь ручной инструмент такой же точно. Рабочая часть – металл. Кстати, постоянно меняется: камень, бронза, железо, сталь, наконец, а держак по-прежнему деревянный. «Сам царь под пение лютни мою рукоять сжимает, и день этот праздником людным в календаре отмечает». Вот оно что! Похоже на то, как первые трактора, восемь-двенадцать лошадиных сил, выезжали в поле. Деревенская детвора бежала следом, разинув рот. Молодой парень сидел на железном насесте, переключая рычаги – сам царь. «И нет мне равного в мире. Я целину поднимаю. Я землемер Энлиля. Благоговение и трепет в людях я порожаю». Почему же трепет? Да ведь произошло чудо. Орудие получило животную тягу стало машиной. Его рабочий орган полностью изменился – сошник, лемех, отвальная доска. Кетмень обрабатывает точечное пространство, окучивая отдельное растение на грядке. Движение плуга непрерывно, заканчиваясь на границе поля. Пахарь поворачивает упряжку, в этот момент возникает информационный импульс, больше его нигде нет. Весь проход, составляющий борозду, есть силовое действие. «...Им поднимается целина...» Но что такое распашка целины или нови? Покорение пространства в хозяйственных целях. Плуг во времена Энлиля был тем же самым, что для нас трактор. В предвоенные годы с помощью трактора провели коллективизацию, а через двадцать лет подняли ковыльные земли Сибири и Казахстана. «Я гряда зерна золотого, всему народу я пища». «...Зерна золотого...» – проговорил Максим нараспев. – «Пошевели мозгами, мотыга, кто кормит нищих колосьями, я или ты? И незачем мне, сестрица, в грязи с тобой копошиться, у моего ведь дома может всегда поживиться бедняк остатком соломы!» И заключает, – Максим

поднял ладонь, призывая к вниманию, – «Мне быть в этом мире князем, тебе ж в непролазной грязи весь век, как рабыне, лазать». И он прав. Перемена в орудии меняет все. Работник приобретает княжеское достоинство, участок земли, при обработке вручную едва способный прокормить семью, становится полем. Продукт труда уже не корнеплод – ямс, таро, маниок и другие бедные протеином культуры тропического земледелия, но полновесное зерно, стеновой хребет древнего мира с его первородными государствами. Мы говорим Египет, Вавилон, Ассирия, Китай и Древняя Индия, но держать в уме надобно плуг, ибо он им отец.

Фай напряженно смотрел. Он видел свое прошлое: хлопковое поле и рисовые чеки. Он не думал над сказанным – думающий поворачивает глаза внутрь, спеша ухватить мысль. Но прошлое – не мысль, а чувства. Оно массивно, поэтому останавливает взгляд. Максим понял это по неподвижным стеклянным глазам Фая. Повисло долгое молчание. Наконец Фай пробудился и сказал:

– Где же спор. До сих пор я слышал один голос. Есть ли второй?

– «Что ж, будь по-твоему», – отвечала плугу мотыга, – снова начал Максим. – «Пойми, нет в грязи позора, как и в работе малой. Ведь ею возносится город». Интересно как? – прервал себя Максим. – Фундаментом. Под него надо рыть площадку. Кроме того, частные дома на юге до сих пор строят из глины. Копают, месят, режут на блоки и сушат на солнце. Дувалы все глинобитные. Улица – две сплошные глинобитные стены. Обожженный кирпич ведь тоже из глины. И берет ее своей лапой кетмень. «Его, то есть город», – продолжал Максим, – «украшают каналы. Они не тобой ведь прорыты. Тружусь я себе в убыток, не числюсь среди чистоплюев. Черноголовых кормлю я на протяжении года. Твоя краткосрочна работа».

Фай не носил зимой шапки. От ветра он закрывался воротником. Вся голова его была черной, вместе с двухдневной щетиной, подпиравшей глаза. Он брил ее, но не до конца. Бритва не достигала до остатка черных волос, как бы продолжавших ресницы. Фай говорил про себя, будто он перс и знает фарси, и многие таджики из персов. У него на подоконнике лежала толстая книга о правлении Ахеменидов. Однажды он удивил Максима:

– Я понял беду твоего народа.

– Что же ты понял?

– Помнишь историю Синдбада?

– Какое из приключений?

– Встреча со стариком, который прыгнул на него сзади и давил ногами на горло, требуя послушания. Синдбад добыл свободу, опоив вином своего душителя.

– Ну, так что?

– Твой народ сам припал к вину вместо демона.

Фай мыслил образами, это было красиво. Максим представлял себе старика с огненными глазами. Из короткого горбатого туловища росли сильные руки и ноги. Правда, ручей, из которого пили все, был наполнен водкой.

Однажды в воскресный день они с Фаем спустились в овраг. На краю стоял пивной ларек. Очередь была не то чтобы длинной, но толстой, как коса, сплетенная из женских волос. Подходили со стороны, им отпускали. Двое негров стали прорываться к окошку, и тут толпа заворчала. Они сидели на склоне, у каждого по две кружки, четвертинка черного хлеба с колбасой, припасенные заранее. На дне оврага стоял шалаш, собранный из мелких веток. Изнутри выдвинулся человек. Проморгавшись на белый свет, он стал перебирать пальцами лицо и одежду, стряхивая мусор.

– Ухаживает за собой, – сказал Фай.

Максим захлебнулся пивом от смеха.

Много лет спустя он оказался вблизи мечети. Старик в тюбетее просил милостыню. Подавали молодые узбеки. Он громким и чистым голосом говорил, обращаясь к небу. Это была

молитва, и как же долго она длилась. Незнакомый язык звучал как музыка среди говора хмурой толпы и шарканья подошв.

– О чем он? – спросил Максим.

– Благодарит создателя.

– Как много разных слов!

– Аллах шепчет ему на ухо, он повторяет.

– Это нужно Аллаху?

– Нет, ему самому, да и нам, слушающим слова молитвы.

Почему же старухи наши у входа в храм так безгласны и принижены, промелькнуло у Максима в голове.

– «Великой славы не жажду. Рою рвы и колодцы», – продолжал он под ждущим взглядом Фая. – «Но место в хижине каждой для малой мотыги найдется. И когда у костра соберутся после работы люди, им о мотыге куцей полезно услышать будет. Ведь ею руки Энлиля твердь от воды отделили». Что скажешь? – спросил Максим. – Кому бы ты отдал предпочтение?

Фай выжидал:

– У каждого своя правда. Один кормит, показывая на груды зерна, другой строит. Мне ближе кетмень.

– Разве пища не начало всему. Какова она, таким будет и все остальное. Ямс и маниок едят в африканской деревне, зерно – уже в субтропиках и только в городе. Крестьянин его выращивает, а сам питается тем, что попроще и подешевле. Он все еще стоит одной ногой у начала человечества.

– Кетмень тоже кормит.

– Чем?

– Огородом. Молодая картошка. Горох, помидоры, зелень, отец сажал кукурузу, подсолнух. Есть черешня, слива, орех, гранат. Вода течет с предгорий, земля драгоценна. И скажу еще, кетмень был всегда. Не плуг создатель Вавилона.

– Назови кто?

– Хозяин воды, вот кто. Первые цивилизации были речными – Нил, Месопотамия, Амударья, Инд, Ганг, Брахмапутра, Меконг, Желтая и Голубая в Китае. Дамбы и плотины, рвы и каналы, по-нашему арыки, в сухих местах колодцы. Поливное земледелие возникло благодаря ручному труду, плуг пришел на готовое.

Тут Фай попал в точку. О речных цивилизациях Максим знал, вода была для них всем. Египет изобрел шадуф – рычаг, поднимающий воду. Ему повезло со своим Нилом, тот сам орошал и удобрял землю. По всему остальному теплему поясу воду добывала мотыга.

Все яснее выделась последовательность. В зоне тропиков главной фигурой был сажальный кол. Он только рыхлил почву, к воде не имел никакого отношения. Она считалась даром небес, который нисходит на зреющий плод в строгом соответствии со сменой сезонов. Человек использовал климатическую машину, не прибегая к принудительному водораспределению. Масштабное регулирование стоков с развитой системой каналов и дамб, препятствующих наводнениям, сложилось на субконтинентах Азии: в Китае, Индокитае, Индии и дальше, – в местах, где имелись крупные водные артерии. На первых порах возникали местные примитивные системы. Воду отводили из малых притоков и озер. Лишь постепенно все они срастались в общую сеть, захватывая страну в целом.

Размышляя дальше, он понял, что вода выступает в разных лицах – иногда как питающая субстанция, иногда в виде источника энергии. В земледелии она питает растения и животных. Предантичные общества достигли больших успехов в водопользовании, что объяснялось размахом самой хозяйственной работы. В ней участвовали десятки миллионов человек. В результате к питающей функции прибавилась движущая. Вода – жидкость, ее агрегатный индекс говорит о промежуточном состоянии. Она имеет массу, но довольно легкую, стоящую недалеко

от энергии и потому очень возбудимую и капризную. Текучесть воды позволяет использовать ее в транспортных целях. Речные цивилизации строили не только оросительные каналы, но и водные магистрали, по которым передвигались караваны лодок и судов с самыми разными грузами. Они не доросли до идеи воды в качестве двигателя или источника силы. Это было делом далекого будущего и стало практикой лишь в средневековой Европе с распространением водяных мельниц.

Максим внутренне содрогнулся, представив себе миллионы кубометров песка, глины, скальных пород, перемещенных скромной мотыгой. Он вспомнил давнюю то ли быль, то ли притчу о человеке, который столкнулся с горой. Человек хотел пошире развернуть перед собой горизонт неба. По слухам, там находилась земля, пригодная для обработки. Гора не сдвинулась с места. «Ты слишком слаб, чтобы тягаться со мной», – гремела она с высоты. – «Зато я буду повторяться в своих детях и внуках, а ты нет. Мы снесем тебя от макушки до основания». – «Хватит ли у вас на меня времени?» – «Время не имеет значения, ведь нам расти, а тебе уменьшаться».

Неужели человек со своей мотыгой, недоумевал Максим, сильнее циклопа? Горная цепь есть часть литосферы, в ней заключена планетарная мощь. Можно ли сравнить одно с другим. Но если подумать: камень выплавлен из мантии. Он ее и ест. Растение сосет камень – все эти мхи и лишайники так крепко цепляются за него безо всякой почвы – не оторвешь. Олень кормит ягель. Человек стоит на самом верху. Он во столько же раз быстрее горы, во сколько она массивнее. Муравьиные действия мотыги берут на измор Большое время камня. Главное – добраться до земли, которую можно засеять.

Люди кетменя живут в мировой деревне на солнечной стороне Шара. Деревня занимает громадные континентальные выступы. Континенты просторны, деревне как раз это и нужно. Предмет ее труда очень тонок. Лучшие черноземы не идут в глубину больше метра. Чтобы получить урожай, следует как можно шире раскатать зеленый ковер полей и лугов. Поэтому мировая деревня и выросла в континенты. Она испытывает потребность в воде, но не морской. В морской воде есть нечто от жидкого минерала. Растению минерал не нужен, оно добывает необходимые соли из почвы. Мировой город тянется к морям и океанам. Над деревней жаркое солнце – небесное ядро. Когда оно покрывается пятнами, деревню знобит. Небесным теплом она собирает вещество земли в сгустки семян и плодов. В глубине корней и листьев создается россыпь тончайших и бесчисленных действий.

Почему деревня плоская? Такова биота. Ничего с этим не поделаешь. Она не вполне подчиняется гравитации, как это делают космические ядра, но собирает первозданную массу почвы, воды, воздуха и света в жизнедеятельный продукт. Стоит посмотреть на горы зерна и овощей в конце лета.

А мировой город? Лежит вдали от континентов. Легкую и светлую воду, ее называют пресной, использует в качестве питьевой. Много ее идет на нужды производства. Однако по-настоящему жгучий интерес город испытывает к морской воде. Она несет его корабли во все концы Земли через пропасть расстояний. Куда же несет? К континентам, на которых расположена мировая деревня. Первые города строились по берегам рек и озер. Деревня находилась рядом. Продуктовый оборот был местным. Вторые и третьи города старались опереться на полноводные реки, имеющие выход к морю, а еще лучше, если перед ними расстилалась ширь самого океана. Вот так и шла жизнь: мировой город, будучи точкой на карте, правда все более жирной и ставшей почти пятном, постоянно искал встречи с континентальными массами Азии, Африки и Южной Америки. Максим чуть не забыл упомянуть Россию. Она ведь тоже континент, да еще какой!

Его мысль сама собой настроилась на другой масштаб. Не так ли точно действует космос. Спутники Солнца по мере их взросления удаляются от него, расширяя окрестность. Земля во младенчестве была перемешана внутри себя, никакой из слоев не успел как следует выде-

литься. Их разделение на ядро, мантию, каменную оболочку означало отталкивание легкого от тяжелого, вплоть до поверхности, а затем накрыло Шар водой, окутав сверху газом. Солнечная система есть, в сущности, то же самое. Если она еще не закончила своего развития, то ее окрестность продолжает расти, расстояния между спутниками, как и удаленность от самого Солнца, становятся все шире. Хорошо бы их замерить.

Он опять подумал о человеке, который готов был обрушить гору ради доброй земли. Больше всего деревня любит такую землю, называя ее кормилицей. Будь континенты вдвое и втрое, вдесятеро больше, деревня заполнила бы их без остатка. Правда, при условии воды и света. Ничто не может удержать ее от распространения, никакая сила. В этом она похожа на траву, которая растет повсюду. Недаром нашу планету называют зеленой. Хотя она голубая по цвету теплого океана и серая по цвету холодного, но зеленая в самой выпуклой части и белая у полюсов.

Континентальные выступы велики. Чего стоят китайские равнины или исполинский треугольник Индостана. Раньше до появления здесь деревни все это пространство занимала дикая буйная древесная жизнь, тростники, болота, джунгли. Но пришла деревня с мотыгой в руках, и все изменилось. Откуда пришла? В каком-то виде она жила здесь и раньше, только не была деревней, а чем-то совсем другим. Чтобы стать иным, надо из одного места уйти, в другое прийти. Нельзя измениться, не совершив движения. А так как перемена обитаемой среды есть самый простой способ развития, то племена, придумавшие клумбы и грядку, постепенно просочились на континентальные выступы. Просочились, принеся с собой приемы и навыки земледелия, выработанные дома. Существуют же теории диффузии человечества из древних ареалов в новые. На наших глазах белая раса перебралась через океаны, заселив Австралию и Америку. Это ли не доказательство. Деревня неукротима в своем движении к континенту, как набухшая почка, коробочка с семенами, как зеленый лист. Беда в том, что на ее пути встают горы, как, например, в Индии или Индокитае, пески великих пустынь: это и Китай, и Центральная Азия, Средний и Ближний Восток, а также необозримая Северная Африка. Природа всюду воздвигает неодолимые барьеры безостановочному росту, и по большому счету правильно делает, иначе вся поверхность Земли, став деревней, рано или поздно положила бы этому росту предел. Мы лишились бы многого, что украшает Шар: тех же гор и песков, тростников и болот, провалов, пещер и других таинственных мест. Ведь Шар дан не только человеку с его домашним скотом, но остальной флоре и фауне, древним отложениям, скалам, каньонам, фьордам и так далее.

Все это – крупные формы, которые доверены Шару. Наша звезда умножает мельчайшие формы – основу химии – от лития через углерод и кальций все дальше и тяжелей – почетная и трудная работа. Шар получил эту основу в наследство от неизвестной нам древней звезды или звезд, уже успевших разбросать семена из раскрытой коробки по Млечному Пути. Шар сумел возвести из них крупные формы – дело тоже очень нелегкое и необычайно важное. В Солнечной системе много самых разных Шаров – больших, малых и совсем почти незаметных. Точное их число до сих пор не установлено. Все они несут свою высокую службу. Солнце неустанно создает свои элементы, немногие по названию, но не поддающиеся никакому количественному учету. Шары, наоборот, вырабатывают беспредельную номенклатуру форм, хотя их общая масса не идет ни в какое сравнение с продукцией Солнца. И формы эти от самых мелких, как, например, отдельная песчинка, порой бывают грандиозными, заслуживая отдельного имени: Эверест, пик Победы, ледник Федченко, Байкал. Шары не то чтобы соревнуются друг с другом, однако никто не хочет уступить пальму первенства в выработке самых разнообразных сочетаний массы, элементного и молекулярного состава. Максим вспомнил про Эверест на Земле. Марс, радиус которого вдвое меньше, сумел поднять над собой вулкан Олимп высотой в 27 км. Планетам земной группы повезло больше остальных, их атомарный список оказался намного длиннее. Поэтому по-настоящему острое соревнование развернулось между

ними. Земля вышла в лидеры, выстроив помимо каменной, водной и газовой оболочек биосферу. Вот уж воистину, когда Вселенная творила Землю, она ей материнство обещала.

Однако чем все-таки прирастает деревня? Пространством, если оно еще есть. И людьми. Но пространство рано или поздно заканчивается, а люди нет. Наоборот, их становится все больше и больше. Во-первых, потому, что они живые существа. Их время течет стремглав. Во-вторых, сама Земля требует новых работников. Супружеская пара лишь тогда входит в силу в качестве земледельческой ячейки, когда рядом с ней поднялись дети и заполнили функциональный спектр хозяйственной жизни. В результате уже через два-три поколения Земля безнадежно отстает от людей. Вырвавшись вперед, они попадают в демографическую ловушку, похожую на глубокую яму, из которой выбраться невозможно.

Мировая деревня колеблется между бурным ростом населения, востребованностью рабочих рук и их катастрофическим избытком. Она не привлекает людей со стороны, как делает город, способом социальной возгонки. Она воспроизводит население естественным путем. Если есть земля, способная плодоносить, будут и дети. Едва встав на ноги, они уже ее работники, растут не по дням, а по часам, подобно стеблям бамбука.

Дети в Мировой деревне рождаются не столько хотением мужа, сколько земли. Раз она кормит, за ней нужно ухаживать, и тем заботливей, чем больше оскудевает силой от множества людей, припадающих к ее сосцам.

Голос Фая вошел в него издалека, как будто они находились в разных слоях одного и того же времени и теперь перекликались. Максим успел удалиться в окрестность. Там всюду порхали мысли, предлагая себя поймать. Их было много, одна лучше другой, его внимание постоянно раздваивалось. Это походило на сон, ведь во сне тоже много чего происходит, но без осознания самого себя. Если попал в поток случайных образов, тебя несет, как вещь. Не ты вызываешь их, они появляются. Так же точно и мысли: ты думаешь их, и вдруг в какой-то момент они начинают думать тебя.

– Плуг пришел на готовое, – повторил Фай, – без мотыги ничего бы у него не получилось. Самого себя не родишь, нужен родитель.

Максим ждал продолжения.

– Копает? – спросил он.

– Да, рвы, каналы, колодцы, но я не о том. Раз копает, то нивелирует, расширяя. Здесь и там создает ровные участки, террасы, сносит холмы. В конце концов все клочки объединяет в поле, только тогда приходит плуг. Ведь он не может перемещать грунт, лишь бороздит.

Вероятно, так и было, подумал Максим. Мотыга – дискретное орудие, ее труд разбит на короткие импульсы, однако именно она проложила путь непрерывному действию, образовав сплошное и плоское пространство. Его называют изоморфным, то есть одинаковым в каждой своей точке. Одинаковость или отсутствие формы как раз то, что снимает преграды перед потоком энергии. Она легко течет без остановки. Ведь всякая форма требует к себе внимания, цепляет. Физики говорят – сопротивление. Чем оно больше, тем слабее поток. Изоляторы состоят из неметаллов, это формы. А поле – проводник. Он тряхнул головой, пытаясь избавиться от ассоциаций, погружавших в сон механических мыслей. Речь шла о плуге. Он был настоящей энергомашиной. Совсем не то, что кетмень с человеком в качестве двигателя. Тот ходил вокруг да около, окучивая растения. Каждый новый взмах и удар, надвиг почвы к корням, поворот корпуса, смена позиции – все это были отдельные движения. Перерывы между ними обкрадывали поток. Да и кто, кроме человека, мог водить его по ухабам формы. Но человек слаб, даже мужчина, мускулистый и жилистый, с позвоночником, прорезающим спину, как глубокий арык глину. Животное могло, ведь формы больше не было. Оно медленно и бездумно переступало по полю. Одинаковая везде земля, разрываемая плугом, не требовала мысли, надо было лишь выдерживать направление, заключавшее мысль. Работник плуга как раз это и делал.

– Ты говоришь о рождении, – обратился Максим к Фаю.

- Все приходит через другое, не от себя. Вещь от вещи, человек от людей, те от Бога.
- Плуг от кетменя, – добавил Максим.
- Понятно, что от него, но как?

Максим знал: только античный бог выходит весь сразу из театральной машины. Все остальное надо ждать. Фай стал объяснять:

– Возьми человека или животное, не важно. С чего они начинаются? С клетки, – ответил он сам себе.

Максим усмехнулся: Фай был немножко наивен.

- Но это одна сторона, – продолжал тот.
- Какая же вторая?
- То-то и оно, какая. Клетка ведь начало жизни.
- Ну!
- Она самое простое, что может быть.

Максим был заинтригован. Обычно Фай больше слушал, чем говорил, по бережливости речи, которой был научен дома.

– Простое прививается к простому, они находят друг друга. Сложное его оттолкнет.

Максим все еще не понимал.

- Что самое простое в человеке? – спросил Фай, показывая глазами на низ своего живота.
- Ах вот ты о чем, – дошло наконец до Максима. – Ты считаешь, это зависит от места?
- От строения, – поправил Фай.
- Разве человек не равен самому себе во всем, из чего состоит?
- Голову с ногами не путай!
- Попробуй пожить без ног!
- Живут! Нельзя вырастить клетку будущего человека в желудке или сердце.
- Греки извели Афины из головы Зевса.
- Чтобы подчеркнуть ее ум, – возразил Фай. – Любое тело чем дальше от начала, тем сложнее. Желудок дает тепло, в сердце рождается чувство, в голове мысли. Дети приходят не сверху, а снизу. Они должны повторить весь путь, чтобы стать людьми.

– Пройденный человеком?

– Одного человека мало. Раз он от земли, должен повторить землю, иначе не будет к ней привязан.

– Может быть, греческие боги все-таки из головы, раз живут на небе.

– Сказки. Я так думаю. Кетмень по форме трапеция. Земля мягкая, можно рыхлить одним углом как плугом, другой не нужен, вот тебе и сошник. Вместо грядки борозда. Сначала тянули руками, потом впрягли животное. Чтобы родиться, надо войти в семя того, чем станешь. Мы спускаемся вниз, – Фай опять показал взглядом, куда следует спускаться, – вниз за своими детьми, берем их на руки и вместе с ними поднимаемся вверх.

– До головы?

– Да, только не нашей с тобой, а их собственной. Она выше.

– Как плуг выше кетменя?

– Нет, между ними было много рождений, десять или сто, никто не знает. Во сне мы спускаемся за собой, – сказал вдруг Фай.

Это прозвучало как эхо в лесу. Оба слушали его некоторое время.

– В детстве после сна долго не понимал, где я, – проговорил Максим. – Все было похоже на новое рождение. Теперь уже просто засыпаю ночью и встаю утром.

– Да, с годами проходит, – вздохнул Фай. – У меня был хлопок. Во время сбора ни одной мысли в голове. Тело работало, душа спала. А ведь ночью в постели она что-то делает. Я понял, что застреваю между утром и вечером. Время измеряется движением. Оно короткое, их много, вот коробочка, вот, вот. Время становится очень мелким. Песчинки видишь, песок нет.

– Светлое будущее – песок?

– В пустыне видишь барханы. Мертвый песок не задевает зрения. Барханы сегодня здесь, завтра там.

Максим его понимал: человек должен совпадать со временем суток, сезонов, лет и всей жизни. Хлопок не совпадал с Фаем. Хлопку нужна была девушка, которая тонкими быстрыми пальцами набирала в фартук больше ста килограммов чистого волокна. Фай был медлительным. Когда думал, на лбу его вздымались волны морщин. Лучше всего он смотрелся у себя в просторном полуподвале, готовя плов для друзей. Работал ножом в ритме машины, нарезая на разделочной доске морковь, красный глянцевого перца и зелень. Широкое длинное лезвие, Максим сравнивал его с клинком, играло светом лампы. «Делаю плов – отдыхаю», – говорил Фай. На его лицо сходило вдохновение.

Максим не любил готовить, поэтому ходил в собачники. Так назывались уличные столы с народом, идущим сплошной чередой. Занимал очередь, уткнувшись в книгу, чтобы прогнать бестолковое время. Иногда до кассы доносился крик из глубины кухни: «Каша вся» – или что-нибудь в таком же роде. Это означало, что рисовая каша на молоке, любимая им, закончилась.

Фай не только мыл и разделял овощи, но и ходил по базару, выбирая и торгуясь, то есть поступал как женщина. Его время было намного тоньше, чем у Максима. Где-то должно существовать особое место, предполагал он. Там заняты тем, что нарезают время. Для Востока – одной мерой, для Запада – совсем другой. Максим живет посередине.

Фаю предложены хлопковое поле и рисовый чек. Внутри дувала огород. На нем работает отец Фая. Он как заведенный машет кетменем и, хотя не жалуется на усталость, скоро уйдет на покой. Фаю живется здесь сторожем между Востоком и Западом лучше, чем в пекле Востока, где остались его братья, чтобы не осиротел кетмень.

Максиму показали песок, назвав его светлым будущим. Песок простирался во все стороны и уходил за горизонт. Он легко его увидел, как только о нем услышал. Это было не какое-нибудь кремнистое зернышко, а желтая безграничная поверхность песка. Постепенно он поймал себя на том, что поверхность отложила от глаз. Им не удавалось зацепиться за какую-нибудь неровность. Иногда, правда, ветер наметал барханы, зрение получало глубину. Он мог определить расстояние от себя до них и от них до горизонта.

Однажды на улице его остановил прохожий – полнота души переливалась в улыбку. От него Максим узнал о запуске первого искусственного спутника. Внезапно он оглянулся. Барханы лежали по-другому, некоторые стали холмами, и на них пробивалась трава. Пока она зеленела, он обратил внимание на то, что в его столовой белые батоны ели уже бесплатно. Максим покупал два кружка сливочного масла, к нему два стакана чая с сахаром – недорого, сытно и вкусно, вот и налегал на бесплатный хлеб. Тарелка пустела – нарезку снова подкладывали.

В другой раз он шел рядом с немцем из союзной Германии. Его звали Осей. Не хватало слов, но их заменяла дружба. У магазина в нише сидела женщина прямо на асфальте с узлами. Она, конечно, не вписывалась в столицу, но чего не бывает в жизни. Осей снял с плеча фотоаппарат и стал наводить объектив. «Я должен это снять», – сказал он, как человек, готовый запечатлеть редкий кадр из мира социальных животных. Максиму стало стыдно за Осей. Он бы так не сделал в чужой стране.

Шли годы. По утрам он выглядывал в окно. Перед ним лежали плоские крыши домов, построенных недавно. Их называли «брежневки». Вдали можно было различить горбатые крыши пятиэтажек с темными швами между бетонными плитами – «хрущевки». Еще дальше отдельными редкими корпусами стояли дома, возведенные пленными сразу после войны. Их первые этажи украшали арочные окна. Выше шли балконы, на которые никто никогда не выходил. Максим старался достать глазами горизонт. Он хотел совместить свою жизнь с Большим временем, которое постоянно отодвигалось в будущее, как высокие облака, светлые и безвод-

ные. Без Большого времени не было среднего. Малые времена, не получая поддержки сверху, проваливались в бессмысленную точку. Он все больше ощущал себя в глубине звезды, массивной и тускло дымящей в память прежнего молодого огня, но уже насквозь прогоревшей.

– Всюду ли можно найти ядра с их окрестностью? – снова спросил Фай. – Или только в мире физики?

– Конечно, всюду, ведь кроме притяжения и отталкивания других сил нет. Их смеси бывают самые разные. Они нам застилают глаза, мешая видеть чистые движения.

– А как среди людей? Они тоже входят в плотность и разрежение? Например, страна или группа стран.

– Все входит, вплоть до отдельного человека. В каждой стране есть государство. Это – ядро, на которое нанизана вертикаль. Общество погружено в окрестность. Оно расходится веером в разные стороны, как ветви от ствола. В центре земного сообщества находятся державы этого самого ствола. Все остальные размещены на горизонталях, образуя крону. Дерево не может состоять из одного ствола.

– Боковые народы?

Максим улыбнулся:

– Есть те, что стоят под прямым углом к вертикали. Они находятся в самом низу. Ближе к небу угол становится все более острым.

– Россия – ствол?

– Для тебя – да.

Фай смотрел вдаль. Максим подумал, что тот разглядывает свою страну, измеряя угол ее отклонения от России.

– Зачем наши войска вступили в Афган?

– Хотим обезопасить свою окрестность. Сколько сил положено на развитие Средней Азии. И что, коту под хвост?

– Почему под хвост? Как жили, так и будут жить. Кто им угрожает?

– Раньше англичане пробовали нас прощупать. Их сменили американцы. Если Афгану не помочь, то может попасть во враждебные руки. Район неустойчивый, отсталый, его легко соблазнить. Без него наша окрестность под угрозой.

– Ты говоришь – пространство и время. Как они соотносятся с ядром и окрестностью?

– Через первосущности, положенные в основу мироздания.

– Это какие же?

– Масса и информация.

– Пространство и время, по-твоему, не сущности?

– Трудно сказать, что они. Пространство, во всяком случае, не умоглядно. Я бы определил его как набор сред – каждая с особыми свойствами. Ядро окружает себя поясом сред и с ним взаимодействует.

– Что за этим поясом?

– Соседние ядра со своей окрестностью. Пустоты нигде нет. Время связано с движением. Никто еще не научился видеть его отдельно.

– Понятно, что оно не фигура.

– Среда явлена в объектах, они как раз фигуры.

– Время обнаруживает себя в скорости.

– Которой нет без пространства. Вообще элементных пар бесконечно много, от основания бытия к вершине. У всех есть общая черта: один элемент изображает материю, другой – движение. Пространство и время, вероятно, исходная пара. Ничего более основательного мы не знаем. Людям дано это в виде самой незыблемой опоры ума. Может быть, есть и другое, но человек не дорос. Масса и информация дают следующую ступень, более осязаемую. В ней рядом с идеальным присутствует сущностное начало. Масса – это материальный субстрат,

информация противостоит ей как элемент бестелесный, но раздающий свойства. У субстрата нет и не должно быть никаких свойств. Он их получает от того, кто имеет. Получая, становится не тем, чем был раньше, увеличивая свою реальность. Сущность проникается способностью к действию, через него себя обнаруживает и постоянно проявляет. Между массой и информацией стоит энергия, выступая в виде посредствующего звена, середины. Благодаря ей обозначен замысел перехода через пропасть от начального элемента к конечному.

– Середина уравнивает?

– У нее много свойств. Постепенность отрицает мгновенность действия. Оно может быть сколь угодно быстрым, но никогда мгновенным. Промежуточное состояние позволяет времени осмотреться. Но я бы подчеркнул в нем еще одно качество, обычно скрытое. Середина или смесь, химера, на них нельзя смотреть как на спокойное перетекание ряда от первой половины к последней. Раз она смешивает оба полюса, избегая взрыва, значит, не похожа ни на какой из них и в некотором смысле вынесена в иное измерение. О числовой последовательности этого не скажешь, а в материальной совместности противокачеств означает шаг в развитии системы.

– Как все-таки пространство и время преобразуются в массу и информацию?

– Никто тебе этого не скажет. Эти категории носят слишком отвлеченный характер, мы можем судить о них только на основании той самой смеси, которая принимает самые разные сочетания.

– В смеси элементов пара в определенном смысле свертывается, уподобляясь единице, но не настоящей, поставленной в завершение цикла, а связанной с приостановкой действия из-за смешения полюсов.

– Например?

– Возьмем тот же космос. Звезде вместе с набором планет предшествует туманность или облако. Его вещество качественно однородно. Разделения на полюсы еще не произошло. Они даны лишь в возможности. Такое состояние неустойчиво, поэтому длится недолго.

– Почему ты решил, что оно неустойчиво?

– Протооблако существует в реальной среде, испытывая постоянно внешние возмущения. Будучи аморфным, оно является лакомым куском для своих соседей. Реакцией на эти вызовы как раз и является борьба за собственную субъектность. Внутренние ресурсы протооблака идут на строительство собственного звездного дома.

– Баб, – предупредил Максим.

Фай вскочил на ноги и, не оглядываясь, стал зачищать края котлована. В распахнутые ворота въезжал «Белорус». Баб сидел в кабине рядом с водителем. Видно, хозяин решил подключить технику. Укладка плит вручную ломami очень затягивала ремонт. Скорее всего, дело было не в переплате рабочим, а в устройстве его часов, которые отдельными стрелками показывали разное время. Чем крупнее были действия, цепляемые самой короткой стрелкой, тем увереннее хозяин входил в собственное Большое время. Он двигался намного быстрее своей страны в соответствии с обратной пропорцией между массой и скоростью. Масса принадлежала ей. Трактор был собран благодаря сжатию социальной материи. А скорость развил хозяин.

Огород

Великая польза от куска земли, думал Максим. Есть он, и ты уже не бездомная собака. Днем человек отправляется на промысел. Да и все куда-то идут, хлопчут. Потому что встали со своих постелей и перешли от сна к жизни. Как быть не имеющему ночлега? Говорят, даже рыбы в положенное время забываются, стоя в воде неподвижно. В поездах метро и электричках бродяги спят в позе мученика. Им не мешают. Однажды Максим наткнулся на свежевыкопанную яму при дороге. Оставалось только накрыть – был бы угол. Но ее неизвестно почему бросили. Может быть, оттого, что сразу за ней начинались могилы старого кладбища. Место было глухое и жутковатое. Заселяют чердаки и подвалы, теплотрассы и бетонные погреба на пустырях, где прежде частники держали захватом огородики. Федя, его Федей звали, он посещал мусорку рядом с домом, где жил Максим. Так вот он принес на плечах балок и жил в нем, соединяя дневное время, принадлежащее в равной мере всем, с ночным, которое велит прятать сложенное на отдых тело в укрытии.

В прежнее время Максим делал не одну попытку приобрести подходящий кусок земли. За Серпуховом набрел на деревеньку. Ручей протекал мимо, неширокий, но полный. Ивы теснились к самой воде, далеко в полях, отмечая русло. Место это напомнило старую Россию на картинах передвижников. Сидела на лавке старуха, смотрела вдаль, чего-то там различая. Максим понял – смотрела в глубину прожитой жизни.

– Дом хочу купить. Не подскажете?

– Дом-то. Да вон у Егора, на том конце, подойди. – И она назвала номер. – Правда, плохонький, да он и просит недорого. – Сколько?

– Слышала, полторы, зато участок.

Дом был из самана в одно окно. К нему примыкал бывший коровник, когда еще держали коров. Хозяин чуть обустроил, получилось две комнаты – жилая и рабочая.

– Полторы, – ответил он на вопрос, приглядываясь к Максиму с сомнением. – Да, что сказать, возмешь ли, – продолжал он. – Так-то спрашивают.

– Согласен, – сказал Максим. – Огород у тебя хорош.

Хозяин помедлил.

– Вы это... с твердостью или как?

– Мне участок нужен, – повторил он, – дом подниму сам.

Они вышли на улицу.

– С ним не прогадаешь. Тут запахано немерено, скот держали. Везде подзол да супесь, а у меня земля как на Кубани. Я сам оттуда. – Он улыбнулся. – Так-то вот.

Договорились встретиться завтра, уже с задатком и при свидетелях. Всей суммы у Максима еще не было. Спал он ту ночь крепко. Ближе к утру видит сон, а в нем человек-лошадь. Смотрит с недоверием. К чему бы это, подумал Максим. Перебирала копытами. Лицо сложилось в желание. На другой день, как договорились, он подъехал в ту деревню к Егору.

– Сядем, напишешь расписку в получении задатка. Всего полторы – так и укажем, с собой у меня пятьсот, и веди соседей.

– Как то есть полторы? – перебил тот.

Максим опешил:

– Ты же вчера сам называл.

– Две с половиной, а там как хотишь. Я на свою цену покупателя найду.

Он не стал спорить. Перед ним был человек-лошадь. Увидеть лошадь во сне означает ложь. Как же он не догадался сразу, бил сюда ноги, теряя время. Он скосил взгляд от лица вниз. Черные ботинки, каких давно уже никто не носил, слабо пританцовывали от нетерпения.

Живет в тебе душа, размышлял Максим обратной дорогой. Отсюда и ошибки. Окрестные души измеряет собой, другого инструмента ведь нет. Опыт нужен, как нож со многими лезвиями. Большое, поменьше, дальше штопор, консервный нож, пилочка для ногтей. Придумал же кто-то сменные инструменты в одном футляре. Легкая ложь – у человека глаза заволокло туманцем, как малый снег на дороге, пороша. Такой брать широким захватом, усилий почти не делаешь. Человек тут же краснеет. Тяжелая привычная ложь – меняешь узкую лопату на движок с поперечной рукоятью и толкаешь с силой, пока не оголится полотно. Да не полотно – глаза с остатками прикипевшего к сердцу льда.

После была еще одна деревенька – называлась Ужи. Местность, что ли, змеиная? Но увидел узкоколейку с кукушкой, которая ходила туда-сюда впритык к домам с огородами. Такая ходила в детстве. Однажды его бабка пересекала рельсы, поезд ее напугал, она не смогла обойти лужу. А шла в валенках и долго потом вспоминала эту кукушку.

Рисовалась ему картина далекая, но четкая, величиной с окуляр подзорной трубы. Обхватывают они всей семьей собственный свежий садик. Жена на грядках. Он мастерит летний стол с широкими скамейками под взрослой яблоней, чтобы собираться им вечерами за чаем с непокупным пирогом. Город уже не сжимал бы их до хруста костей, позволяя свободно дышать два дня в неделю. Рассказал он жене о своих поездках с грустью, а та отвечала:

– Знаешь, есть одно местечко неподалеку. Люди копаются, давай и мы тоже. Таких денег у нас нет и никогда не будет – занимай не занимай. Твои двести да мои сто – капля в море. Настоящая дача стоит великие тыщи, вот и думай.

Она привела его на окраину их поселка. Это был огромный пустырь, который обтекала Москва своими стройками. Он лежал на склоне. Снизу его подпирала река, а поверху проходило шоссе, за ним невдалеке сверкали озера. Люди копали крошечные огородики. По углам росли самодельные будки с навесом – укрыться от дождя. По границам – плотный колючий шиповник.

– Как ты набрела на это место?

– Гуляла с ребенком. Шла, и шла, и увидела.

Жена его выросла в деревне, огород для нее не был пустым звуком.

– Как-то все это по-собачьи, – сказал он. – Что мы детям оставим?

На всех углах вколачивали в голову – самая большая в мире, а клочка земли для него не нашлось. Они воткнули в землю четыре колышка – дескать, наше, обменялись парой слов с будочниками и вернулись домой.

В понедельник из райкома спустили разрядку. Максиму было указано отъехать на неделю в подшефную деревню вместе с такими же, как он, крайними. Стоял он в стороне от начальства, его всегда и назначали. Утром пригнали громадный «Икарус», командированных оказалось всего двое: он да еще парень из соседнего отдела – тоже, видно, не свой. Подскочил инструктор:

– Где остальные?

Остальных не было.

– Ладно, поехали, ждать не будем.

Такая же он в своем райкоме пешка, понял Максим, как они в конторе.

Добирались часа полтора, уйма бензина. Выяснилось: работа женская. Перебирали группкой свеклу с картошкой. Огляделся Максим и решил свалить. Был небольшой страшок, дознаются. Недельный прогул – нешуточное дело. Поначалу он хотел зажить у своей конторы хотя бы два дня, но быстро понял: откроется – отвечать придется за все пять. Давним опытом он твердо усвоил: жить по правилам нельзя – сам себя заездишь, и люди не поймут. Постоянно нарушать тоже не годится. Тем же людям не понравится. А надо каждый раз применяться к обстановке. Чуть ее, как собака след. Где-то можно рискнуть, где-то притормозить. Это и есть самое трудное – делать выбор. Был у них в школе Рассолов, хулиган. Где он сейчас,

куда запятели? Ходил всегда с риском, а надо бы через раз. Тишкой мышкой не отсидишься. Судьба – существо живое. Любит, когда ее месят, как тесто. Своему старшему после очередной неудачи он так объяснил:

– Не говори, что не сложилось. Ты сам складываешь свою жизнь, камень на камень, ряд за рядом. Когда же начнет получаться, к тебе придут.

– Зачем? – спросил тот удивленно.

– Примазаться к результату. Урвать ведь проще, чем придумать самому и построить. Будут вставлять палки в колеса – обычная история. Ведь если ты умный, остальные, выходит, нет. Кто же с этим согласится. Делай свое дело хорошо и будь готов поделиться, чтобы не отняли всё.

– Но это же несправедливо!

– Откуда ты знаешь. Ты не взвешиваешь, кто чего стоит. Не смог от себя оторвать, хотя, если честно, давно бы надо, значит, вор или насильник тебе помог, избавив от лишнего. Учти, за нами следят.

– Кто? – насторожился сын.

– Следят, и все. Как ты стоишь над муравьиным домом, суетятся, бегают крошечные создания, так и над нами стоят и смотрят. Сделанное тобой заносится в книгу.

– Отнятое тоже заносится?

– В особый список, но при условии.

– Каком?

– Таким потерям вслед не гляди с печалью.

– Сложно все это, – сказал сын.

– А ты попробуй, получится.

– Не придумал ли ты все это от себя? Ведь то существо никто не видел, да и ты тоже. Это только в тюрьмах смотрящие. А ты говоришь о другом. Разве небо похоже на землю?

– Ничуть, но закон везде один. Тебе что больше нравится – небо или земля?

– Небо красивее, но не так густо населено.

– Как же, а звезды?

– Звезды высыпают ночью, когда мы спим и их не видим. Вечером все небо в облаках и дымах. Тебе повезло, ты уже старый, успел насмотреться на них, когда небо было чистым.

– Говоришь, никто не видит, – продолжал Максим. – И муравьи нас не видят, но они дети, а мы с тобой люди и должны верить в присутствие невидимого.

– Если ты о Боге, – сказал сын упрямо, – то Его нет.

– Забудь о глазах, которые смотрят. Глаза твои смотрят, но не видят. Тех, которые видят, у тебя еще нет. Будешь слушаться, вырастут.

– Но, по крайней мере, зародыши будущих глаз у меня есть?

– Чем чаще будешь смотреть на небо, тем быстрее появятся.

– Откуда зло? – спросил сын. Видно, вопрос давно его мучил. – И зачем оно?

– Не коснутся люди зла, как же о нем узнают? Узнав плохое, полюбят хорошее. Иначе не смогут.

– Я иногда так и думаю, но мысли не в фокусе, – признался сын. – Линза у меня никудашная, не собирает, а рассеивает.

– Потому что молод. Молодость в отношении истины близорука. Линзу шлифуют добрые дела, вот и шлифуй.

Вернувшись домой, Максим подхватил лопату и снова отправился к участку Прежде всего нужен колодец. Без воды растут деревья и кусты, овощи, зелень – нет. Еще в прошлый раз, знакомясь с местом, заметил он невдалеке свалку битых машин, а между ними пять-шесть ржавых и худых мусорных жэковских баков. За пару часов он доставил три штуки к будущему огороду перекатом через стенки. Развел костерок и на нем выжег заразу.

Сначала снял слой почвы – тонковатый – на штык лопаты, за ним пошла глина, сухая и твердая. Чем глубже он уходил в землю, тем больше жевала его работа. Погрузившись до пояса, почувствовал, как стенки колодца зажимают его. Лопата много роняла по дороге вверх. Пришлось искать ведро на той же свалке. С ним дело пошло быстрее. Было жарко. Солнце малым, но раскаленным диском лежало на голове и плечах. Он прикладывался к бутылке с теплой водой. Вода смешивалась с потом. Удивительно, ногам на глубине в рост человека было даже прохладно. Он присел на корточки, ощутив бодрость, исходящую от земли. Было так, словно он отдавал ей усталость, получая взамен силу. На кровати он бы размяк и заснул. Здесь в колодце ему хватило пяти минут, чтобы вновь стать свежим.

Сухая глина сменилась влажной и мягкой. Лопата легко ее резала. Ведро он высыпал, поднимая руки над головой. Еще углубился на полштыка, и вдруг сбоку заструилась вода. Через пару минут она превратилась в поток и залила все дно. Он ошалело смотрел, не зная, что делать. Пришлось спешно вылезать наружу. Рыл на слабом косогоре – вся озерная вода давила в сторону склона. Снаружи периметр колодца был завален глиной. Все-таки их роют не в одиночку, подумал он. Мусорный ящик стоял вверх дном. Тут же и приступил к нему, пока вода не размывала стенки. Рука нашарила в боковом кармане рюкзака зубило и молоток. Удар по днищу вызвал звук, просверливший тишину округи. Ржавчина проела железо в центре. На стыке со стенками это все еще были полноценные три миллиметра. Зубило двигалось медленно, пока он не нашел наивыгодный угол резки. Каждый удар бил не только по железу, но и нервам. Он казался самому себе наглым нарушителем здешнего покоя. Вороны и галки кружились в ближних березах, пока не отвалилось дно. Птицы напоминали поднятую ветром копырку. Раньше ее много выбрасывали на мусорку, Максим не мог пройти мимо глянцево-черного цвета. Он сравнивал его с цветом ночи, антрацита, волос желтокожей цыганки и, конечно, воронова крыла.

Вечерело. Устал. Хотелось есть, но и бросить было нельзя. Ящик с вырезанным дном должен был крепить стенки колодца, хотя он копал не песок, а глину. Ящиков было два – первый брал на себя самое трудное, держал низ. Его надлежало ставить насухо и потом только пробиваться к водоносному слою. Следовало спешить, пока дно не затянуло мокрой глиной. Максим заглянул внутрь. Вода струилась со всех четырех сторон. Осторожно кантуя, он подвел готовую опалубку к яме и сбросил угол в угол с небольшим перекосом, который тут же выправил лопатой, как рычагом. Второй ящик пошел легче. Вырезал его за полчаса и легко надвинул на первый. Его край возвышался над землей всего на ладонь. Горловину обложил доской, сколотил крышку – мало ли кто забредет да провалится, отвечать все равно ему. Вода стояла высоко. Он удивился: ключ нашел выход или с боков проточило?

На очереди была бытовка. Бросовый материал валялся всюду – тут доска, там кусок фанеры. Земля была сплошь покрыта строительными отходами. В самых неожиданных местах встречались глыбы застывшего бетона: заказали машину – не успели выработать, бросили. Валялся битый кирпич, остатки рубероида, ржавая колючая проволока. Про горбыль нечего и говорить. Все костры, у которых грелись зимой работяги, из него. Но бытовка должна стоять на крепком основании. Лучше всего бревно или брус. Метров за двести длинной шеренгой стояли столбы с опорой. Когда-то несли на себе электричество. На них еще белели фарфоровые изоляторы, к которым карабкались на кошках районные электрики. Теперь, отступив, возвышались бетонные мачты, уходящие в небо. Старые им были по пояс. Максим выбрал покосившийся столб. Ножовка легко перегрызла потерявшую крепость древесину. Огромный двуногий циркуль рухнул наземь.

Больше всего времени ушло на поиски материала. Он не столько работал, сколько вел разведку на местности, пока не обнаружил покинутую стройку, обнесенную забором, но без собаки и сторожа. Штабеля досок, стянутые шестеркой, лежали еще не тронутые. Их-то он осторожно потаскивал, волоча к себе за веревку.

К субботе на его участке стояла опрятная хибарка, в колодце светилась вода. Правильно говорил человек-лошадь, огород без навоза ничто. В старину поле могло голодать, как часто и бывало. Если у хозяина всего корова да лошадь, где же ему взять назему. Почему и урожаев не хватало до весны. Об этом много писалось в сочинениях о русской деревне. Во главе всего стояли нива и хлеб, выпасы для скота, отдельно лес строевой и разный. Тут тебе и дрова, и грибы с ягодами, и лекарственные травы. Об огородной земле речь не шла, как будто она сама собой удобрялась и наполняла стол. А ведь все эти огурцы с помидорами, свекла и капуста, репа с редькой, морковь, редиска, лук и чеснок, не обходя стороной всякую пахучую зелень, – без них одиноко и пусто пришлось бы голому хлебу с картошкой. Разобраться – они даже более требовательны к почве, быстрее ее истощают. Разрешалось же просто. Огород примыкает к усадьбе. Стоило, свинарник, козы, овцы и домашняя птица – все в одной черте. Вот откуда назем и перепревшая подстилка свозились на зады под перекопку, утучняя гряды.

Максим на пробу перевернул слой земли глубиной в штык в разных точках своего участка. Всюду был бедный суглинок. По-хорошему следовало привезти со стороны и насыпать заново плодородный слой.

Он оглянулся, никто из огородников не работал рядом, кроме мужчины в годах за двумя или тремя заборами. Тот что-то втолковывал грузной своей напарнице. Максим слышал голос, но расстояние съедало смысл. С трудом пробираясь сквозь переходы и калитки, подошел ближе. Они смотрели на него с любопытством, разогнувшись от земли и опираясь на древко лопаты.

– Тоже к нам, в соседи? – спросил мужчина.

– Да, решил попробовать, чем ходить в магазин.

– Раньше занимались?

– Нет, у меня жена из деревни.

Мужчина, несмотря на возраст, имел острый глаз, тело сухое и по виду твердое, как полено. Жену его, она оказалась женой, наоборот, разнесло по-бабьи, и оттого смотрелась доброй.

– Я вот о чем, – начал Максим. – По такой земле вырастет ли что?

– А у нас привозная. Здесь раньше свалка была. Сколько набралось семей между нами, сбросились по червонцу, наняли трактор с КрАЗом, они почистили.

– А мой кусок тоже лежал под мусором?

– Нет, он на склоне. А мы все первые заняли ровное место.

– Вот оно как, – протянул Максим.

– Насчет земли, – прибавила женщина, – вам пройти к реке, отсюда с полкилометра. Там вся ихняя техника. Чего-то все делают с самой весны.

Он кивнул и тут же, не откладывая, двинулся в указанном направлении. Дорога медленно спускалась вниз мимо гаражей и мелких садиков с ягодными кустами, рябиной, вишней и черноплодкой, как он определил издали. Ближе к берегу стоял «Ивановен;» с двумя самосвалами. Шофера сидели по кабинам, обедавая. Он подошел к экскаватору и, задрвав голову, произнес в окно:

– Есть работа. Договоримся?

Мужчина держал в руке бутерброд, запивая из термоса.

– Объем? – бросил он, не переставая жевать.

– Я вас всего на час оторву. Мне и надо-то с пяток машин грунта. Тут рядом.

И он показал рукой в сторону своего участка.

– Сколько даешь?

– По таксе. – Он смотрел на мужчину, выжидая.

Тот медлил, прицеливаясь, сколько взять.

– Пять рэ за машину.

– Так ведь рукой подать, – сопротивлялся Максим. – И за что? Не перегной с аэрации, а грунт.

Перегной возил зеленхоз на газоны. Он был черный, как уголь. Трава поднималась на нем густым зеленым мехом.

– Дорого, ищи дешевле, – отрезал шофер. – Я лишнего не беру.

И он повернул голову к лобовому стеклу.

– Ладно, – сдался Максим, – только черпни сверху погуще, у меня одна глина.

– Вон болотце, перестоявшее, оттуда и возьму.

Он указал на пятно сочной травы недалеко. Она отсвечивала на солнце широкими перьями.

– Федор, – крикнул он хозяину экскаватора, – давай на погрузку.

Молодой парень готовно кивнул из соседней кабины. Ковш легко вошел в землю. Стрела, описав дугу, зависла точно над кузовом. Грунт был темный и влажный. Под его тяжестью колеса заметно сплющились. Самосвал на секунду стал живым существом, принимающим с покорностью свою ношу. У Максима мелькнуло: не только люди страдают от перегруза, но и техника. Всякий труд чем ближе к земле, тем больше каторга. Каково же тем, кто роется в чреве земли, добывая сырую материю. Город вышел из деревни. Рабочий из крепостного. Земледел, оставленный в прошлом, живет на поверхности Шара, видит небо и слышит пение птиц, хотя труд его не легок. А этот парень, проломивший время, вбит в землю, разгребая ее нутро.

– Садись в кабину, – позвал шофер, – покажешь, куда ехать.

Самосвал, поднявшись к шоссе по бетонным плитам, пошел быстрее и легче.

– Здесь, – сказал Максим. – Разверни задом и свали пониже у колодца.

Шофер выглянул в окошко:

– Мне бы туда не лезть. Что под колесами? Сяду, придется вызывать трактор.

– Материк. Одолеешь. И уклон невелик. А мне в такую даль грунт не перекинуть.

Машина съехала к подошве участка. Поршень гидравлики медленно вытолкнул край кузова. Грунт скользнул лавиной через щель между дном и отвалившейся крышкой заднего борта.

– Заходи на вторую езду, – сказал Максим. – Мне с тобой или как?

– Сиди, не мешаешь.

Четвертая машина была последней. Уже догружая ее ковшом, экскаватор вдруг замер. Из его шланга хлестнула струя масла, заливая песок черной лужей. Максим стоял озадаченно.

– Поехали, чего глядеть, – толкнул его молодой. – В крайнем случае обойдешься без пятой. Он тебе насыпал с хорошим верхом.

МАЗ уехал. Максим смотрел ему вслед. Неуклюжее искусственное животное на колесах дохнуло темным выхлопом, взбираясь на полотно. Он украдкой обласкал взглядом свой участок. На нем высились четыре высоких холма растительного грунта, в меру черные, с шоколадными подпалинами. Грядки из него, конечно, не насыплешь. Так делали раньше в горных районах Средней Азии – таскали на спине корзины с землей вверх по склону, выбирая защищенное и ровное место. Сизифов труд, но там камни, уходящие в мантию, здесь слой песка и глины. Разработать, смешав с шоколадом, получится почва. Размышляя, он достал лопату из зева колодца.

Часы показывали пять. Можно было идти домой, хотелось есть, но не потому, что пришло время обеда. Он вдруг почувствовал в себе свежее желание хлеба с кружкой молока, как в детстве.

Ширина грядки не больше метра, в длину пятнадцать, надо попробовать. Лопата врезалась на полштыка, дальше не шла. Он с силой нажимал ногой на железную полку. Приходилось отступать совсем немного, чтобы не погнуть лист. Если жадничал, отмеряя пласт помощнее, то лезвие не могло его отвалить. Раскачивал рукоять, стараясь разрыхлить ком, теряя время.

Попадалась трава не стеблем вверх, а ползучей сеткой. Он не знал ее имени. Мать не научила природе, бабушка тоже. Все они родились и выросли в большом городе, покрытом булыгой и асфальтом.

Мальчишкой его каждое лето отправляли в пионерлагерь. Там вожатая кое-что показывала и называла. Это вот ландыш, а то фиалка. Он легко отличал пустырник с граненым стеблем и чистотел, дающий желтый сок на изломе. Тогда попадались часто, теперь пропали. Землю наполняют сотни цветов и трав. Как-то он забрел на выставку букетов. Оказывается, это высокое искусство, не уступающее музыке и письму картин, в его стране почти неизвестно. Женщинам здесь скупно дарят цветы. Если несут их в руках, то те, что купили сами себе, не в силах забыть свой пол. Мужчины дарят лишь на Восьмое марта.

Цветы распускаются весной. Он слышал, что в Испании очень много жаркого лета. Женщины там не мыслят себя без роз и жасмина. В России обилие снега и льда. Но кроме годовых колебаний Землю обволакивают капсулы времени, сравнимые с жизнью целого поколения людей. Они тоже делятся на сезоны – холодные и теплые, со своими днями и ночами.

Максиму выпало появиться на свет в Большую зиму, в первую ее треть. Только уже повзрослев, после двадцати, он начал смутно догадываться, в какое время Года живет. И стал ждать Весны, потому что весной набухают почки и раскрываются цветы. Из них составляют букеты и дарят женщинам.

Своими надеждами на Большое тепло ни с кем не делился. В молодости был наивен, его высмеивали. Спор всегда шел о наклоне земной оси – в нашу ли сторону гнется. «В нашу, – говорили ему, – как навалились в семнадцатом, так и не отпускаем. Такую войну одолели, чего не ясно! Главное, люди, пусть не отлынивают, рано или поздно весь громадный Шар развернем к себе».

Не стало вождя, и надо же, через пару-тройку лет повеяло свежестью. На улицах и во дворах чуялось добро перемен. Город оделся в привозной ширпотреб. Молодые ребята ходили в ботинках на высоченной микропорке, носили пиджаки в клетку. Максим понял, как выглядит заграница. Однако погода стояла недолго. Позже ее назвали оттепелью. С тех пор Земля ни на один градус не отклонилась к России. Видно, кто-то другой посильнее взял ось на себя, как берет рычаг, отвечающий за перемену передач в автомобильной коробке.

И все-таки весна пришла, хотя он ее не узнал, потому что никогда не видел раньше. Было много сырого промозглого ветра и слякоти. Реки посинели ото льда, но не могли его сбросить. Люди, болея простудой, ворчали, что такие март и апрель хуже привычных рождественских снежно-звездных стуж.

Лопата шла неровно. То застревала, натыкаясь на гальку или кирпичный обломок, то врезалась до половины.

Склон, на котором он работал, упирался в высокий и крутой откос. Дальше начиналась ровная терраса, переходящая в улицу. Крайний дом фасадом смотрел на штакетник. Просторный двор опоясывал забор. Таких Максиму не доводилось видеть – смахивал на крепость. Его столбы высотой до четырех метров несли кровельное железо, ржавое, прибитое гвоздями под разными углами в виде заплат. Поверху шли куски случайной фанеры. По ее краю струилась колючая проволока. Хозяин никого не стеснялся. Он, насколько хватало сил, тянул рычаг на себя. Перед домом стояла богатырская липа, усыпанная белым цветом. Узнал ее по запаху. Надо было задирать голову, чтобы достать глазом до макушки. Настоящий храм листвы и цветения. Максим задержался, любуясь. Рядом оказалась женщина средних лет.

- Сила, – сказал он, обращаясь.
- Сила в руках. Бывало, не присядешь, сейчас полегче. Не хотят работать, завидуют.
- Всем бы по такому куску земли, – уклонился Максим.
- Ничего не будет, народ опустил, водка дешевая, через нее и вся неустройца.

– Я так понимаю, один-два алконавта на всех – значит, пьют, а вот когда трезвых из всего народа пересчитать по пальцам, то спаивают.

– Силком в рот не льют. Нет страсти, к стакану не садись.

– А в бригаде? Не вложился, не будешь свой. Она все равно согнет.

– Скажись больным, мол, язвенник.

Максим так и делал, но его подловили: «Говоришь, язва, а сам ешь жареную рыбу».

Он и верно частенько приносил на обед – жена готовила. Не с руки ему было бегать в перерыв за пачкой творога с хлебом. К магазину да назад, время сквозь, а тянуло вместо того прикорнуть на теплой лежанке поверх наброшенных курток под галдеж доминошников. Вставал он рано, на половине смены дрема склеивала глаза. Проваливался до полного забытья, до отключки, пока не сотрясал звонкий удар костяшки об стол. «Вот она, – кричал Соловей, – рыба!» Максим видел его голос, поднятый, как молоток, над игрой. В углу бытовки сидел Урюк за всегдашним своим занятием. Вынимал веревочной петлей пробки из винных бутылок.

Дверь отворилась, вошли двое.

– Слышь, Соловей!

Максим, не открывая глаз, узнал Мотю. Тот приглядывался к нему недобро, отгадав чужого. Мотя был могучий мужик. За смену выпивал литр, слоняясь по стройке. Водка выходила перегаром, как пар на морозе. Такие попадались один на сто. Максим по опыту знал: стальные мышцы оплетают безотказное нутро. Сила не сочетается с больными легкими или глухим сердцем. Ее печень держит градус, как гиревик многопудовое железо.

– Слышь, говорю. Зачем Герку обидел?

Герка стоял рядом, жаля глазами обидчика.

– А ну, мужики, раздвиньсь, не люблю масалить.

Удар прилетел вскользь. Соловей его сторожил, дернув плечом, бабы прыснули в стороны. Мотя бил одной рукой. Вторая то ли не умела, то ли Мотя подвернул в падении по пьянке, зато работающая рука вращалась по кругу. Ватное плечо куртки нисколько ее не ослабляло. Помещение наполнилось бушующим дыханием. Соловей закрывался локтем. На игровом столе Мотя увидел пивную кружку. Бьющая рука, облапив ее, прочертила Дугу.

– Эй, – крикнул Урюк, – вот этого не надо. Проломишь башку, затаскают.

Соловей зажимал кровь в носу, изо рта торчал сломанный зубной протез. Зубы он потерял на отсидке, как и три четверти своего желудка.

Максим провел рукой по губам, убеждаясь, что он не Соловей, перед ним будущий огород, нога давит на лопату. На краю откоса стоял мужчина. Это был хозяин забора вокруг усадьбы. Поймав взгляд, стал спускаться вниз. Максим видел его выходящим к автобусу из калитки штaketника. Теперь был вдет в рабочую робу. Рубаха в клетку спускалась в штаны. Максим никогда не видел такого. Родного материала в штанах не осталось, все покрывали крупные цветастые заплатки. Но даже и на них налезали третьим слоем совсем свежие. Перед глазами встал забор из бывшей кровли, фанеры и досок. Хозяин умел делать дело из мусора.

– Наблюдал твою копку, без воды нельзя. Здесь под песком в глубину на метр зарыт водовод. Вам бы всем пришлым подключиться – и никакой колодец.

– А сечение?

– Полтора дюйма, не больше.

– Я про трубу.

– Толстая. – Хозяин развел руки, показывая.

– Кто ж позволит. Надо перекрывать, а так просто не сварить.

– Не видал, как отводят слесаря?

– Нет. А что?

– Приваривают резьбу с краном, потом рассверливают магистраль, и все дела. У тебя участок покатый, на дальний конец нужна емкость, придется нанашивать. Или вдоль тягуна поставь бочки.

– Опять ведрами снизу вверх?

– По-другому никак. Что сажать, сеять, распланивал?

– Огурцы, помидоры, зелень.

– То-то! Огурец любит зной, где его тут взять. На помидор садится роса по утрам. Река рядом прохватывает туманом. – Максим чесал затылок. – Я у себя на дворе много менял, прилаживался к земле. Смородина была, клубника, малина – выручка с них не та, пока не развел цветы. У меня пионы. Жена вынесет к метро охапку под марлевой накидкой, раскупают враз.

– Здесь разворуют, – сказал Максим.

– Разворуют. Такой забор, как у меня, не поставишь. А вот ромашки садовые – самое оно. Спробуй. Через два огорода от тебя дед с бабкой копаются. Подсказал – не хотят. У них клубника. В ночь выходят сторожить под налив ягоды, а место на отшибе, глухое. Ромашку ж не сорвут, так что соображай.

Утром Максим был на свалке. Самосвалы подъезжали со строительным мусором, но попадались и дельные вещи. Задумал он поставить водокачку над колодцем – два столба с площадкой и воротом. Столбов не нашел. Вместо них приспособил две доски-сороковки. Долго пришлось искать посудину с патрубком для слива. Меж битых плит лежал резиновый шланг. Максим волок его за собой, как дохлую змею. Подходя к участку, увидел Водяного. Тот до пенсии работал водолазом, потому так и прозвали. Землю раскопал ближе к реке и навещал ради выпивки на приволье.

– Насчет ворота, есть у меня колесо вместе с желобом на подшипнике из прежних запасов – тебе в аккурат. Больше пузыря не возьму. А еще, слышь, насос ручной за тридцатник. Годится? – Водяной напал на жилу, в лице его стоял интерес.

– Не потяну, для меня это деньги.

– Лады. Колесо завтра, про пузырь не забудь.

Доски он вкапывать не стал, укрепив каждую костылями, а поверху пустил перекладину. Мойку – это была просторная емкость для мытья посуды в рабочей столовой – подвесил проволокой между опорами. Шланг натянул на выступ патрубка и, чтобы не сваливался, связал хомутом.

Свалка принимала все, что угодно. Он прикатил на участок пять бочек из-под бензина. Они гремели по дороге, подгоняемые пинком, встречные отводили глаза. Отдельно принес пластмассовое ведро на сорок литров. Дома такие не делали. Видно, самосвалы вывозили мусор от сдатки, на которой работали югославы или турки. Рядом с одной из бочек валялись кожаные рукавицы с раструбами. Говорят: куплено – найдено, а он нашел, как купил.

Через неделю по его соткам шли ровные грядки поперек уклона. Старика, хозяина дома наверху, он не послушал. Что за огород без помидоров. В километре отсюда начинались земли совхоза. Кое-кто держал коров, выпасая на травяной пойме. Он шел с ведром по коровьему следу, подбирая сухие плоские лепешки. Парень с девушкой гуляли вдоль берега.

– Добро, – сказал он, кивая на Максима.

В ответ раздался смущенный смех. Зачем, спросил он себя, здесь случайно такое милое девичье лицо. Будь оно обыкновенным, не ощутил бы неловкости.

В самом низу огорода, ближе к колодцу, выкопал полтора десятка широких лунок. Размоченные лепешки пополам с грунтом дали род горшка. Жена купила рассаду загодя. Соседнюю грядку обратил в парник. Кольца шестерки лежали у гаражей. Бери, сказали шофера. Стояли ремонтники, нам ни к чему. Затылком молотка перебил проволоку на камне в нужный размер.

Концы дуг утопил в землю. Толстую пленку насобирали в походе на свалку вместе с сыном. Муть растворилась в бочке с водой, листья сделались прозрачными, как стекло.

Головки лука жена перед тем, как посадить, вымачивала в марганцовке. У нее были пакетики с семенами. Всяк занимался своим.

Воду Максим поднимал противовесом. Большой самородный розовый камень оплел проволокой, подвесив на бегущей веревке. Ведро погружалось в воду, Максим посылал груз в отверстие. Ему было приятно перебирать веревку руками, налегая корпусом. Неказистый его снаряд очень облегчал работу. Самое трудное состояло в том, чтобы принять ведро, похожее скорее на кошелек, и опрокинуть в мойку. Вода, проваливаясь в шланг, кружилась воронкой с шумом. Двухсотлитровая бочка набиралась за пять подъемов.

– Переноси шланг, – кричал он с высоты.

Жена отрывалась от грядки. Руки ее с трудом справлялись с тяжелой резиной. Камень возвращался из глубины, мокрые розовые бока охладили ладони. Максиму нравилось думать, что его варила мантия Земли, намешав специй из разных окислов. По поверхности были разбросаны прожилки, розовое мешалось с коричневым.

Он лежал рядом с куском бордюра, таким же увесистым, но Максим выбрал его. Насколько Земля искуснее техники, сравнить ли ее составы с заводской физикой, химией!

Уставая, он поднимался на террасу Вид на зеленую пойму освежал, как плеск ветра. Внизу копошились огородники, отрезанные друг от друга клетками заборов. Жудей сбивал новую просторную бытовку. Старая недавно сгорела. Максим пришел утром, никого не было, бытовка низко гудела утробой. Он поспешил к калитке, не понимая, в чем дело. И вдруг она вспыхнула с четырех углов разом. Жудей оправдывался, что не загасил сигарету. Пепел, пройдя сквозь ткань матраса, вьелся в вату. Новую он строил со вкусом, почти как дом. Мечтал купить настоящую дачу, но денег не было. Иногда приводил своего начальника на пиво. Они лениво перебрасывались словами. На пиво слетались мухи.

– Твари такие, где ни сядут – пятно, – объяснял Жудей, накрывая кружку газетой.

– Поедешь в Египет, – обещал старший своему прорабу. – У меня заявка из треста на людей.

– А что строить? – спрашивал Жудей.

– Какое тебе дело. Главное, двойные с чеками. Отовариваться будешь в «Березке». У тебя как со здоровьем?

– Вот, смотри! – Жудей сгибал локоть. Из-под летнего рукава выкатывал бицепс величиной с голову гантели.

– Вот и добро, заработаешь – купишь.

За Жудеем через дорожку песка для прохода огородничали муж с женой. Оба сошлись на переломе лет. Зоя со взрослым сыном от первого брака и Кирия – сам-один. В молодости он и она как два фигурных кирпича, с возрастом – рваные камни. К острому углу нужно точно подобрать изгиб души, чтобы кладка затвердела. Кирия любил землю, но запивал. У него была высокая грудь, голова держалась прямо с опорой на нее. Дед, деливший с ним забор, говорил про Кирию: «На работе как на бабе. Она под ним стонет». Когда же тот уходил к мужикам на перекур, Зоя возвращала его криком. Голос каркающей птицей летел по огородам. Люди разгибали спины, приходя в себя. «Чего орет, – ворчал дед. – Человек хочет выпить, так дай ему на бутылку, тебе же отработает». Зоя, низкорослая, но плотная тетка, ездила на Даниловский рынок с большущей бельевой корзиной. Вместо белья высилась зелень. Меньше сотни не привожу, хвастала она. Это сколько же в сезон, считал про себя Максим. Не меньше двух тысяч. Сам он получал сто семьдесят пять грязными. Из них двадцать посылал своей матери и двадцать свекрови. Без этих денег обе старухи, жившие на нищенскую пенсию, запели бы Лазаря.

Дальше вниз к реке спускалась загородка Гриши. Тот ни с кем не общался. У него были вывернутые наружу красные веки, что производило тяжелое впечатление. Гриша добывал на

свалке брошенные трубы с кусками проволочной сетки. Участок, обнесенный железом, был неприступен.

– А сам ты какходишь? – спрашивал Максим.

– На то секрет. Но тебе можно. Ты мужик чистый, с этими не сравнишь. – Он кивал головой в сторону Кири, с которым находился в постоянной вражде.

Гриша подкапывался под землю соседа. Она рушилась, раздвигая пространство. Кирия каждый раз приходил в бешенство:

– Роет крот. Скоро грядки повиснут над обрывом. Напихать бы ему этого песка в рот до полной сытости, до отрыжки.

Но Гриша смотрел зверем, наскакивать на него с кулаками Кирия не смел.

– Вот моя дверь. – Гриша присел к подошве забора и, повозившись, стал приподнимать неширокий квадрат из сплошной сетки, как крышку люка.

У Максима отвисла челюсть.

– Так иходишь?

– А как жеть, влажу. Зато спокой.

Гриша отвернулся и, прищипнув нос двумя пальцами, громко сморкнулся. Брызги полетели водяной пылью.

– У тебя песок, – сказал Максим.

– Наношу коровяк из совхоза.

– А будет урожай?

– Соберу.

– Да ведь ты один – и строить, копать, выращивать.

– Женщина полезна, ты прав. – Он произносил – женщина. – Только тут тоже не просто, как дверь на мой участок. Нужен порядок. Привожу в дом, думаешь, постель. Это всякая смежет. А ты приготовь обед. На кухне вся баба раскрыта до исподнего. Не оплошает с готовкой, станем жить.

– Найдешь, – уверял Максим.

– Приходят, уходят. Не завтра помирать, Бог даст.

Максим помнил, сожительница у Гриши была. Тот держал ее в бытовке, но кто-то из огородников настучал. Может, и Кирия. Вслед за тем явился участковый: «Кто такая да где прописана». А она и вовсе беспаспортная. На том закончилась семейная жизнь, и тем злее Гриша вгрызался лопатой в обрыв.

Жена купила усы. Клубнику посадили на самом верху, там, где грядки шли уступами. Максим подпер их досками, воткнув колья по краям и в середине. Огород его стоял открытым. Надо было искать материал для забора. Собирать из железа, как у Гриши? Максим представлял себе долгую и муторную канитель с переноской труб и рытьем ям. Сетка была прозрачной, а хотелось укрытия.

На свалку сбрасывали оконные рамы, старые перила, части стропил и обрешетки. Все это приходилось выдергивать из завалов по штуке, связывать в пачку и тащить волоком. Водяной, увидев его труд, подкатил тачку.

– Не ломай спину, насобираешь, опять сочтемся. Сама везет, – добавил он. – Больше нагрузишь, легче толкать.

Тачка была самоделкой с тележными по высоте, но тонкими колесами. По ободу вместо шины шел жесткий кабель. Ось Водяной подобрал из рифленой арматуры, вставив в малоразмерные подшипники.

С техникой дело пошло веселей. Она и есть мера человека, думал он, сравнивая себя недавнего, тянущего груз за веревку, с возникшим колес.

По свалке бродили собиратели. Их руками мусор и хлам сортировался на листовое годное еще железо, дерево для домашних поделок, цветную проволоку, детали телевизоров и при-

емников. Теперь, петляя среди сложенных куч, он не забывал бросать взгляд на тачку: увести – раз плюнуть.

Переваливаясь на ухабах, подъехала машина. Пополам со строительными отходами вывалила рабочую одежду: стеганные куртки, обувь, каски, инструмент. Подтянулись собиратели, среди них Потаи.

– И ты здесь? Я вот тоже. Шура на огороде в сарайке, пока не нужен, чего ни то приберу. – Потаи смотрел на него детскими глазами, радуясь встрече.

Молодым его зашибла лошадь. С конефермы рассчитали, пенсию по инвалидности начислили крошечную, и потому жил иждивением сестры. Пока работал, животные и люди не давали скучать. Отправили на отдых, душа его застоялась и умыслила задушиться. Шура уверовала в Бога, но ходила не в храм, а к протестантам.

– Дали мне Библию, совсем ветхую. Перекладывала много раз страницы по их местам. Первая моя книга. Хватило ума прочитывать, а лишней грамоты и не нужно.

Огородик ее величиной с заплату приткнулся к дому с высоким забором. В углу стоял сарайчик, в котором она откармливала поросенка.

– Придут резать, слово не скажу, как не мной купленный.

– Кто должен прийти? – спрашивал Максим.

– Ночами кто лазит? Ты похож на дилектора. У нас-то как славно, пришел бы посмотреть. Хор и пение, чистый театр. Мой, как от работы отставили, прилачился пить. Где выпросит, кто и подаст. Денег-то у нас кот наплакал. Видят, убогий – плеснут. Я говорю: Потап, пойдем в церковь, там все свои и мы с ними. С тех пор отмяк.

Максим катил тачку, нагруженную доверху. Доски были разной длины. Самые рослые он укладывал по диагонали, мимо груди, упертой в дышло. Больше радовала целая секция от забора вокруг новостройки. Он толкал свою тачку домой – огород был продолжением дома. Рядом трусцой семенил мальчиковый Потап, как сам Максим в далеком детстве привязывался к дворовым ребятам в их затеях и сходках.

Жена посеяла астры. Он заикнулся о ромашках по совету владельца дома.

– Осенью посажу. Поднимутся будущим летом, – объяснила она.

В цветах Максим не разбирался, он следил за жизнью растений, не совсем понимая, как эти слабые листочки и стебли двинутся в рост и принесут плоды. Но время шло. Огуречные плети обвили ребра парника, выбросили цвет, над ними закружились мухи и бабочки, показались и огурцы размером с ноготь. Лето стояло жаркое, огуречное, так определили дед с бабкой, громко рассуждая на тему погоды. Максим усердно поливал свои грядки. Приходила Шура. Сунув палец в почву, нашла недостаток влаги.

– Солнце нынче ярое, вытягивает, воды не жалеи.

Он старался. Стоя на водокачке, озирает даль. У деда с бабкой была дочь, а у той муж – Лешка. Максим с ним пару раз пересекался – то да се, по-простому. А Лешка запускал иголки. Максим вытаскивал ведро с колодезной водой, Лешка наблюдал снизу.

– Слону яйца качает, – громко говорил он деду, не стесняясь округи.

Оба гыгыкали. На их участке стоял небольшой прудик. Сам образовался толчком родника или выкопали, но с ним было очень удобно.

– Давай меняться, – бросал Максим сверху. – Я тебе колодец, ты мне лужу.

– Какую лужу?

– Откуда ты пьешь воду.

«Не пей, Иванушка, козленком будешь», – договаривал он про себя. И пока говорил, тот успел превратиться в козла, угрюмо взирающего на Максима.

Воду из бочек он носил двумя ведрами, сберегая время. Сливал в лейку и разбрызгивал душем. Все отнимало полтора-два вечерних часа. Приходил в шесть с работы, перекусив, отправлялся на огород и только к девяти был дома.

У гаражей стояла бочка на шестьсот литров с вентилем. Емкости у него были, заинтересовал кран, приваренный ко дну. Если установить высоко, соединив шлангом, прикидывал он, можно устроить полив по простой и удобной схеме, как делают во дворах. Он удивлялся терпению Шуры, которая добывала воду из уличной колонки, – она и Потаи, у обоих по ведру в руке, не меньше сотни метров в оба конца. Затем из ведер черпала банкой, обходя каждый кустик зелени.

Сторож взял с него червонец. Вдвоем они переправили бак на площадку, заранее вырезанную на откосе. Тонкий поливной шланг пришлось купить в магазине – свалка ничего не предлагала. Теперь его время текло непрерывно, как струя из этого шланга. И работа, питаемая сиюминутным смыслом, гораздо меньше утомляла.

Однажды на участке побывала ребятня. Шланг был сорван. От крана тянулась сырая дорожка, ближе к бытовке на нетронutom грунте стояла лужа. Больше он уже не наполнял свою бочку, уходя домой.

Радуюсь солнцу и воде, выперли сорняки. Полола жена, проходя тяткой, внимательно, медленно. Он помогал, хотя работа его тяготила. Про себя он называл ее женской. Передвигался внаклонку, позвоночник тлел напряжением, переходившим в боль. Тогда пробовал приседать на корточки, ощущая всю нелепость позы.

Самой упорной травой был пырей – отдавал перья, как ящерица хвост. Однако в глубине таился корень, способный без перерыва выбрасывать зеленые стрелы. В выходные он приводил сюда всю семью. Максим не решался оставлять Игоря на попечение брата. Того не отпускала ватага сверстников. Игорь гулял один. Здесь же оба были под присмотром. Он помнил о колодце и в присутствии детей накрывал его зев тяжелым железом. Подвела бочка, в которой стояла забытая вода. Игорь заглянул через край. Личинки комаров поднимались со дна, пробивая помутневшую толщу. Он засмотрелся, свесил голову вниз и перевалился туловищем. Ему было четыре года. Он утонул бы в бочке, когда б не старший брат, случайно глянувший в его сторону. Игорь забавно открывал рот, нахлебавшись. Максим похлопал по спине, жена отвела к колонке, чтобы промыть лицо. А через несколько дней открылся понос. Врач сказал, дизентерия.

Между тем помидоры его раскустились, стебли набрали толщину и заволосатели. Жизнь сходит на землю семенем, на первых порах тиха и скромна. Но, почувствовав в ней мать, обретает несокрушимую силу. Максим сравнивал ее со стихией, в глубине которой притаился взрыв. Недавние чирышки превратились в зеленые шары. Правда, верхняя половина была разбавлена молоком. Зато внизу цвет своей гущей не уступал малахиту. Но однажды, любуясь плодами, он обратил внимание на черные пятна. Они расплзались, поражая будущую мякоть.

– У нас такого в деревне не было, – сказала жена. – Весь август висят. Может быть, от реки холодная роса по утрам.

Тогда он позвал Шуру.

– Филлоксера. Положила давеча остеречь, ты ведь неопытный. Колгота нападет, думки вразбег. Вот и забыла. Можно опрыскать загодя творожной сывороткой или раствором марганцовки, а то и просто накрывать на ночь. Способов много. Теперь-то уж чего!

– Пропали?

– Ай не видишь! Не тужи. Вперед наука.

Он собрал урожай в тяжелый узел и отнес за околицу. В глазах мелькали коровьи лепешки, молодая пара, шутившая на его счет, горшки, выдолбленные в грунте. Все, малыми переходами удалившись в прошлое, стояло рядом. Оба времени склеились концами, середины как не бывало. Непрерывное везение делает роботом, говорил он себе, взирая на собственную душу, которая была им. Смотрел неотрывно, пока оба они не разделились и холод его взгляда ее остудил.

Игоря отвели в больницу, а сами со следующей пятницы на субботу собрались втроем к теще – жена уговорила. Эта была железнодорожная станция под Владимиром. Долго шли по утопанному песку вдоль изб. Рельсы на высоком полотне уклонялись в будущее. Его населяли города, и каждый был источником дела. Ему стало чуточку грустно. Он казался себе деревом, стоящим на юру.

Теща жила, мало сказать, бедно – грибами и черникой, которые продавала в соседнем райцентре. Печь топила отходами от пилорамы, работавшей неподалеку. Из живности в ветхом сарае пряталось пяток кур с петухом в коротких штанах, и была коза. Угощала грибами с жареной картошкой и луком. Козье молоко отдавало горечью. Из своей малины умела делать розовую наливку, ублажавшую язык.

Максим не пил водку, подозревая в ней уловку дьявола. В молодости принимал по праздникам, не отставая от друзей, но каждый раз с трудом, на задержке дыхания, спеша проводить в горло. Полный стакан зажигал в желудке дымное солнце. Сознание растворялось в безмыслии, сильном и остром. Ощущение длилось недолго, переходя в одурь. Он маялся, ожидая избавления. Вина молодежь не покупала, считая переводом денег по недостатку крепости. Тещина наливка его покорила.

Утром с женой, захватив по трехлитровой стеклянной банке, они отправились за черникой – ради нее и приехали в гости. Дорога вела через обширную низину, влажную, несмотря на бездождье. Жена свою посуду несла в корзине. Лисички и опята не брала, только белые и подберезовики. Ему было странно видеть семейство грибов, миновавших человека. Люди набились в города. Москва, как невод, вобрала миллионы, но ее отнесло за двести километров отсюда. Здесь же было просторно и тихо.

Низина обрывалась лесом. Он стоял на слабом подъеме, поэтому вода подходила близко к почве. Небольшие черничные полянки замыкались деревьями, отрезавшими свет. Небо, голубовато-серое, как туман, заметно угасало у самой земли. Кусты черники были невелички, листики в половину ногтя являли узкий овал. Ягоды висели негусто, нужно было постоянно передвигаться на корточках. Комары неслышно садились на лицо и руки. Он отмахивался, его мучила усталость в коленях, но каждая новая веточка манила к себе, и он забывал тело. Из черных ягод знал смородину, черноплодную рябину и ежевику. Они смешивали сладкое с кислым. Черника была умеренно сладкой и пресной, не набивала оскомины, сколько ни ешь, ее хотелось еще. Всю банку так и не осилил, стоял, наблюдая за женой. Она брала обеими руками, как доярка доит корову. Домой Максим нес обе полные банки. Жена сгибом локтя держала корзину, успевая по дороге собирать плотные и мясистые белые.

В Москве его ждал сюрприз. У подъезда стоял тентованный грузовик, на котором работал Иван, сосед по площадке. Тот частенько одалживался на выпивку. Но всегда возвращал. Летом завод посылал его на уборочную. Он привозил лук, морковь, тыкву, капусту и все, чем богато русское поле. Подпол оборудовал в гараже. Там и держал на зиму. Жена прощала ему водку, считая добытчиком. В этот раз Ивана наградили семенем подсолнуха. Он повел Максима к заднему борту, откинул полог брезента – машина была нагружена до отказа черной свежей семечкой.

– Откуда богатство? – ахнул Максим.

– Краснодар.

– Но как же щедро платят!

– Там этого добра валом, километры подсолнуха. Неси мешок, насыпай.

Семечки Максим покупал на Новокузнецкой, куда по воскресеньям приезжал в храм. Там на задах приютился базарчик. После службы иногда захаживал, покупая квашеную капусту и семечки. Жена брала с уличного лотка венгерский «джонатан» – крупное нарядное яблоко – пять штук на килограмм.

– Все не съедим, – сказала она, кивая на мешок. – Лучше пожарить да продать.

– И куда понесешь? У магазина гоняют.

Ему приходилось видеть бабок с кулечками на ступеньках универмага. Откуда ни возьмись против незаконной торговли всегда вырастал представитель власти.

– Пойду на платформу к электричке. Люди выходят из вагонов, чего не купить.

Она тут же принялась жарить на широкой плоской сковородке. Кухня с комнатой наполнилась запахом подсолнечного масла, дымно густым. Открыли окно под вытяжку. Семечки трещали на газу. Отойти было нельзя, сгорят. Но и убавить огонь жена не решалась ради скорой жарки. Он подумал о кулках, из чего вертеть. Газет не читал. Киоск стоял на остановке. Он спросил у продавщицы «Правду». Ее полотно на развороте давало дюжий размер бумаги.

– Утром разобрали.

– А старую?

– Я у себя не оставляю. Вот, возьми «Пионерку».

Он принес домой несколько номеров, вырезал на глаз прямоугольник с ученическую тетрадь и свернул в конус. Вершину смял и переломил, как всегда делал, чтобы получить прочное дно. Полным стаканом измерил объем – кулек оказался мал. Его края не сходились в замок. При ходьбе жена могла просыпать товар.

Он вспомнил, как в Иркутске тетки продавали с тарных ящичков кедровые орехи. Обыкновенный двухсотграммовый стакан выглядел маломеркой. Его нагревали раскаленной проволокой, затем погружая в воду. Стекло распадалось вдоль трещины, как после алмаза. Понятное дело, кедровые орехи не возили из леса машинами, как семечки. Стакан сжимали и по-другому, с помощью синей изоленты, склеивая усеченные проволокой части. К таким продавцам Максим не подходил.

К пяти вечера жена вышла на перрон с багажной сумкой. Поезда развозили народ после рабочего дня. Она стояла у скамейки, не задевая прохожих, с открытым кулком в руке. Больше подходила молодежь. Парни подставляли карманы. Девчонки толпились стайкой, звеня головами. Семечки были полные и вкусно пахли.

Максим стоял в пяти шагах. Платформа, поезда и люди, торопливо выходявшие на остановке, были те же, что и всегда, но женщина, торговавшая семечками, сдвинула все это в область времени, стекавшего медленной и прозрачной смолой. Он знал, что, удерживая это состояние, соединяет с нынешним вечером ее свежесть, оставленную вместе с девичеством. Оба времени входили друг в друга, делая ее застывшим и длящимся существом. Но стоило ему дрогнуть, как стрелка часов тут же дернулась, наверстывая упущенное.

Через неделю мешок постепенно растаял. Максим щелкал семечки по дороге к участку. Земля пила воду пересохшими устами. К счастью, колодец его не пересыхал, несмотря на упорную жару. Озеро, лежащее невдалеке, питало жилу.

Огурцы созревали так быстро, словно орошающая вода входила в их плоть, минуя почву. Сорт попался изумительный, мелкозернистый, плотный и сладкий, другого слова у него не нашлось, ведь огурцы не бывают сладкими, на то они и овощ. Каким-то чудом элементы земли, воды и света составились в произведение вкуса и запаха. Он приносил домой зеленый лук. Жена варила борщ, щедро заправляя укропом перед тем, как поставить тарелку на стол. Между грядками и косогором вырос ревеня. Дети с азартом жевали сочный стебель.

Семечки вместе с грибами и банкой черники дали сто рублей. Вторую банку съели сами. В соседнем доме жила знакомая со связями – Вика. Работала в жилкомиссии от райкома. Зарплату ей не платили, условие же такое: через два года обещали переселить из коммуналки в квартиру для своих. Муж устроился таксистом. Деньги у них водились, но копейку берегли. Однажды он подхватил Максима до метро – почему не удружить, раз в ту же сторону. А счетчик включил, табачок курил врозь.

– Что значит для своих? – пытал у него Максим.

– Спецфонд для начальства, классные квартиры. Есть всякие, вплоть до однушек, как у тебя. Только в твоей шестнадцать метров, а в той целых сорок. Для нашего брата бывают и трех-комнатки меньше.

Жена поговорила с Викой, та принесла ей пару сапог за сто двадцать. Сколько взяла за комиссию, не сказала.

– Есть цепочка серебряная, – предложила она. – Звено в звено входит сплошняком. У нас таких не делают – отдам за сотку. Заказывай – принесу.

Максим подарил жене на свадьбу серьги с искусственными камнями. Цепочка вокруг шеи очень бы подошла. Но у них на все про все выходило полторы сотни чистых с обеих получек – две бабки, жировка да зиловский холодильник, купленный в рассрочку, – каждый месяц высчитывали по тридцать шесть рублей.

Ягоды поспевали. Время от времени он ходил в пойму за лепешками, размачивал и поливал коричневой жижей прикорневое пространство. Собрался дождь, хорошо промочив землю. Максим сидел дома, радуясь отдыху. Взялся читать – перед глазами вместо строчек стояли водокачка и шланг, протянутый между гряд, чтобы не задеть всходы. За окном начинался и переставал мелкий сеянец. Он натянул дождевик с капюшоном и вышел на улицу, прихватив бидон. Его маленькая плантация вошла в силу. Масса ягод теснила ботву. Надо было собрать урожай тех дней, что он отсутствовал. У колонки рядом с красавицей липой Максим невольно остановился. Весь пятачок вокруг чугунной станины был усыпан звездочками плодоножек. Это была клубника, торопливо сорванная внизу, тут же вымытая и съеденная, как едят чужое. Дед пропал на своем участке, Толя, прораб, – тоже. Иногда они перекликались в глухие часы, ободряя друг друга. Вдоль реки издавна лепились садочки. Там хозяйева дежурили по очереди, охраняя свое добро. Недавно ночные налетчики спилили пару взрослых вишен – легче и быстрее обобрать. Ягоды унесли с его огорода. Он спустился вниз. Тяжелые следы во многих местах пропечатались утюгом на листве. Навестили перед рассветом, когда еще не просто отделить глазами красное от зеленого.

Огурцы не тронули. Делать здесь было нечего. С крыши бытовки стекали крупные капли. Вода, подбираясь к краю, набухала, слегка вытягивалась, повторяя прозрачную драгоценность на невидимой нити. Падала на металлическую решетку у порога, высекая из тишины медленные звуки. Крыша была покатою из брошенного железа, но дождь не пропускала. Внутри стояла тахта – ложе от дивана на тяжелых чурбаках вместо ножек. Он редко сюда заходил, разве что в самую жару. Полумрак создавал ощущение прохлады. Здесь же прятал инструмент, рабочие штаны и кеды. В общем, большой нужды в ней не было. Он сколотил ее по примеру других. Участок без летнего домика смотрелся бы сиротой. Главная польза заключалась в погребе, который он потихоньку обустроивал.

То была его вторая попытка. Первую Максим предпринял в прошлом году Их жилой блок разделяла пополам кирпичная стена. Комната – шестнадцать метров на семью из четырех человек и небольшая кухня. Дети подросли – он переселился на кухню, спал на узкой кушетке, втиснутой между окном и дверью. На ней же и обедал. Подоконник был занят переносным приемником, над головой висела книжная полка. Он до того сроднился с этим местом, что считал его своим гнездом. Так удачно оно вписывалось в квадрат кухни. В конце кушетки у самой двери кто-нибудь присаживался, и Максим убирал ноги. Совсем тесно стало с приходом матери. Разбитая постоянными инсультами, она не могла жить одна.

Рядом находился магазин. Он покупал в нем картошку, всегда проеденную черными пятнами гнили. Жена выбрасывала с очистками треть. В конторе их наряжали по заявкам райкома на овощную базу перебирать свеклу, морковь и ту же картошку. Труднее всего было именно с ней. Она погибала первой. Осенью ее сваливали на цементный пол, верхний слой давил на нижний. Люди ходили по высоким завалам с лопатой в руках и резали, как особую картофельную породу, желто-белые овалы, обведенные темной каймой кожуры. Свекла давала уголь-

ную гниль, глубоко проникавшую в бордовое тело. Капуста расплзлась сверху водянистой блеклой ветошью. Но под ней всегда открывалось скрипучее белое ядро. Картошка была первой недотрогой среди остальных красавиц. Она боялась передержки, ударов, тряски, грубого транспорта и массового хранения. Максим не переставал удивляться, насколько хороша она была свежей и как быстро превращалась в увядшую, сморщенную старуху, побывав в тисках государства.

И он задумал выкопать погреб у себя дома, благо жили они на первом этаже. Сначала снял дверь, ведущую на кухню. Ширина коридора немногим превышала половину метра. Распилил поперек четыре половых доски, сбил из них крышку двумя прочными плашками и стал копать. Грунт насыпал в ведро, сбрасывая в открытое окно. Когда внизу набиралась порядочная куча, растягивал лопатой уровень с чахлым газоном. Никто не интересовался им, да и прохожие появлялись редко, окно смотрело в глухую часть двора. Он влезал в свое подполье, низко нагибаясь, слегка расширяя стороны, стенки не осыпались.

Для двух-трех полных мешков погреба-ямы вполне хватало, а больше они вчетвером за зиму не съедали. Не учел только одного – тепла, проникавшего внутрь через половицы и толкавшего в рост глазки. К весне белые и толстые, как черви, ростки достали пол. Он смотрел на них с жалостью и отвращением. С жалостью понимая, какая сила жизни рвется к свету из его ямы, и с брезгливостью к этим бледным и противным созданиям тьмы.

Теперь он не сомневался, что его запасы найдут защиту у самой земли. Над погребом стояла бытовка. Мороз до него не дотянется. Ради большей уверенности камеру выстлал сплошь толстой доской, пол насыпал из песка. Вот только сумеет ли его бытовка стать надежным сторожем. Навесные замки лихой народ брал ножовкой, петли крушил ломом. Внутренние замки нуждались в сварной раме и дверях, накрытых самое малое трехмиллиметровым железом. Ни о чем таком впрямую он пока не думал. Довлеет дневи злоба его, хотя будь настоящим слесарем, давно бы сработал неприступный запор.

Он подошел к огурцам. Они росли со сказочной быстротой. Собрали ягоду – придут и за ними, подумалось ему неожиданно. Такое обилие все равно не съесть. Кое-что жена закатает на зиму. Вспомнил, что необходимой стеклянной посуды у них две или три штуки – никогда соленьями и маринадом не занимались. Лучше всего продать, как те же семечки, и не откладывая на завтра.

Скорым шагом сделал еще одну ходку вперед-назад за рюкзаком. Небо слегка поднялось, отделившись от суши. Первозданный хаос был всем и ничем, надо было расслоиться, чтобы стать всем. Мысль пришла и погасла. Ее вытеснили гирлянды огурцов. Рюкзак, побывавший во многих передрыгах, не имел сносу. Одна рука держала, другой укладывал. Ощувив тяжесть, утвердил его на меже и с разных концов сносил грудами. Набитый до отказа мешок потянул далеко за тридцать кило. Лямки врезались в плечи. Он согнулся в ходьбе, чтобы уравновесить горб.

Утром оба стояли у метро. От платформы отказались – поезда ходили с большими перерывами. Договорились так: жена станет поодаль от дверей с пластиковым пакетом и ручными пружинными весами, он будет сторожить вход, опустив мешок рядом. Выйдет патруль, Максим даст ей знать. Она спрячет весы в пакет, медленно направляясь к нему. Мент, покрутившись на месте, уйдет в вестибюль, они с женой тут же снова разойдутся.

Все шло, как придумали. Распродав свой пакет, она набирала новую порцию из рюкзака, возвращаясь на место. В первый раз сержант, выйдя на улицу, не обратил на него внимания. Стоит и стоит, мало ли кого и зачем ждет. Его глаза равнодушно скользнули по Максиму. Тот отрешенно смотрел в сторону, зная, что встречный взгляд высекает искры, подобно кресалу у кремь. Снова выйдя из дверей и обнаружив Максима, он не стал играть в безразличие.

– Приезжий?

– Москвич. С чего вы взяли? Жену вот жду. Задержалась.

- Паспорт с собой?
- Не ношу. Случись оплошка, хлопот не оберешься.
- Каких хлопот?
- По восстановлению утраченного документа.
- Понятно.

Сержант вглядывался, запоминая, и снова скрылся в вестибюле. Максим счел за благо убраться отсюда подальше, хотя место ему понравилось. Люди тянулись редкой цепочкой, в основном пожилые женщины. Брали не торгуясь. Огурцы издавали даже не запах, а настоящий аромат, стоило лишь поднести к лицу.

- Давай-ка отъедем остановку. Здесь мы примелькались.
- Говорила же, лучше на рынок.
- А платить за товар?
- Зато спокойней.
- Ничего, осталась половина.

Он прикинул вес на руке, вддел лямки – мешок заметно просел. С рынком он не захотел связываться, боясь потеряться в его толчее иголкой в стоге сена.

Через полчаса все повторилось на той же линии в сторону от центра. Район был спальный, пролетарский. Он предложил устроиться на автобусной остановке, отгороженной стеклом. Сам на всякий случай взял чуть в сторону, упреждая людей в форме, а жена, сидя, держала полную миску с огурцами на коленях. Он прислушивался к говору за спиной. Торговля шла бойко.

- Дачные?
- Не успеваю снимать, лето нынче сами видите какое. Дай, думаю, отнесу.
- И мне тоже. У вас почему?
- Как везде – полтинник.

Возвращались с пустым рюкзаком. Только сейчас туго скрученное напряжение отпустило.

- Сколько? – спросил он.
- Не знаю, около двадцати. – Она открыла свою сумку, заваленную монетным никелем. –

Дома посчитаем.

- Мы не прямо домой.
- Куда еще?
- В ткани.
- Зачем?

– Нам нужен отдел постельного белья. И не ситец, а настоящий белорусский лен, прочности неизносимой.

Обмен

Ученые пришли к выводу, что в основании Земли лежит ядро, и, может быть, не одно. Уже не набор элементов, но свинец, железо и никель, сложенные то ли по порядку, то ли в смеси друг с другом.

Раньше Максим представлял себе ядро Земли в виде мертвенно-угрюмого массива. Теперь понимал, что был неправ. Думал, будто ядро служит балластом, удерживающим Землю на волнах пространства. По такому же точно принципу нагружен обычный корабль. Самый тяжелый груз идет вниз. Он отвечает за остойчивость – пусть паруса ловят космический ветер, им не раскачать планету.

Однако ядро не только балласт, у него есть вторая, более тонкая функция. Пропорция между тяжелым и легким имеет отношение ко всему корпусу Земли. Раз корпус движется, то обязан быть сбалансированным во всех своих частях. Задача равновесия решается просто. В трюм корабля гравитация отправляет самые тяжелые элементы.

У Солнца все по-другому. Его дно наполнено наилегчайшими веществами. Более массивные, уже преодолевшие стадию синтеза, поступают наверх. Однако принцип балансировки не нарушается, опять-таки благодаря гравитации. В центре Солнца развивается огромное давление. Элементы, пусть и очень легкие, с такой силой прижаты друг к другу, что их общий вес в кубическом сантиметре достигает ста и более граммов. Планетарное ядро построено в соответствии с массовым числом самих элементов, их собственным химическим рангом. Пользуясь силой тяжести, они и погрузились в центр, вытолкнув на поверхность то, из чего состоит кора. В звездах, наоборот, не вес элементов, но их упаковка распоряжается верхом и низом. В результате самое легкое ложится на дно, чтобы приступить к эволюции, а на Земле устремляется вверх, желая ее продолжить.

Максим очнулся, пытаясь понять, где находится. Он стоял во дворе здания в Банном переулке. Вся небольшая площадь была тесно заставлена рядами стендов с объявлениями. Здесь Москва вступала в обмен с другими городами – жилье на жилье. Квадратные метры не могли перемещаться в пространстве. Их потому и называли недвижимостью. Но люди обтекали Землю всегда, а в эпоху перемен тем охотнее. Жилой фонд не поступал в продажу, она считалась собственностью государства. Зато возник рынок обмена, на котором стоимость жилья определялась с высокой точностью. Например, Москва ценилась дороже остальных городов. Она притягивала работу и деньги, быстрее ставила на ноги и выводила в люди. Однако перемены вступали в свои права. Москва покачнулась, как трамвай на повороте. Максим не удержался на ногах и вылетел с работы. Теперь перебивался случайным рублем и, наконец, решил привести в движение единственное, что оставалось, – трехкомнатную квартиру. Он выбрал Запад. Побывавшие там люди говорили, что это поверхность Земли. Выбрал тот его кусок, который уже откололся от России в поисках новой судьбы. Западом была Латвия, точнее, ее столица.

Сейчас читал объявления. Риги было намного больше остальных городов. Это настораживало, зато она и щедро платила за себя. Он переходил от стенда к стенду, просматривая все подряд, пока не остановился на очень выгодном предложении: «даю две квартиры вместе с дачей за вашу двух-трехкомнатную». Настоящий подарок. Никаких дополнительных условий не выдвигалось. Он долго стоял, не отпуская от себя воображение будущих жилищных благ, потом переписал адрес с телефоном и направился к почте. На звонок ответил немолодой уже женский голос.

– Меня заинтересовал ваш вариант, – сказал он в трубку. – Есть трехкомнатная. Что вас больше устроит, мой приезд к вам или ваш ко мне в качестве первого шага к обмену?

– Вы бывали в Риге? – услышал он.

– Нет, не приходилось, но слышан.

– Вот и приезжайте. Лучше один раз увидеть. А мне Москва знакома. На всякий случай хотелось бы уточнить, как далеко это от центра. Только ради Бога, не подумайте, что прячусь за предварительное условие. Согласитесь, чем ближе, тем лучше.

– Пятнадцать минут до метро и двадцать поездом.

– О, это мне подходит. Не откладывайте, жду. Сойдете на вокзале, сразу же позвоните. Всего доброго.

Итак, колесо завертелось. Он уже не мог снять ногу с педали. Рига смотрелась обычным городом, впрочем, немалым для такой крошечной страны. И слегка напоминала Москву своими разбросанными кварталами. Даугава была украшением. Деревья стояли не вдоль улиц, а в парке, полном жасмина. Ни на что не похожим оказался Старый город – осколок Европы. Все остальное немножко пахло благородной нищетой. Горожане общались по-русски. Он обратился к прохожему, как пройти в ближайший универмаг.

– Там ничего нет, вы зря потратите время.

В трамвае смотрел в окно, разглядывая улицы. Людей было немного, он попал в провинцию. Максим вспомнил Иркутск, где спешащая молодежь по утрам, штурмуя вагон, отрывала пуговицы с мясом. Неожиданно сухощавый благообразный старик повернулся лицом к сидящим и громко бросил в глубину салона: «Сфопога». По-русски он говорил плохо, выразить свою мысль целой фразой не мог и, чтобы усилить впечатление, добавил: «Софеты кофно». Ему никто не ответил, но безразличная до сих пор тишина напряглась струной.

Максим ничего не понимал в национальных чувствах. Он принадлежал большому народу, принимая в себя его горе и радости. Горя было очень много. Чего стоила одна война, перебившая население от четверти до трети. Но и до нее искусные портные выворачивали страну наизнанку так умело, что она трещала по швам. Радость стояла невысоко, однако война ушла в глухую тень. Так он думал. Россия, упираясь в континент, напрягала Шар. Где величие, там и сила, которая утверждает мир, а с ним всегда тепло, потому что он – Лето.

Малые народы не имеют силы, поэтому часто превращаются в игрушку больших. Возникают обиды и подозрения. Оставьте нас в покое, говорят они. Мы хотим жить отдельно. Свобода дороже величия. Но ведь и то сказать, нет никакой свободы вообще, самой по себе, безотносительно к остальному. Уходи в пустыню, никого вокруг, там и делай, что хочешь. Как ветер в ушах, дует в левую сторону, дует и в правую.

Человек прибивается к родному племени, племя к человечеству, составленному из разных народов, больших и малых, сильных и слабых. Прибивается, чтобы отдать свободу пустынножителю, получив взамен нечто более ценное – единичное и частное бытие в окружении множества. Все жаждут мира, хотя никто не отменял войну, а те не живут друг без друга. В конце концов мир изнемогает от собственной тяжести, не зная, что делать. И зовет войну – указчицу единственно верного направления. Как только она произнесет свое слово, отринув вавилонские башни, воздвигнутые его усердием, наметит путь, то спустя положенное время снова наступит мир. В его глаза, широко открытые, будет вкраплена цель. Он потерял ее и нашел, как слепой свою палку. Люди ненавидят войну, она сводит с лица земли не одни только башни, не щадит скромные дома, и даже лачуги, и хижины. Но ведь и мир, нагромождая формы, переливается через край, формы растут, превращаясь в небоскребы, то есть создания, скребущие небо. Кому такое понравится!

Сильные делят территории, прибегая к войне. Ничего с этим не поделаешь, война потому и есть, что умеет перекраивать пространство. Сила, как сжатый пар, стремится к расширению. Однако Земля конечна, слабые не могут жить на ней, как им заблагорассудится, вольно и без всякой оглядки, наслаждаясь свободой. У них в запасе несколько вариантов – примкнуть к одному из соперников вплоть до полного в нем растворения или держать нейтралитет, но только при условии равенства воюющих сторон. Нет равенства – нейтральная полоса сокраща-

ется. Нейтралы воленс-ноленс переходят на сторону победителя. Сколько бы кто ни толковал о свободе, она там, где много огня, который превращает воду котла в упругий пар.

Россия, проиграв Первую мировую, потеряла в весе и стала изгоем. Вокруг нее построили санитарный кордон. Никто из стран кордона не возмутился навязанной им недружественной ролью по отношению к соседке. Польша с Венгрией вспоминали прошлые обиды. Но почему Болгария, Чехия, почему Финляндия?

Надо, однако, замолвить слово и о малых. Их много, и, значит, отвечают какой-то важной потребности, включены в межстрановой оборот. Тут Максим почувствовал, что думы его одиноки. Всех трогает маленький человек, как нелегко ему в этом мире, хотя на нем все стоит, им держится. Что умеют малые страны? Сколько ни рылся он в книгах, ничего не нашел. Сами про себя они знают многое, но на большом слуху их нет. Все только о державах – прошлых и нынешних. Сверхдержавы шлют о себе волны новостей такой силы, что колеблют земную твердь. От малых стран бежит лишь рябь по воде. Однако малые проводят границы между большими. Каждую большую можно сравнить с особой площадкой или уровнем. Чтобы они занимались своим делом, не теряя при этом связи с окружающим, нужны мембраны. Человечеству служит не только единство, но и разделение. Мембраны и прокладки как раз выполняют эту роль.

Кто-то поднимается в измерение ума, хочет стать холодным вершителем. Кто-то выполняет работу сердца и похож на огонь, но и без желудка никак не обойтись. Разве не он дает начало огню. Органы могут спорить друг с другом, не во всем соглашаясь по поводу места, которое отведено каждому. Вполне возможно, что клетки желудка хотят стать частью сердца, а сердечная ткань – возвыситься до материала мозга. Однако следует признать, что любое пространство наполнено собственными не случайными формами, и все они огорожены временем.

Перед Первой мировой Англия с Францией, глядя на Второй рейх, бросились поднимать Россию. Разбив Германию, то есть выведя ее из большой игры, одновременно затворили Россию. Предлогом был коммунизм, но не его они замкнули кордоном, а Россию, свою давнюю соперницу, чтобы отныне самим править миром. Мембрана изменила своему значению. Она уже не связывала разные уровни в единый каскад, а напротив, жестко их разделяла. Понятно, что эта роль оказалась не самой лучшей. Одно дело быть посредником, участвуя в живом обмене идей и материи, другое – стоять забором в качестве лимитрофа.

Человечество занимается хозяйством, торгует и ведет войны. Вот три основных вида взаимодействия. Самый жестокий и трудный, конечно, – война. Она опирается на широчайшее поле производственной активности. Иначе не может быть, ибо всякая война падает каменной глыбой с самой верхней точки производства. Чем выше точка, тем ошутимее готовность к удару. Громы и молнии посылают в мир лишь страны, налитые тяжестью очень крупного и сложного производства. У малых стран нет этого груза, они частичны. Их хозяйство ближе к человеку и дальше от войны. А это всегда проще и легче. Масло вырабатывает крестьянин, даже тот, который владеет всего-навсего сохой и подрезает траву серпом. Сможет ли он отлить пушку? Ничего не получится. Все хотят строить сытную экономику как раз потому, что она проще и человечнее. Оборонную машину пусть развивают другие, надсаживая свой народ. Говоря о свободе, имеют в виду легкую, чистую и очень прибыльную экономику, вдали от войны. Но можно ли слабость соединить с миром. Вместе с Россией Восточная Европа была посредницей между полюсами. Отдельно от нее ставилась в позу войны.

Он шел по тротуару, рабочие снимали асфальт, укладывая брусчатку. Камень был одного размера и очень мощный. Подушкой служил песок. Пойдет дождь, оставив лужи на кривизне асфальта, а здесь через швы уйдет в песок. Киянка выравнивала ложе, тесаный прямоугольник вставал в ряд, дорога одевалась в доспехи, как грудь средневекового рыцаря.

Сверился по номеру, дом ничем не отличался от других, вписанных в типовую застройку. В подъезде стоял запах аммиака. Уличные туалеты, как и везде, если и были, то, скорее всего,

сходились к центру, их знали в основном старожилы. Городские власти отказывали им во внимании, как будто движение пищи обрывается на желудке.

Дверь открыла сама хозяйка.

– А я вас давно жду. Нина Павловна, – сказала она, назвав себя.

– Хотел увидеть центр.

– И как?

Максим секунду помедлил.

– Понимаю, город как город.

– Я думал найти здесь немного Запада.

– Это в старой части, у вас еще будет время. Вот, знакомьтесь. – Она провела его по комнатам.

Это была малогабаритка, примерно на пятьдесят с небольшим метров общей площади.

– Говорю откровенно, квартира средней паршивости.

Максим улыбнулся.

– Муж получил. Тогда такие строились. Что вы хотите – в порядке общей очереди, зато даром. Впрочем, стояли мы недолго. Мужа на работе ценили. – В ее лице дернулось ниточка мускула. Она сделала движение рукой, собираясь смахнуть слезу. – Вторую, однокомнатную, мы купили сыну через кооператив. Но это уже спальник. Сын живет у жены. Квартира пустая, почти брошенная, мы можем посмотреть ее хоть сейчас. Вы к нам надолго?

– Несколько дней.

– А где устроились? Не надо никаких гостиниц. Я живу одна, места сколько угодно. Кстати, чем собираетесь заниматься? Кто по профессии?

Максим очень надеялся на дачу – не в видах заработка, а прокормиться, хотя бы первое время, пока не подвернется работа, картошка, зелень, овощи. Интересно, есть ли там фруктовые деревья. Если осядет надолго, поднимет сад. Еще не забыть про погреб, выкопан ли. Впрочем, все это скоро узнается. На даче можно и жить, а обе квартиры сдавать. Вот и деньги, без которых нельзя. В мыслях он не забегал далеко. Годы не телеграфные столбы, стоящие через равные промежутки. Каждый несет перемены и открывает свое. Однако как бы ни складывалось дело, его следует замыкать нацело по правилу тока в цепи. Ничего этого он не сказал, так как в идее обмена заключалась вся его цель.

– Надеюсь преподавать, – ответил он.

– В школе? А специальность?

– Все гуманитарные.

– Языки знаете?

– Немецкий.

– Очень хорошо. У меня знакомые. Одна завуч, у другой сын изучает как раз немецкий. Она и сама немка, но из этнических. Конечно, только корни, больше ничего. Хочет перебраться в хаймланд ради сына. Здесь все очень, – она сделала паузу, подбирая слово, – очень узко. Впрочем, к вам это вряд ли относится. Ей как раз нужен репетитор.

– А завуч? – уточнил Максим.

– У нее в руках штаты, она и директор – хозяйка школы. Представляете, Толя вернулся из Италии, – продолжала говорить хозяйка, – проработал год, хороший специалист, но не смог зацепиться.

– Кто это?

– Мой сын. Держать на должности, так, видите ли, он иностранец, нельзя. И даже не в этом причина, а русский. Опустить в исполнители неудобно, все-таки инженер. Вот и приехал. Сейчас ищет, где устроиться. Жена с ребенком. Ну, в таких делах я не советчик. Взял и взял, ему виднее. Хотя это же не моя внучка, а так хотелось своих.

Больше всего Максим желал бы понять, почему они уезжают. Вопрос висел у него на языке. Но слова Нины Павловны скользили, как бусы по нитке, одно за другим. Она смотрела на него немножечко сбоку, захваченная сменой настроений. Он должен был сам ответить на свой вопрос.

– Вам чай, кофе? Я понимаю, необходимо осмотреться. Не будем торопить друг друга. У меня в первой половине встреча, должна бежать. Хотите отдохнуть с дороги или погулять, тогда ближе к вечеру успеем подъехать на его квартиру.

У Максима был еще один адрес.

– Нет, люблю бродить, особенно по новым местам. Я только оставлю портфель.

– Хорошо, подходите к пяти. Кстати, у вас большая семья?

– Со мной четверо.

– Дети уже взрослые?

– Нет, я поздно женился.

– Выбирали. – Она улыбнулась. – Пока мы молоды, время принадлежит нам. Как вдруг что-то происходит, и уже мы тянемся вслед за ним, оно цепляет и тащит. Останься сын в Италии, я бы уехала к нему. Многие женщины уходят в старость, как в трясину, не умея жить для себя. Что бы я делала одна!

– Время течет по-разному, – сказал он.

– Вот и я о том же.

– Я имею в виду не возраст, а пол. Мужчина и женщина предлагают друг другу то, что имеют.

– Он ей бриллианты, она ему любовь, – подхватила Нина Павловна.

– Не совсем так. Она дарит ему детей, а он ей дом.

– О, вы серьезный человек и крепко думаете.

– Женщина ближе к природе, – продолжал Максим, – та весной покрывается цветами, а летом приносит плоды.

– На его долю что же, только зима?

– Он строит дом, это не просто.

– Маленькая зарплата.

– Помните, как нас учили: «раньше думай о Родине, а потом о себе». Учеба, служба, работа, дома все нет. Зима длилась долго. Когда построил, выяснилось, что от лета ничего не осталось.

Она слушала с напряженным вниманием и уже смотрела не вбок, а прямо, но взгляд был такой пронзительный, что Максим отвел глаза в сторону.

– Все так, все похоже. Вы не совсем обычно выражаетесь. – Она хотела еще что-то добавить и даже повела рукой, но вместо этого еще сильнее сгустила взгляд.

Максим почувствовал, что падает в ее мнению, раскрыв себя. Вместо собранного и практичного человека перед ней сидел любитель слов, слабый, легко уловимый.

– Извините, я опаздываю, – сказала она, – мне еще надо собраться.

Он вышел на улицу, лето проливалось тепло с примесью набегавшей прохлады. Он еще не определил разницу в климате, но она была. Немцы называли эти края – tubland.

Адрес, который он искал, ему дала знакомая: «Мало ли, вдруг понадобится, все-таки страна чужая и едешь в никуда». Дом он нашел через полчаса среди невысокой застройки. Двор открывался калиткой, по периметру шли выгородки под навесом, набитые дровами. Печное отопление, подумал он. Ему показалось, что машина времени отвезла его далеко назад. Но середину двора украшали клумбы с цветами, машина шла зигзагами, выхватывая разные эпохи. Максим постучался, объяснив, кто он.

– Входите, – пригласила женщина его возраста. – Наташа, – сказала она.

Угол кухни занимала печь. Плита была заставлена стеклянной посудой с ягодами: рябиной, крыжовником и черной смородиной.

– Готовлюсь зимовать. Картошки с капустой нам хватит на зарплату, а витамины уже не купишь.

Рябина спорила с полусветом окна, в котором не стояло солнце.

– Мы с вами по-разному смотрим на будущее, – сказал Максим.

– Что такое? – спросила она с легким колебанием в голосе.

– Я думаю о каше с маслом, вы о витаминах.

– Создаете запас из круп? Если так, вам еще труднее.

– Пока нет, но когда вывернут руки, лучше крупа, ее можно хранить.

– Неужели дойдет до хлеба? – спросила она с тревогой.

– Почему нет, ведь все уже было.

– Да-да, вы правы. Войну я не помню. Мама работала в госпитале, здесь и осталась. А сама она из-под Ярославля. Все мы думали, самое плохое ушло. Не представляю, что будет с нами.

– Хорошо тем, кто начинает с самого трудного, – сказал он. – Например, нам с вами.

– Вы о чем?

– Ну как же! Детство совпало с концом войны, оно все принимает, даже снаряды и бомбы. Раз дано, значит, так все и устроено, чтобы летели снаряды. Потом человек растет. Это всегда захватывает. Но вот что интересно. Не только он, но и все вокруг вместе со страной идут в гору. Он совершает двойной подъем, свой собственный и ее.

– Моей дочери тринадцать, что скажете о ней?

– Прекрасный возраст, впереди неизвестность, притом большая. Время выбора: направо пойдешь, налево пойдешь. И не от случая к случаю, а происходит постоянно, тренируя внимание. Зато весь негатив проявляется. Пленку можно легко читать, это очень помогает. Кроме того, сам возраст еще несет вперед, почти без всяких усилий. Несет и открывает. Вы должны радоваться за нее.

– Вас послушать, мы пересекаем лучший из миров.

– Не самый лучший, он подобран для нас.

– Хорошо, а мы с вами? Страна и годы, по-вашему, выходит, двойное падение.

– Нельзя же все время расти. Полвека росла, наконец устала. Хочет быть легкой, надеется на вторую молодость.

– В чем же легкость?

– Избавляется от республик.

– Скорее они от нее. Латвия всегда тянула в сторону.

– Она могла тянуть сколько угодно, пока не сложилось общее настроение.

– Большинство против распада.

– Большинство – это кто?

– Обычные люди.

– Почему они всегда говорят одно и то же. Нас не слушают, мы ничего не значим. Решает не тот, кто хочет, а кто может. Может меньшинство. Что касается нас с вами, тогда мы были детьми, теперь их имеем. Будем стараться. Вы чувствуете уклон?

– Конечно, нет уже тех сил. Мне много не надо. Но дочь!

Они сидели в комнате, небольшой и уютной, хотя и очень заставленной. Везде этажерки и полки. Но не с книгами, а все красивые безделушки – мелкая бижутерия, вышивка, игрушки. Она проследила его взгляд.

– Кончила художественное училище. Люблю спокойную работу, чтобы никого над душой. Сейчас при храме, иконы, облачения. Платят очень мало, но нигде больше не берут. Православного народа немного, все протестанты, откуда быть деньгам.

– А комиссионные магазины?

– Не пробовала. Надо все остальное бросить, а храм требует времени. Вот, может быть, она.

На столе стоял карандашный портрет то ли взрослой девочки, то ли совсем юной девушки.

– Ваша работа?

– Нет, ее собственная, с помощью зеркала. Она у меня способная.

– Арбат облюбовали уличные художники, шестнадцать рублей за лист.

– Ей еще рано, пусть учится. Вот вы говорите меньшинство. Оно что же, умнее остальных, поступаая наперекор им?

– В каждой стране по-разному. Где-то человек открыл лавку, та выросла в магазин, дальше больше. В конце концов, самые успешные ворочают миллионами – заводы, фабрики и так далее. Их горстка, но ведь даже крупная голова всегда меньше тела. Только потому и венчает, что меньше. Говорят же медики, клетки мозга самые крупные из всех. А что у нас? Комсомол, партия, молодой парень проводит собрания. Все на него смотрят как на придурка. Чего полез! Иди в инженеры, техники, строители, создавай машины, будь изобретателем, а он ведет собрание. Свой диплом, конечно, получит, зачем же оставаться пустым. С ним еще быстрее вверх по ступенькам. Но лестница уже партийная. Что знает? Ничего не знает. Он вожак.

У Максима в голове возникло фотографически четкое изображение. Время от времени людей посылали от их конторы на общественные работы. В тот раз суждено было очистить новостройку от мусора. Ее называли сдатка. Дом элитный, с квартирами в двух уровнях. Уже средневысокое начальство расселось широко не только в креслах, но и в быту. Окучивал посланных инструктор райкома, щуплый и острый, не то парнишка, не то мужчинка, мужок. Между делом останавливал ладно одетых: «В загранке бываешь? Ты вот что, привези мне джинсы». А пригоняли всяких, в том числе и ездунув. Напарник Максима, с которым он таскал носилки на фасаде, проработал год в Индии, привез кожаную, подбитую изнутри великолепную куртку. В соцстранах таких не делали. Мужок подходил к нему:

– Знатный прикид, почему?

– Так ведь рупии.

– Ах, рупии. Издалека видать, не рубли. Привезешь?

– Больше не шлют.

Вожак смотрел пристально, прозревая обман, и отходил недовольный. Второй раз Максим встретил его в школе. Шла избирательная кампания, проверяли списки голосующих. Мужок узнал его, пробурчав что-то с язвой в голосе. Понятно было, что такие, как Максим, сдавались на всякую потребу, маленький, никакой.

– Что может компартиец, – сказал Максим, продолжая. – Государство есть и всегда будет. Государственники не приходят из-за угла, скрадом, беззвучно. Минута подошла такая, что нужна самая высокая проба. Но кто выйдет из ряда? Выходимцы. Они и поведут большинство, других не готовили.

– Решился же он на перестройку.

– Как мальчик, не муж. Все ли взвесил, по Сеньке ли шапка? Куда заглянула страна на сломе НЭПа? В миллионы смертей. Да и сам НЭП пророс из внутренней бойни. Перестройка по такой крутизне перехода съест не меньше.

– Но почему? Люди ведь совсем другие. Сколько у каждого за плечами!

– Вы думаете, стоит их научить добру, они такими и станут. Нас учили другому. Герой делает дело, вот и все. Пятилетки выстрадали среднего человека, всех остальных прибрали. Теперь нужно крепко сбитую массу одинаковых людей превратить в разных. Этот вверх, тот вниз. Рынок состоит из отдельных людей. Нельзя же все наработанное разделить поровну.

Лучше всего, конечно, по совести, а потом дать старт, как тараканам. Кто прибежит первым, тот и выиграл. Первые уже есть, они только ждут сигнала.

– Кто это? – спросила она.

– Вожаки, я же вам объяснил. И другие тоже, легкие, быстрые, умеющие скользить по эстакадам власти.

– Вниз провалится большинство?

– Разумеется, как иначе уйдет свечой вверх избранное стадо. Ведь со стороны никто ничего не даст, чтобы поднять больших, не обидев малых. Я думаю, посторонние, наоборот, пользуясь неразберихой перетасовок, залезут по локоть в Русь. Больше всего потерь в межфазовых переходах.

– Но согласится ли большинство лечь на дно? В тридцатые годы именно оно поддержало курс на середину.

– Вы говорите оно, а это была деревня, восемьдесят пять процентов. Ее и заклинили. Конечно, не хотели, да голод не тетка, съешь и колхозы. Другое дело, что из них со временем получились средние. Город всех беглецов подравнял в рабкласс.

Повисла пауза. Максим рассматривал замысловатые заколки в виде жуков и бабочек.

– Вы здесь по делу? – спросила Наташа.

– Приехал ради обмена.

– Неужели Москву на Ригу? У вас здесь корни?

– Нет, просто много дают.

– Вы хорошо подумали?

– Пока еще знакомлюсь. Как по-вашему, что это за люди?

– Плохого отношения к себе не замечала, но я скромный человек. Как бы это сказать... не отбрасываю густую тень.

– Сквозь вас проходит свет?

– Ну что вы, просто никому не мешаю. В этом доме меня знают, здесь много латышей. Вот представьте себе два разных народа – это одно, а Наташа и Марта – совсем другое. Мне трудно, да и ей нелегко. Мы все чувствуем и все понимаем. И вот еще что. Когда нас много, тень становится плотнее, каждый заслоняет солнце.

– Понятное дело, мы не на экваторе.

– Им достается меньше, по крайней мере, они так думают. Россия велика, у нее все очень крупное – заводы, аэродромы, порты. В Латвию такие вещи входят с трудом, – она подыскивала сравнение, – вот как мужской кулак в женский декоративный карман. Они жалуются, дескать, природа не рассчитана на такую тяжесть. Выйдут из состава, построят маленькое государство, оно будет намного лучше прилажено.

– К природе? – перебил Максим.

– И к ней тоже, вообще к каждому человеку.

– Россия прилажена к народу? – Максим хотел понять ее мысль.

– Вот-вот, а они хотят к людям и дойти до каждого.

– Разные масштабы?

– Можно сказать и так.

– Но ведь если уйдет Россия, что станет с русскими? Будет ли новое государство прилажено к ним или только к своим?

Она смотрела на него, взвешивая тяжесть вопроса.

– Вы знаете, очень много накопилось. Думаю, к своим. Но и от самой России будет кое-что зависеть. Если очень ослабнет, нам придется несладко.

Она принесла две белые расписные кружки.

– Будем пить чай.

Девушка в национальном костюме легко ступала по стенке из фарфора.

- Как смотрится?
- По-моему, неплохо, но я не специалист.
- Пробуем вместе с дочерью – надо как-то выживать.

Он пил чай с вареньем из черной смородины. Было очень тихо. Ни трамвая, ни автомобилей, ни уличного говора.

- Здесь как в деревне, – сказал он, – где же люди?
- Вы привыкли к Москве. Это совсем другое.
- При царях разве не жили вместе, – снова начал он, – двести лет и ничего.
- Тогда и Россия была не та. По сравнению с этой меньше.
- Наоборот, больше вместе с Финляндией и царством Польским.
- Вы говорите о территории, я о начинке.
- Но как же без нее в наше время? Здесь нет, например, тракторного завода или экска-

ваторного, словом, по-настоящему чего-то тяжелого.

- О чем вы, им даже ВЭФ не нужен!
- Чем тогда будут жить – ни своего чая, ни вина, не пахнет лимоном и лавром.
- Рижский бальзам, – усмехнулась она. – Вольются в Европу Близость к ней считается самым главным. Сюда уже приезжают шведы и немцы по старой памяти. Но мне кажется, ничего интересного для них нет.

- Значит, мост между двумя мирами?

– Не знаю, ума не приложу. Мост нужен России, и не один, а много. Если все республики от Прибалтики до Закавказья сбегут, она что же, опять будет наглухо заперта, как до войны? Все стремятся жить своим обычаем.

– Стать изящной и малой формой, – подхватил Максим, – как вот эта девушка на фарфоре.

- Хотите сказать, кто ее будет ужинать, тот и станцует?

– Не знаю, как насчет Украины, очень немалая страна. Но все остальные, кто их пригласит на ужин?

- Европа, – засомневалась Наташа. – Все-таки...

- Что все-таки?

- Возраст.

- Тогда не знаю кто.

– Вы подумайте, – сказала она, прощаясь, – стоит ли переезжать. Если у вас будет время, приходите.

Максим двигался к трамваю. Остановка служила ориентиром. Приятнее всего он чувствовал себя на прогулке, шел, не уставая, сколько угодно. Рельсы вели к центру. Рассматривал местность, не удаляясь от них. Ему хотелось вобрать в себя не только вид, но и тайный запах, которым пахнет душа чужого города. Людей не было, без них невысокие дома смотрели угрюмо. Наконец в палисаднике увидел группу подростков, что-то обсуждали.

- Как пройти в центр? – спросил Максим.

Ребята повернулись к нему и долго смотрели, не говоря ни слова. Он почувствовал себя выходцем с того света.

Про себя он делил народы, как стрелка компаса круг. Между Севером и Югом самая большая разница, она указывает на распределение тепла по Земле. Между Востоком и Западом разница меньше и определена соотношением континентальных и водных масс. Запад примыкает к воде, Восток к суше. Вода моложе, она промежуточный флюид, течет по склонам, повинаясь притяжению, но легко уходит паром вверх при нагревании. Народы не могут не ощущать направление, в котором лежит ось Земли, и, конечно, взвешивают своей судьбой свойство твердого и жидкого, тяжелого и легкого. Взвешивая, выбирают лучшее. Народы Юга живут

сердцем, оно впитывает солнце и становится таким же горячим. Север – умом. Запад берет на вооружение океан, добавляя к собственному уму его энергию.

Что такое Балтика? Край, где конец океану, начало суше, обрывается Запад, медленно встает Восток. Земля, по которой он шел, была смесью Севера с Западом. Запаха сердца не чувствовалось. Стояла середина лета без всякого признака жары. Летом, он знал по опыту, сердце стучит громче, легко обнаруживая свое присутствие. Конечно, кожа обгоняет сердце, но оно умеет напомнить о себе словом, улыбкой, взглядом. И если они хороши, запах кожи приятен. Женщины пахнут духами и кремом. Это тоже работа сердца. Так оно общается с людьми. Дети пахнут свежим бельем, которое полощется на веревке ветром. Тут он вспомнил о ребятах, немо и твердо смотревших на него в палисаднике. Запад наставлял их на ум с младых ногтей. Они еще не были враждебны, ведь вражда – это чувство, хотя бесчувственный может быть еще откровеннее, чем сердце без мысли.

В Старом городе он зашел в столовую. Это не был «собачник». Взял рисовую молочную кашу, творог со сметаной и кофе. Из выпечки предпочел марципан. Свет падал в широкие зальные окна, кассирша поторапливала очередь, голос с приятным акцентом звучал по-деловому, не вызывая раздражения. Он встал, зная, что больше не появится здесь, обвел взглядом обстановку, запоминая настроение, навеянное ею. Это было легко по контрасту с тем, что видел в Москве. Там всюду были проходные неказистые едальни для случайного люда и рестораны с их особым шиком. Общепит промежуточного класса отсутствовал, и это в стране, искусственной в отливке среднего человека.

В подземном переходе стояла девушка.

– Как вы думаете, что самое главное в жизни?

На столике рядом с ней лежала Библия в окружении нарядных буклетов.

– Вера в Бога, – ответил он.

– Тогда возьмите вот это. – Она протянула буклет.

Он слегка отпрянул, почувствовав запах табака.

– Вера начинается со встречи с Богом, – сказал он.

– Верно, лицом к лицу. Если Он с нами, мы служим Ему.

– Заповеди?

– Да, не убий, не пожелай чужого.

– Забудь алкоголь и табак, – добавил он.

– Вы курите? – спросила она. – Надо бросать!

– Я – нет.

– И я тоже.

Максим задержал на ней взгляд чуть дольше обычного. Ее лицо продолжало говорить отдельно от чувства неловкости.

Ему показали место, где были построены баррикады. Народ хотел защитить свой город от нашествия иноземцев. Максим не мог понять, из чего все это сделано. Трактор привез готовые бетонные блоки, расставленные не стеной, а в виде лабиринта на очень узком участке. «Better dead than red» – кричала надпись в одном из отсеков – «Лучше мертвый, чем красный». Лет пятьдесят назад здесь еще жил культ немецкого языка и Германии. О своей ненависти к красным никто не заявлял по-английски. Но та страна, обутая в сапог и ботинок, утонула в прошлом. Новая хотела выпростаться из-под тотальности. Зато в моду вошли Североамериканские Штаты, продолжение Великой Британии, а вместе с ними вездесущий английский.

Все было игрушечным и показным. Люди хотели лучшего, и потому его торопили, избавляясь от плохого. Плохое росло в направлении к Востоку, там, где лежал кряж континента. На Дальнем Востоке вдоль основной магистрали оно, наоборот, убывало. После Иркутска железная дорога бежала веселей. Ее манил океан, на который смотрели разные народы, вытягивая голову. Уже на Хабаровск веяло его дыхание. Рядом великий Амур стремил свои воды. Про

Владивосток нечего и говорить. Япония звучала в приемниках. Морские суда деловито собирали в город золотую пыльцу со всего окрестного мира. Хорошее текло на Запад, лучшее достигало его кромки опять-таки по зову океана, получившего свое имя от легендарных атлантов.

Москва стояла на первом месте. Но ведь она столица. Кстати, красные, которые хуже мертвых, не все стянули в Москву. После войны крепко отстроились Киев и Минск, да и другие города. Нельзя сказать, что красные любили Россию. Она была их дойной коровой, но если бы и любили, что толку. Время отжимало их в сторону типового, однотонного, среднего, к смеси белого с черным, высокого с низким. Хочешь или нет, делай, как оно велит. Первые красные желали абсолютной власти, поэтому шли вслед за пятиконечной звездой. К среднему они питали неистребимую ненависть, оно означало сжатие к центру и уничтожение в нем как плохого, так и хорошего. Какой же при этом вид получила бы власть? Например, шар. Что им правит? Центр. Но он как раз и испытывает наибольшее давление. Нужно бинарное строение. Есть только вершина, узкая и острая, достающая до звезд. Все остальное минус, уходящий в кромешную тьму. Пусть пребывает там вечно. Никто не собирается подтягивать его хоть на ступень выше, иначе придется оставить звезды. Однако средние напомнили о себе первым красным, потребовав смены хозяйственной политики. Новая была так нужна, что первых красных переселили к мертвым, расчистив место вторым. Те тоже были не сами по себе, они держались за Россию, которую сторожил Запад. Ему, кроме двух оконечных миров, нужен был средний, чтобы связать все в целое. Вторые красные, не желая идти вслед за первыми, стали классово усреднять страну, но уже не через деревню, как в годы НЭПа, а делая ставку на социал-пролетарский город, пригибая деревню. Город, пусть даже только подтянутый к середине, уже не третий мир, а смычка между Западом и Востоком, океаном и сушей. Бывшие имперские окраины отставали в своем развитии от собственно России, они были ее внутренним третьим миром. Поэтому им доставалось больше самой России, чтобы быстрее приблизить к среднему. Странам Балтии добавляли еще и сверх того по условиям географии. Чего не дашь псковичам с новгородцами, страна не бездонный колодец, да и свои потеряют, в том не откажешь им.

Он шел по городу, продолжая размышлять. Вторые красные сделали свое дело, Россия свернулась в замкнутую плотную фигуру. Верх и низ разделяло уже не безграничное пространство, а радиус, где короче, где длиннее по условиям кривизны. Периферия всегда более случайна, чем центр. Он пытался представить себе будущее. Чем крупнее объект, тем проще увидеть его во времени. Отдельного человека увидеть почти невозможно, так быстро он меняется. Недавно Максим встретил однобригадника, семь классов школы, пятнадцать лет тюрьмы. Напиваясь, тот горланил чуть ли не женским голосом «гоп со смыком» или сидел у костра, подкладывая бэушные доски. Максим забыл о нем напрочь, уволившись из стройуправления. Сошлись на остановке. Это был Соловей, только не тот изломанный и конченный зэк, а совсем новый человек.

– Пить больше ни-ни, работаю.

– Кем же? Зашлепываешь бетон?

– Зачем, я сварщик, они нужны, варю газом. Зимой сыро, током бьет – перешел на газосварку.

На нем была шапка из нерпы, лицо очистилось от тюрьмы и запоев, глаза наполнила синева. Это больше всего поражало.

– Да тебе сколько лет?

– Полтинник разменял.

– А переменялся отчего? Сам или кто помог?

– К Богу пришел, все Он.

– Ты от себя ничего не приложил?

– Нет, Он подобрал, как издыхающую собаку.

– Не чернику ли ешь? – снова полюбопытствовал Максим.

– Откуда!

– Глаза синие, молодые.

– Ни одной книги не прочел в жизни, только сейчас Новый Завет. По глазам никто не бьет в драке, вот и выправились.

Засияли, подумал Максим.

Страна намного-много крупнее человека, каждый ее шаг отмеряет столетие. Что уж говорить о сонме народов. Казалось бы, движение этой массы, медленное и неуклонное, легко предвидится. Однако гадают о человеке, редко о народной судьбе и никогда о человечестве, кроме общих слов по поводу развития. Попадался ему Нострадамус – жалкие средневековые писания. Почему люди так носятся с этим именем? Читать по ним будущее все равно что ртуть превращать в золото, лучше держать в голове физику с геометрией – просто и надежно. Неслучайно люди Возрождения шли путем науки. Когда-нибудь опять расцветет алхимия, что было, то и будет, только не подряд, а через раз. Разы пропускают друг друга, истощив свои силы, как в стае перелетных птиц меняются местами вожак и замыкающий.

Пока у всех на устах наука. Впрочем, Максим с удивлением обнаружил, что под тонким слоем образованности шевелится тот самый Нострадамус. Михаил был обычным человеком, хотя и стал генсеком. Ладно, что стал, однако задумал из ряда вон выходящее, и люди смутились, пытаясь связать его имя с древними пророчествами о конце света.

Максим рассуждал просто. Среднее закончилось вместе с равенством, теперь из самой ее гущи будут вырастать и удлиняться концы, они и создадут новое русское человечество. Там, где равенство, никакого пространства нет. Если все одинаковы, нет смысла проводить границы, распределять места. Чем теснее одно тело прилежит к другому, тем лучше соблюдается всеобщее единство. Есть и бывает не то, чего много, но что отлилось в особую форму. Поэтому равные и средние легко уживаются с теснотой. Когда концы развернутся в противоположные стороны, нулевое место превратится в объем.

Шел наугад. Отсутствие деревьев на улицах угнетало. Людей тоже не видел. Решив, что может заблудиться, повернул назад. Куда все подевались – была пятница. В Москве он искал уединения, здесь его было сколько угодно. Почему не жить без всякой спешки, подумал он, как плавают утки в большом пруду. Можно прийти в парк и долго дышать жасмином, никто не присядет рядом, не заговорит. Город накрыт прозрачным колпаком покоя. Зима приходит на смену теплу, и люди еще глубже забиваются в дома и дворы.

Самое лучшее время – начало перемен. В нем прошлое смыкается с будущим, настоящее исчезает. Прошлое стоит, предлагая себя, как стартовая площадка, к рывку. Человек еще не знает, что рывок означает разрушение основ. Опрокидываются не вещи, а вещьность, ее порядок, устройство. Но и в самих переменах нет ничего обещанного, они несутся, сорвавшись с цепи. Начинаются человеком, заканчиваются в несусветной дали от него. Разве знали первые красные, куда их приведет мятеж? Нет. Начало было положено оранжевыми, а еще раньше заседал Временный комитет, который мнил себя точкой соединения разных времен. Искатели будущего шли по головам своих предтеч, не понимая, что ветер перемен погружает сначала в оранжевое, потом во все более красное, пока не утопит в крови.

Маятник отступает от среднего положения тем дальше, чем длиннее. Какова же была длина по такой стране, как Россия. Если он снова пришел в движение, как сейчас, спрашивал себя Максим, то где и когда остановится? На подходе еще одна волна красных. Деды отменили собственность, пустив под откос всякое дело. Что предпримут внуки, отправляясь в затяжной полет? Там не было денег, остановилось хозяйство, здесь забурлит свержынок, все деньги сольются в огромную воронку власти, то есть тех самых новых красных, которые не научились у предков опыту смерти. Если все деньги в одних руках, то какое же производство и какое развитие. Даром что свержынок, а именно он и придет, имея в виду длину маятника. Ведь по сути, как и тогда, все упрется в мешочников.

С точки зрения вечности прошлое и будущее равнозначны. Между собой они соотносятся как разные единицы масштаба. Их строение по главным пунктам и линиям повторяется, однако по внешнему виду совсем не похожи. Сходство тем сильнее затуманивается, чем дальше они друг от друга. Не только сходство, все меньше становится общих несущих узлов, по которым можно узнать родство двух фигур у единого хроноса.

Возьмем ту же физику. Основатели приняли за точку отсчета массу. Кому могло прийти в голову, что ее роль в мозаике мира определяется масштабом. У микрообъектов на первый план выдвигается энергия, ее заряд. Отсюда дискретность, квантовые состояния и так далее. Реально ли было предвидеть те формы, в которые отольется резкое уменьшение масштаба. При этом классическая физика, поначалу наморщив лоб, снова его разгладила. Так же примерно обстоит дело с историей. Тут уже не динозавр по костям, а неизвестное существо по яйцу, то ли черепаха, то ли птица.

Максима интересовала цена. Будущее всегда дороже прошлого. Дороже, так как берет больше, ведь оно само превосходит его размерами. Зато прошлое в такой же мере плотнее, в какой и меньше. Сколько жизней съела борьба за власть в начале века, никто точно не знает. Разное говорят. Предстоящая смута будет стоить намного дороже. Но форму примет, должна принять из-за своеобразия обстановки, непредсказуемую. Конечно война. По когтям льва, по числу жертв узнают ее. Внутренняя, гражданская, не горячая, как тогда: класс на класс, низы против «верхних десяти тысяч». Их легко было столкнуть лбами. На одной стороне деревня, на другой Россия, забежавшая далеко вперед. Не было у страны среднего класса, чтобы свести оба конца в одно. Он уже возникал, наполняя города. И постепенно наполнил бы в условиях мира, однако эти условия порождают безвременье, как всегда при наступлении тишины и покоя. Лишь войны закручивают время в пружину. Если не горячая, то какая, спрашивал он себя. Холодная гражданская по образцу внешней, которая длилась последние полвека. Холодные как раз и тянутся. Это как сухая колода, не горит, а тлеет, выедавая древесное нутро. Оставишь на ночь, утром куча золы. Горячая испепелит страну. Сейчас это вряд ли возможно. Вся страна состоит из средних. Окраины тоже – Азия, Кавказ. Чем мельче, тем ближе к огню.

Вечер опускался в безмолвие улиц. Иногда все-таки мелькал прохожий. Максим надеялся сойтись с ним встречным шагом, но тот исчезал в одном из дворов. Дома, построенные немцами, выдавали себя как кусочки Германии, густо вкрапленные в городской план. Он вспомнил хронику. Немец гнал перед собой бойцов Красной армии. Гимнастерки, лишенные ремня, пузырились. Все были на голову ниже конвоира. В жизни разные. Этих подобрали, как спички в коробок.

Однако что же будет со средними? Вопрос то пропадал, то возвращался. Он смотрел на дома, стараясь понять их хмурую душу. Знал, что придется отвечать на вопрос. Легко было нацелить один конец на другой, острие против острия, как говаривал Мао. Противосущности. Сблизить, чтобы проскочила молния. Они как раз и нуждались в молнии, говорили о свободе, хотели одержания. Где лежит решение обратной задачи – развести средних на противоположные позиции: этих к свету, тех в преисподнюю. Будет линия, жирно проведенная у начала и все более тонкая и прерывистая в конце. Ведь совсем не шуточное дело опустить большинство. Вместе учились, работали, кто-то поспособнее, пожалуйста, но все люди и человеки, граждане великой страны, есть чем гордиться, талантливых у нас много. Вдруг он – хозяин, делец, промышленник, миллионер, я – наемный работник внутри современного эргастерия, размазан по земле, как мокрица, вместе с необозримой толпой других, точно таких же.

Он давно понял, что проще складывать, чем вычитать, и умножать, а не делить. Вообще всякое отрицание, удаление, выбор, апофатика есть прикосновение к неизвестному, так как раздвигает пространство. Раздвигая, низводит большое к малому, ибо странно, но факт – малое требует для себя широкого пространства, большое довольствуется ничтожным, ввиду своей исключительной плотности. И как же будет делить, спрашивал он себя. Очевидно, уменьшая

общую массу, накопившуюся в результате долгого сложения. Проведут через массовую безработицу, распахнут двери абортариев, кто-то уедет, старики тихо истлеют в своих углах, покинутые чадами. Естественно, все будет новым вплоть до середины, которая никак не повторит бывших средних. Те расточатся, уйдут в небытие. Столкновения будут, причем в острых формах – так называемые боестолкновения, если пользоваться языком военных уставов. Дробь затяжных конфликтов, рассыпаемых холодной гражданской. Как не пролить крови, если тело уже на столе и предстоит полостная операция.

У неравновесной структуры гораздо больше шансов, когда маятник начнет с грохотом биться о стенки футляра, разбивая часы. Ему хотелось знать, один ли он сейчас перед лицом России, или многие стоят, вопрошая. Славно было бы, объединив усилия, найти ответ, прокричав его остальным. В далеком прошлом он разговорился с простым советским человеком. Нарисовал ему будущее, уже многое было видно. Тот слушал, внимание сменилось испугом.

– Да ведь ты переодетый шпион! Забросили сюда вредить. Сдать бы тебя, открестись, чем я докажу!

– Никто меня не забросил, я думал своей головой. Шпионы давно перевелись, что им тут делать. Мы сами без них туда придем.

Он еще не раз заговаривал с теми, кто жил одним днем, – никакого толку. Шло время. Люди уже не принимали его за чужого, но отмалчивались. Другие возражали: «Мы не живем, как все, постоянно спрашиваем себя, что делать. Национальная черта». Он не соглашался. Если подходит к самому краю, все спрашивают. Так устроены люди и их народы. Только люди думают, а народы чувствуют, передавая свои чувства людям, которые обращают их в тревожную мысль.

Неравновесная структура противится среднему. Если пойдет до конца, оставит лишь верх и низ. В таком случае найдется ли место рынку. Вся перелицовка затевается ради него. Решит, как всегда, власть, создавая верх сверху, пользуясь неподвижностью средних. Неужели снова учитель? Он понял, что идет по кругу. Мысль не могла подняться выше все тех же красных, которые упорно возникают при вскрытии народного тела. Греки придумали аналогию. Следуя ей, придут четвертые, они и уничтожат третьих, как перед ними вторые – первых. Вторые создали военное производство в ответ на угрозу Запада. Что станут делать четвертые? Снова займут оборону? Ведь вызовы только умножатся, как всегда при срыве равновесия. Снова внешний холод со всех сторон, направленный на истощение. Он терялся в догадках. Людей все меньше и меньше, без них ему грезилась пугающая пустота одичалых пространств.

Смеркалось. Ближе к центру стали попадаться прохожие. Опять надо было перекусить. У Нины Павловны чай, подумал он. Ему представлялось неудобным разделить с ней ужин. Зашел в столовую. Старый город лежал в другой стороне, а там, куда завернул, работала обычная столовка. Выбил гречневую кашу.

– Так или с подливой? – спросила раздатчица.

– Как? – не понял он, переспрашивая.

– Сухую, чего не ясно. Скоро и эта вся.

– Вся, – отозвался он машинально.

– Мужчина, кончается каша. Я вам русским языком, время к закрытию.

Женщины составляли самую сердцевину средних. Что будет с ними при полном расщеплении на верх и низ? Давным-давно он почему-то считал, что женщины стоят между классами, живут сердцем, обнимая его теплом самых слабых. Женская красота колебалась в такт со страшной. В сороковые ее очень не хватало. В пятидесятые поспели родившиеся в первые суровые пятилетки. И только еще через десять Россия вдруг осветилась небывалой красотой. Медные деньги вышли из оборота, уступив место серебру, а часто и червонному золоту. Он любил рассматривать породу красавиц из прошлого, листая альбомы, – бархат, кружева, украшения. Но

не было капризно редкого схождения лучей в звезду красоты у самых богатых и знатных. Что говорить о простушках.

У Нины Павловны были гости – Эльза с сыном. Ждали его. Сына звали Вилис. Тот ему понравился – скромный, с ясными глазами, уже не ребенок, еще не юноша, заканчивал школу. Пол его пока не коснулся. И оттого он выглядел чистым, как все дети, не принявшие на себя его тяжесть. Максим знал, такие люди попадают нечасто. Обычно что-нибудь собирают – марки, монеты – или играют в шахматы, всегда очень способные, и, может быть, поэтому душа не вложена в яркое тело. Бывает в природе, что лед или снег, минуя жидкость, испаряются на солнце. Это называется сублимацией. Так же и дети из своего физического мира могут перебраться в духовный в обход души. Но случается это крайне редко, они не знают мук суровой нити, продеваемой в игольное ушко. Их кожа тонка и чиста, а глаза прозрачны.

Максим смотрел на него, стараясь понять, тронулась ли эта душа в рост и жаждет ли своего пола. Если да, то игольное ушко уже приготовлено и нити предстоит сплющиться в узкую тонкую ленту. Однако думал он о России. Почему бы ей тоже не сублимировать. Ее лед и снег незаметно перейдут в высокое состояние. Все среднее принадлежит настоящему, для него неминуема вертикаль, которая выбирает немного ради будущего, свергая массу, как водопад в теснины прошлого. Ничто не возникает из ничего. Змеи, поднимая голову, опираются на свернутое в кольцо тело. Но ведь возможны и более спокойные переходные фазы. Средние, вдохнув пространство, отойдут от Шара, приняв определенную форму. Затем все повторится, и так шаг за шагом, раз этого требует мир.

– Вы знаете язык? – спрашивала Эльза, пока он думал.

Он заговорил по-немецки. Вилис встрепенулся.

– Ты все понимаешь? – повернулся к нему Максим.

– Не все, но многое.

– Попробуй произнести, неважно что.

Вилис, сын немки, не имел представления о немецком кланге. Язык не передается по наследству, как черты лица или характер. Почему? Если человека выплеснули из народной чаши, для нее он становится маугли. Немцев Поволжья перевели за Урал. Теперь они возвращались на историческую родину, покрытые толстой корой Азии.

– Мы из коренной России, – объясняла Эльза. – Маму в годы войны хотели отправить на трудовой фронт. Она была беременна мной, это ее спасло. Хотим уехать, мы чувствуем усталость, здесь впереди неизвестность.

– Почему же неизвестность, – вступилась Нина Павловна. – Это там, в России. – Она показала рукой на окно.

– Но ведь ты сама говорила, у них нефть и газ, а что тут. Не будем продавать, ничего не купим. На что станем жить?

– Море и Запад, – перебила Нина Павловна, значительно посмотрев на Максима. – Курорты, туризм. В конце концов, подавай документы, чего ты тянешь.

– Вилли нужно закончить школу. Да и в чужой стороне не так уж сладко, особенно первое время.

– В чужой?

– Кому докажешь, что мы этнические немцы. За столько лет ни одной бумаги не сохранилось.

Максим думал о другом. Сначала колонисты на вольных хлебах, крепкие мастеровые, образованная прослойка, правда, со временем растаявшая, как крупица соли в воде, и ставшая такой же средней, как остальная Россия с усеченным верхом и низом. В конце поражение в правах, Воркута, Казахстан, Средняя Азия. Что лучше – хорошо начинать в отсталой стране и плохо кончить в средней, растеряв свои преимущества? Или идти против течения, не давая себе поблажки?

– Когда с вами можно встретиться? – спросила Эльза.

– Завтра мы смотрим дачу, – сказала Нина Павловна, – прежде всего дело, – добавила она, смягчая голос улыбкой.

Ночевал он у Нины Павловны. Коридор разделял квартиру на две половины. Крайние противоположные комнаты смотрели друг на друга.

– Располагайтесь здесь, – показала она налево, – тут я застелила.

Максим прошел в комнату, вытянутую, узкую – кровать и стол напротив, между ними проход в глубину. Над столом висело зеркало, в углу у окна стоял секретер с книгами, среди них учебник латышского. Знание языка было выражением лояльности. Латыши говорили на чистом русском, он не мог уловить акцента. Правильное произношение дается иностранцу всегда с трудом. Ему было не просто понять, кто русский и кто латыш. На базаре у прилавков стояли латыши, привозили свою продукцию. Воздух предместий доносил запах земли и ее народа. Малое не могло овладеть большим, ему оставалось только выставить защиту. Но каково русскому учить язык, лишенный не только мирового, но и европейского пространства. Все равно что идти сверху вниз, пригибая голову и спину.

Лежал, перебирая минувший день. Легко заснуть на приятном. Он научился видеть закрытыми глазами. Сначала возникало светящееся пятно, серое, голубое, белое, наполненное энергией. Ее волокна жили собственной жизнью. Затем в центре появлялось изображение – лицо или городской пейзаж. Он любил смотреть на море и часто его вызывал. Как все желаемое, приходило не сразу, отвечая на усилие. Случайное лезло во взгляд. Одно следовало за другим, как будто механическое устройство вставляло кадры в проектор. Иногда изображения начинали двигаться и даже приобретали цветность. Максим видел в этом сходство с кино – фотография, движущиеся черно-белые немые картинки, звук, наконец, цветная говорящая лента. Откуда они, спрашивал он себя. Может быть, все, что происходит и произошло с людьми, где-то записано. Вселенная, с одной стороны, живет, с другой – оставляет след. Мы берем глазами лишь наши следы, отпечатки людей на земле, так как настроены на общую волну, Плутон или даже ближайший Марс не увидим. Он любовался самоцветами, помещая их в художественно выполненную оправу. Красные выпадали чаще, но рубины лишь открывали список. Зеленые стояли выше, на самом верху помещались фиолетовые, парили, как звезды в космосе.

Заснул – все пропало. Потом пришло ощущение. Он увидел себя ласкаемого какой-то старухой, насквозь противной и гадкой. Она вытягивалась змеей, поглаживая его. Рот что-то говорил его телу, но не тела она добивалась. Проснулся, не понимая, кто он и что с ним. Старуха погасла в темноте. Он глянул на дверь, затем на часы. Фосфор на стрелках показывал два часа ночи. Сквозь планку двери сочился желтый свет – Нина Павловна не спала. Она и была его сном, молилась в своей комнате при свете лампы о нем. Сон изобразил ее душу. До какой же степени ей нужен этот обмен, подумал он. Будь на ее месте мужчина, пришел бы с угрозой. Бесовка действует лаской, стараясь не напугать, а расслабить. Ребенком он боялся ночи, не понимая ее. Летние, послевоенные – темные, в которых пряталось зло, и зимние – стальные, потусторонние, из мертво-голубого снега. Взгляд упал на зеркало, в нем слегка светилось окно, как будто стена за стеклом имела продолжение. Прислушался к себе. Свет сквозь неплотно закрытую дверь все стоял. Но это был свет лампы, ничего больше. Через какое-то время снова заснул и уже ничего не видел до самого утра.

Завтракали дома. Нина Павловна приготовила бутерброды. Они сидели за разными концами стола. Ночная старуха иногда всплывала перед глазами, но с хозяйкой, немолодой, сухопарой женщиной у нее не было ничего общего. Он знал, пустые сны тут же забываются. Вещи переходят из ночи в явь и действуют, как живые. Ночь владеет телом, с душой говорит знаками, поэтому старается сказать самое важное. День наполнен событиями, каждое из них тоже знак, но в первую очередь дело. Дел у человека так много, что в качестве знаков почти не воспринимаются, и душа, не различающая их, похожа на животное.

Была суббота, благодатная теплая, освещенная прозрачным небом. Когда-то он считал дни недели и после среды заранее радовался концу. Теперь будни сливались и даже субботу захлестывали, но он помнил о ней, соединяя с прошлым, в котором она вела за собой воскресенье. Оба дня были хороши, но суббота лучше, сама почти ничего не предлагавшая, зато приводившая праздник.

Ехали автобусом пять-семь минут. Тропинка вела сквозь кусты и деревья.

– Рядом с дачей черничник, – сказала Нина Павловна.

Заросли расступились, он увидел широкий круг воды в обрамлении леса, озеро или пруд, рядом стояла опушка. Пруд служил украшением, вряд ли в нем купались. Коттеджи, уже готовые и еще не достроенные, стояли вразброс. Он обратил внимание на трехэтажную постройку в виде пирамиды. Стен не было, лишь ребра каркаса чертили будущее. Рядом стоял мужчина средних лет с лейкой в руке. Перед ним цвел одинокий розовый куст.

– Строит без помощников, – кивнула Нина Павловна, – уже три года. Говорит, хочу, чтобы вся работа досталась мне одному, голове и рукам, – жить будет вдвойне приятнее.

В ее уважительной реплике сквозила легкая укоризна.

– А вот и мой участок. Заборы тут не приняты, не удивляйтесь.

Дом имел два этажа, оштукатурен и выкрашен в кремовый цвет.

– А границы? – спросил Максим.

– У каждого шесть соток, никто о них не спорит.

Он думал об овощах и зелени, которые будет есть сам и понесет на рынок. Но это был дачный кооператив, а не дом в сельской местности, где можно жить, как на острове.

– Размеры шесть на шесть, – сказала она, упреждая вопрос, – умножайте на два, получите общую площадь.

Максим смотрел и не мог избавиться от впечатления короткой меры. Дом – это место жизни. Но жизнь путешествует, поэтому в нем должно быть что-то от корабля, разрезающего волны времени, – палубы, отсеки, каюты, мачты и паруса. Все это соотнесено с командой, но вместе с тем таинственно и необъятно, как само путешествие. Хозяин розового куста, наверное, так и думал, возводя пирамиду. Ей было тесно на шести сотках, а те не могли раздвинуть себя внутри кукольной страны. Максим попросил лопату.

– Зачем?

– Хочу определить почву. Подойдет ли для сада.

– Земля как земля, – пожала она плечами, – надо удобрять.

Он аккуратно вырезал темный квадрат, отвалив, как дерн.

Под ним на глубине в полштыка лежал чистый песок. Максим вздрогнул. Верхний слой не рождался снизу, из недр самой земли. Его как будто привезли со стороны и расстелили ковром. Пока он смотрел, ничего не понимая, обнаженный песок из влажного стал мокрым. Подпочва была губкой, наполненной влагой. Он вложил квадрат в отверстие – все было ясно. Нина Павловна, не говоря ни слова, повела его в дом.

– Вот спальня – это для молодых, гостевая комната, кухня, камин.

Прямо от прихожей поднималась лестница на второй этаж.

– Там моя комната и Риты, неродной внучки. Вас четверо. Будет где разместиться. Кстати, камин хорошо бы переложить. Приглашала рабочих, не берутся. У всех жалобы на нехватку денег. Так вот они, эти деньги. Говорят, нужен объем. Понятно, не фабрику же строить за двести пятьдесят рублей ежемесячно.

Теперь все объемы в России, подумал Максим, но что если и там тоже исчезнут вместе со средними. Возвращались в город. Нина Павловна рассказывала о муже:

– Строил дом. Все выходные пропадал здесь. Да и после работы сначала сюда. За людьми нужен глаз, чуть не уследишь – напортачат.

Иногда она бросала взгляд на Максима. Как в шахматной партии, думал он. Один делает ход, другой должен ответить. Он просчитывал варианты, она ждала. Оба избегали молчания, его спутница правила разговор, как лодку веслом. Каждое слово было поддержано чувством.

– Хочу посмотреть на побережье, – сказал он наконец, – знаменитое Рижское взморье.

Она на секунду растерялась. Вместо тяжелой фигуры он прикрывался пешкой.

– Да-да, понимаю, – спохватилась Нина Павловна, – курортная зона. Обязательно для полноты картины. Поезжайте сразу на вокзал, вечером встретимся.

Уходя, она еще раз настойчиво заглянула ему в глаза. Он прочитал в них легкий упрек за то, что был тугодумом.

В электричке никто не теснился. Солнце плясало в окне. Пожилая женщина работала крючком, вышивая. Девочка держала клубок. Обстановка дышала ровной приязнью, как среди людей, собранных не случайно. Он не видел тяжелых сумок, рюкзаков, корзин, озабоченных лиц, резких движений и спешки. Вспомнилась притча: один шел темным лесом, другого освещало солнце. Первый завидовал второму.

– У тебя почему сошлось?

– Выходил на полдень.

– А меня леший с кикиморой не пустили.

– Им не пускать, а ты делай свое. Душа живет поступком и в нем общается с мировым светом.

Если исчезнут средние, размышлял он между солнцем и девочкой с клубком, не будет и объемов. Кто поднимал над Россией кварталы и города новостроек? Они. Каждый молотил свою копну. Запад сжимал блокаду, Восток разгибал ее, как подкову, и, разгибая, сплотился в мускулистое и жилистое среднее. Только оно могло взвалить на себя и понести разом эту ношу. НЭП не мог. Он делил людей на верх и низ, вместо того чтобы складывать. Свечной заводик, мыловаренный, сахарный, спиртоводочный, ситец, шерсть, кожа. Элита едет в экипаже. Частник обыгрывал госпредприятие, которому предстояло ломать подкову. То же самое после крепостничества. Потому и сдали Японскую с Германской. Тогда что же получается, снова спрашивал он себя. Перебьют средних, останется голь против денежных воротил. А их обязательно перебьют инерцией отката. Воротил будут называть плутократами или как-нибудь еще, не в том суть. Строить они не будут, проще вывести наличку и жить припеваючи в райских куцах Земли. Где выход? Ведь это конец. Умирают люди, миллионы людей. Но чтобы смерть коснулась России! А почему нет. Кому она нужна? Народы не люди, у них нет совести. Западу не нужна, всегда мешала как лишний субъект в дележе Земли. Восток, который она разбудила, промолчит. Дом, разделенный в самом себе, не устоит. Без нее, выступавшей в роли центрального звена, семья народов станет ордой. Он лихорадочно искал решения, как будто только что нарисованное умом уже покрывалось плотью.

Поезд остановился, он вышел наружу, двигаясь вместе с группой. Море ничем не напоминало Черное или Японское, оба глубоких и синих. Вода была стоячей, цвета кровельной жести. Никто не купался. Он снял одежду и долго брел, не замочив колени, пока не надоело. Берег был сложен из песка, такого же мокрого, как на участке Нины Павловны. Лежать на нем не приходило в голову. Никто и не лежал. Если это курорт, думал он, то для упругих мужчин и женщин, любителей активного отдыха. Молодежь перед ним соединилась в обширный круг, мяч звенел в воздухе. Он долго ждал ошибки, но всегда находилась чья-то рука, чтобы отбить его снизу или принять в падении. Странно, за что так ценят Юрмалу. Он снова оделся, зная, что уходит отсюда навсегда.

Весь следующий день провел с Эльзой и ее сыном.

– Очень меня просила уступить вас, – говорила Нина Павловна.

Они сидели за чаем.

– Вам тоже будет интересно. Мать с сыном не пропускают ни одной выставки. И вас куда-нибудь поведут. Вилис пробует писать картины, он еще мальчик. Мама его поощряет, вдруг получится. Хотя художников сейчас пруд пруди. Написать легче, чем продать. На мой взгляд, нужна твердая профессия, особенно сейчас, когда все так скользко. Язык им нужен, я вот тоже взялась учить, да бросила. Лучше мне остаться с моим русским. – Нина Павловна говорила легко, прощупывая Максима взглядом, как доктор простукивает больного на диагноз.

Эльза в самом деле предложила выставку, но не художественную. Показывали образцы стрелкового оружия минувшей войны. В небольшом зале было собрано боевое оснащение пехотинца – русского и отдельно немецкого. Он увидел знаменитую «мосинку» с примкну-тым штыком. Уму непостижимо, бежать в атаку под шквалом автоматного огня. Все равно что вести шов вручную непокорной иглой, соревнуясь со швейной машинкой. А ведь и «мосинка» в сорок первом была не у каждого. Он никак не мог понять, почему страна, освоив тяжелую технику, не смогла дать своему бойцу приличного автомата. Да и что такое пулемет системы «Максим», как не оружие времен Гражданской. Ведь уже финны изумили всех снайперской винтовкой и тем же «суоми». Не требовалось семи пядей во лбу, чтобы придумать свое такое же или повторить готовое в серии.

Третья промышленная база, кроме Донбасса и Урала, – легко ли положить такое основание, отказывая себе во всем, а в результате снова снарядный голод, как четверть века назад.

Манекены стояли в касках, полушар на голове родного солдата и вечный ватник, что боец, что мужик в поле, что баба, что зек на лесоповале. Консультант давал объяснение, водил указкой по схеме – ствольная коробка, ствол, рукоятка затвора, магазин и так далее. Манекены стояли, как поднятые из гроба солдаты. Война, надолго уснувшая в могилах, вновь расставляла свои фигуры.

Максима доставало ощущение чего-то знакомого. Это был снова сон и снова наваждение. Проснувшись сегодня, он все постарался забыть. Сейчас под впечатлением зала и посетителей вспомнил. Бесы кривлялись в мелких изображениях, налезая одно на другое, перетекая половинками лиц в чужую половину. Они роились, в этом заключалось движение. Им не хватало пространства на целое лицо. Эдем был полон не только яблок, но и прозрачных далей. За его стеной все предметы, далекие и близкие, находились рядом, притянутые Землей. Война жила за стеной, уплотняя все гораздо сильнее, чем сама гравитация.

Улица веяла простором. Говорили на языке. Максим старался произносить отчетливо. Эльза слушала, радуясь за сына, который в меру понимал и отвечал. Чтобы правильно строить звуки, объяснял Максим, надо слегка выдвигать вперед нижнюю челюсть. И еще, в русском звонкие согласные стреляют назад – отрицательное уподобление. Мы говорим «дед» как «дет», но если «дед с бабой», то уже «дед з бабой». Звучащее «б» делает звонкими оба предыдущих согласных. У немцев все наоборот. Изучаешь язык, читай на нем свои любимые книжки. По знакомому содержанию гораздо легче усваивать. Это как прогулка по старому и заброшенному, но любимому парку.

В кафе сидели втроем за чаем с пирожным не больше получаса. Эльза вместо прогулки предложила музей, не желая отпускать Максима. Смотрели картины. Школьники сидели вокруг экскурсовода. Обстановка была совершенно домашняя, без малейшего нажима. С выставленных полотен на них смотрела страна, наполняя собой. Естественно склоняться над ребенком матери, почему бы этого не делать Родине. Они прошли в следующий зал.

– Как вам нравится это? – спросила Эльза.

Большое полотно занимала дверная коробка. В ее раме стоял мужчина затылком к зрителю. Он только что энергичным движением распахнул дверь. Неизвестно, что увидел: комнату, зал или за порогом открывался неведомый ему мир, но вся энергия шага, вместо того чтобы пролиться вперед, застыла в черте коробки.

– Не знаю, чем вызвана остановка, – сказал Максим, – нам не дано лицо.

– Зачем оно вам?

– Понять причину. Живопись – не музыка, помещена в застывшее время. Движет его зритель, как к началу, так и к концу, чтобы все воображаемые мгновения сложились в длящееся действие. Если колонна падает, мы видим ее или, по крайней мере, знаем стоящей на своем основании, а вслед за тем и рухнувшей.

– А лицо? – напомнила Эльза.

– Всякое лицо легко откладывать назад в прошлое и мыслить вперед, то есть догадываться, почему этот человек открыл свою дверь, но не пошел дальше, а замер на пороге.

– Вы сказали «свою». Так ли это? Я сама часто оказывалась между тем, что прошло и предстоит, как в раме двери. Переход каждый раз обрывался, не давая ничего.

– И перемены, переходы – закон которых мне не ясен, и много ль карт моей колоды еще покоится в запасе.

– Откуда это?

– Не помню, – сказал Максим. – Я думаю, колода растет, когда попытки не ослабевают. Если ничего не делать, то все ваши карты – пустышки. За дверью всегда начало. Придется есть мякину вместо хлеба даже в такой благополучной стране, как Германия. У вас есть сын.

Голова Эльзы подалась вперед. Движение было чисто женским, мелким и выразительным в такт ее чувствам. Максим где-то читал, что птицы не могут совершать головой плавные повороты. Так устроены их нервные пути. Люди могут. Еще он заметил, женщины часто выражают свое состояние гибкой работой шеи. Мужчины любят подавать знаки души руками.

– С переездом вы разменяете свою жизнь на его.

Она стояла некоторое время не шевелясь, обращаясь к смыслу сказанного.

– Что ж это нелегко. Значит, так и есть. Лучше разменять на новом месте, чем здесь.

– Разве легкое всегда обманчиво?

– Почти всегда. Все легкое и приятное. Эмигранты, приехавшие сюда двести лет назад, были счастливы, – добавила она. – Где их потомки?

– У каждого своя судьба. Смешались, высланы на восток, стали русскими.

– Наклонная плоскость, – хмуро сказала Эльза.

Максим возвращался в Москву. Он сидел на боковом месте, уставясь в окно. Мелькали платформы, станции, перелески. К нему за столик подсел молодой человек, каких много.

– Из отпуска? – спросил Максим.

– Нет, ездил по делу.

– И что же? – Он думал о своем, взвешивая увиденное.

– Дело – когда его стороны сходятся в угол, – ответил сосед.

– Вопрос в том, острый он или тупой. У острого наконечником служит криминал, так ведь.

– В моем случае небольшой.

– Значит, денег еще меньше.

– Почему?

– Зло всегда обещает больше, чем дает.

Сосед смотрел в окно. В глазах его какое-то время блистал наконечник и погас. Поезд делал поворот, лицо ушло из-под солнца.

– Как вы думаете, чем облицована луковица вон той церкви? Вагоны, уходя в сторону, открыли панораму предместья во главе с высоким храмом.

– Конечно, золотом, – сказал Максим. – С медью не спутаешь, как ее ни шлифуй.

Деревня

Максим сидел в электричке. Впереди было полтора часа езды. Он вспомнил старую практику, помогавшую ни о чем не думать. В последние годы в Москве появилось много разных кружков. Приходили знакомые, друзья и все, кто искал общения по интересам, но не с улицы. Оказалось, люди умеют находить друг друга без всяких объявлений. Малая неслышная жизнь закипала вдали от контор, цехов и подъездов. Говорили об искусстве, религии, учениях, пришедших с Востока, никогда о политике.

Однажды к ним постучались. В небольшой комнате собралось человек пятнадцать, сидели впритык. Ведущий стоял посередине, рассказывая о третьем глазе. Хозяйка отворила дверь, вошел представитель милиции, высокий властный мужчина:

– К нам поступил сигнал. Что здесь происходит?

– Мы беседуем.

– О чем?

– Темы самые разные: одни хотят сказать, другие послушать, – охотно отвечала женщина. – Приглашаю и вас присоединиться, легче будет составить отчет. Мы, кстати, ничего не скрываем, – и без малейшей запинки подхватила нить ведущего.

В школе у Максима был учитель истории. Его лоб украшала аккуратная бородавка. Именно украшала. Маленькая, но вполне заметная, похожая на срезанную пополам горошину, и точно посередине, что всегда поражало Максима. Он не знал, как к ней относиться, смутно догадываясь, что это знак. Говорили, будто историк ею гордится. И вот теперь выяснилось, что третий глаз находится как раз на этом самом месте. Учитель имел слабость не называть смерть по имени. Все его персонажи перед тем, как испустить дух, приказывали долго жить. Например, так поступил Петр Первый. Некоторое время спустя его дочь Елизавета Петровна распорядилась о том же. Каждый раз, услышав такое, ребята потирали руки. Историк уже никого не вызывал по списку в журнале, а рассказывал сам. Под впечатлением этой фразы Максим для себя составил таблицу. Оказалось, русские цари жили довольно мало – пятьдесят с небольшим лет. Среди них Екатерина была настоящей долгожительницей – шестьдесят шесть.

На перемене он подошел к учителю, показал свою таблицу и спросил:

– Нет ли тут правила, какой-то общей причины?

– А ты сам как считаешь?

– Думаю, власть ходит рядом со смертью. Случайно узнал, что Елизавета по ночам не спала.

– Чем же занималась?

– Испытывала страх, что за ней придут, ведь она сама приходила. Долго ли проживешь без сна. Да и остальные тоже – беспокойные, нервные.

– Кто?

– Иван, Петр, Павел, разве не так? Почему люди стремились к трону, если он укорачивал жизнь?

На Максима смотрели удивленные глаза. Он еще не научился смягчать свою мысль под взглядом.

– Давай договоримся так. Ты продолжай думать, но на моих уроках будем говорить по учебнику. – Это было сказано твердо, хотя и доброжелательно.

Вышло так, что учитель попал в неприятную историю. Чей-то чужой ребенок оказался его собственным. Его понизили в должности – из старшего преподавателя перевели в рядового. Встретив его однажды на улице, Максим не увидел на лбу знаменитой родинки. Она никуда не делась, но заметно уменьшилась и побледнела, слившись с цветом кожи. Максим поклонился его горю. Тот отозвался на сочувствие, лицо его посветлело. Прошло с полгода, был наконец

доказан факт клеветы. Учителя восстановили, на лбу рдела яркая, как крохотная звездочка, родинка. Просматривалась ли здесь связь с третьим глазом? Он мог смотреть ярко, но мог и затыгиваться пеленой.

Максим сидел на коврике, который захватил с собой, слушал и наблюдал краем обычного глаза. Участковый стоял столбом, не зная, что делать. Он чуть ли не подпирал потолок хрущевки. Скорее всего, ему было неудобно за себя – большого над ними, такими же взрослыми, но припечатанными к полу и маленькими. «У меня обнаружилась странная способность, – между тем говорила хозяйка, – я смотрю на человека и начинаю видеть его скелет». Она повернулась к сотруднику, как бы желая навести на него рентген своего взгляда. Тот громко хмыкнул и направился к двери.

Для одних любая перемена неожиданна, размышлял Максим. Для других и на конце иглы все еще много места. О переменах Максим думал давно. Люди ходили очарованные будущим, никак не связывая его с тем, что под ногами. Он спрашивал, ему отвечали. Дескать, все дело в людях, их и надо исправлять, система же хороша. Говорили и по-другому, но это много позже, с приближением к концу: «Ничего не получится, все заковано в броню бюрократии и сыска». Он ясно видел, их время накренилось, хотя не знал, когда точно и, самое главное, как будет все опрокинуто. Можно предвидеть и описать заранее большую форму, но детали, из которых она состоит, всегда неуловимы. Про себя он надеялся быть наготове, раз догадался раньше остальных. Но что значит наготове? Бринк, его приятель, мимоходом обронил:

– Сидишь?

– Работаю, что же еще!

– А надо оторваться от стула и помелькать. Здесь, там, сюду.

И Максим понял, что проиграл. Сам Бринк умел мелькать виртуозно. Запросто подходил с анекдотом, молот чужь, но между ним и собеседником проскакивала искра. Его видели и в смежных конторах. Там он тоже с кем-то стоял в коридоре и на лестницах. Толстые стекла очков растворяли взгляд. Возникало впечатление, что он мышкует, как лиса в голодное время.

А потом начались перестановки. Максима отодвинули в сторону и заставили уйти. Знакомая предложила на лето заброшенную дачу. Будем огородничать, сказала жена. И вот он сидит на колесах, стараясь ни о чем не думать. Впереди шумноватая пара – то ли тетка с мужем, то ли дед с бабкой – ругала начальство. Парень с литровой бутылкой проходил мимо, цепляя качкой вагона торчащие ноги.

– Людей не видишь, кент! – озлился дед.

– Извини, батя, выпить не хочешь?

Тот толкнул жену, и они втроем, шелкая слова, как семечки, двинулись к тамбуру.

Максим вытянул ноги, расслабился, утопив голову в плечи. Нужно было смотреть закрытыми глазами в пустоту. Набегавшая мысль отчетливо читалась на сером экране и легко угасала. Каждая новая мысль пыталась втянуть в себя, но не могла бороться с ровным серым мерцанием. Способ был хорош ночью в постели, помогая быстро заснуть. Но сейчас не глаза, а тело как будто видело нутро вагона. Хлопнула дверь, по проходу шел голос, повторяя без остановки: «мороженое, шоколадная обличовка, последнее». Голос высокий, веселый, мальчишеский. Он открыл глаза, и впрямь – четырнадцатилетний пацан с ящиком на ремне, переброшенном через шею. Максим до того обнищал, потеряв работу, что сэкономил на всем. Удивительно, но люди покупали, как встарь. У них неизвестно почему были деньги. Мальчишка смахивал их в карман передника, раздавая по сторонам пачки с мелкими каплями росинки на обертке. В соседнем купе расположилась группа цыган с узлами, цветастыми юбками и верткими смуглыми детьми. Максиму, чтобы прийти в чувство, нужен был дом. Выходя на улицу, он застегивал себя на крючки. На виду у людей его душа обрастала булавками и скрепками, как женская прическа. С годами их поубавилось, он научился дышать вольнее. У цыган дом был всегда с ними, без крыши и стен, но дом, полный громкого говора, детей, юбок и кофт.

Неделю назад он проходил мимо картонных коробок, превращенных в стол. Рядом стоял плотный низкорослый парень. Максим подумал, молдаванин, оказалось, цыган.

– Постой минуту, я отойду.

– Что такое?

– Боюсь, пузырь лопнет. Ха-ха. – Он показал рукой на то место, где был кран от пузыря. – У меня тут два пака товара. Под мышкой не унесешь. Покарауль, не обижу.

– Ты за угол, а я с твоим товаром в переулок, – сказал Максим со смешком.

– Шутишь, у меня жена гадает. Я могу человека рассказать без карт.

Максим был задет.

– Попробуй!

– Не сейчас – пузырь.

Он побежал, размахивая свободной рукой, другая держалась за кран, стараясь закрутить его потуже.

Мимо сновал народ. Подходили, спрашивали цену. Максим растерялся. Он обвел взглядом свое рабочее место. Рядом с открытой коробкой лежал прямоугольник картона. На нем фломастером стояло крупно – «175 р. за штуку». Под штукой имелась в виду, конечно, плитка. Обертка была из тонкой бумаги с красным несложным орнаментом. Из-под нее пробивался слабый запах какао. Он рискнул и продал одну за другой три плитки, не говоря ни слова, как автомат. Деньги клал не в карман, а засовывал под дно коробки, отделяя себя от них малым расстоянием. Вдруг набежало несколько человек. По отдельным репликам он понял, что они вместе и спешат на вокзал. Взяли быстро около десяти штук. Он не успевал прятать деньги, просто крепко сжимал их в горсти, как бумажный ком. И только оставшись один, осторожно вынимал и разглаживал, подбирая сотню к сотне. За десять минут удалось наторговать на две с лишним тысячи. Он был ошеломлен, тупо взирая на колонны знаменитого театра.

В его понимании деньги оплачивали труд, оплачивали скупно и неохотно, так уж повелось. Он перебивал на шабашках, нанимался грузчиком, разнорабочим. Везде утесняли и обсчитывали. Надо было зорко следить за руками, которые тасуют деньги прежде, чем раздать. В конце концов понял – деньги намного сильнее и выше труда, хотя учебники убеждали в обратном. Что такое труд? Ты в него погружен, знаешь до тонкости. Работая грузчиком, он кряхтел под мешками с мукой. Всякое неловкое или лишнее движение отнимало силы. После рабочего дня его тело словно бы укорачивалось. За ночь рост приходил в норму, но не до конца. Некоторой доли своего тела, пусть совсем малой, не хватало. Мука, сахар, крупы и ящики с вином сжимали его, как пружину, оседающую из-за остаточной деформации. А деньги заключали в себе некую тайну. Их хозяином было государство, такое же грозное, как лев среди зверей и орел среди пернатых. Труд, особенно тяжелый, не смел приближаться к деньгам, которые хранились в банковских подвалах и сейфах.

В стройуправлении, где он работал трубоукладчиком, день полочки был самым для него нелюбимым. Обычно заканчивали в обед – сваливали. Он невольно сравнивал смену с тяжело нагруженным самосвалом. Ядовитый выхлоп смешивался с запахом бетона, сползавшего сквозь щель заднего борта сначала медленно, а с подъемом кузова валом. До конторы добирались полтора-два часа на перекладных – все их объекты находились в дальних концах, а то и за городом. Управление насчитывало не одну сотню людей. Вся эта масса норовила пробиться к кассе в обход остальных. Толпа перетекала из коридоров во двор. Общий гвалт покрывал попытки выяснить, сколько начислили и за что удержали. Бесплезно было занимать очередь. Он получал свои сиротские деньги последним, когда уже никто не оттирал от окошка. И пока слонялся в ожидании, грызла тревога: сто десять, как в прошлый раз, или сто двадцать. Бригадир, получив от него пол-литра белой, обещал приписать две лишние восьмерки, то есть два полных выхода. Домой шел темным зимним вечером, согреваясь мыслью о лишней десятке.

Кто-то тронул его за плечо, он очнулся. Сзади подошел цыган.

– Как дела, друг? – сказал весело, чуть притоптывая ногами.

– Ты где так долго? У тебя не пузырь, а жбан. Вот смотри, заработал. – Он вытащил пачку из-под низа.

– Наблюдал со стороны. Вижу, торгуешь, зачем мешать, человек делом занят. Удачу спугну. – Он считал деньги, переломив пачку. – Одна плитка твоя. Бабы шоколад любят. Они – его, а ты – их.

Максим смотрел на цыгана две долгих секунды, один глаз был здоров и разговаривал с Максимом. Второй наполовину вылез из глазницы, как будто его выдавили изнутри. Впечатление было жутковатым. Максим старался не отпустить от себя здоровый. На миг ему показалось, что тот выцеливает его, как снайпер сквозь сильную оптику.

– Хочешь, познакомлю. У меня много.

Максим содрогнулся, представив себе женские глаза рядом с этим безобразным и мертвым.

– Постой еще каплю, сбегаю за остатком. – Он сорвался с места, не дожидаясь ответа.

Со стороны метро подошел еще один покупатель. Уже доставая деньги, он внимательно посмотрел на обертку и распечатал. Фольги не было. Им открылась прессованная масса цвета какао, разбавленного молоком. Такую любила делать его тетка из порошка «Золотой ярлык».

– Это не шоколад, – сказал мужчина холодно, как будто Максим сам изготовил подделку.

Плитка осталась лежать сверху. Желтый цвет мешался с красным орнаментом. Цыган нес в каждой руке по коробке. То ли шел, то ли скользил вокруг стелющимся взглядом.

– Зачем открыл?

– Не я, покупатель.

– А-а, – издал он, – Украина.

Максим смотрел, не понимая.

– Товар оттуда. Наши еще так не могут. А на «Гвардейский» никто из них не потянет. – Он мотнул головой в сторону метро. И вдруг без всякого перехода: – Сидишь на мели. Время теперь не твое. Понимаю. Попробуй подняться на моем товаре, отдаю со скидкой. Половину с вала всегда наваришь, а дальше с разворотом.

Эта мысль сама мелькала в голове, пока он стоял с чужими деньгами. Но соя, отделанная под шоколад, его покорила.

– Если не мое, то чье же сегодня время?

– Цыганское. У меня оборот. Я в деле, а ты пустой.

– Как же догадался?

– Просто. В сердце не лезу. Появятся деньги, станешь другим. Ходим по земле, дышим небом. Давай, друг, до завтра.

Максим сидел у окна, перебирая в мыслях нынешнее лето, такое непохожее на то, чем жил раньше. Между ним и стенкой стояла двухколесная тачка, нагруженная зерном и горохом. В поселковом магазине рядом с дачей ничего не было, кроме хлеба, спичек и соли. Через день-два приходилось делать конец в Москву и обратно. Изюм всех круп любил просо и старался его прикупать. Горох ложился на желудок камнем, зато стоил вдвое дешевле, и он разбавлял им свои запасы. О чечевичной похлебке слышал, но никогда не едал, даже в голодные послевоенные годы. И вот появилось – круглое, похожее на мелкую линзу, темное семя. Купил с десяток пачек – цена соблазнила.

Квартиру сдал молодым арабам-студентам. Они не захотели ехать на родину. Оскудевшая враз Москва принадлежала им, владельцам инвалюты.

Вагон просверлило звуком гитары. Он поднял голову, у входа стояли мужчины в камуфляже – афганцы. Рука набивала один и тот же неумелый аккорд: «Мы были там, где жар пустыни, где камни гор, слова приказа и бой в ущелье, как приговор». Они старались держаться

собранно, как настоящие воины, а были безработное неприкаянное мужье. Из-за плеча выглядывала женщина средних лет, обвешанная галстуками и платками. Она ждала своей очереди открыть торговлю.

Дед с бабкой, он успел забыть о них, пробирались на свое место. Дед вытирал мятым платком пятна крови в углу рта. Оба тяжело опустились на скамью.

– Говорила тебе, не залупайся. Ты против него, тьфу, сморчок. А у него мослы. Водку пил его, а форс не спрятал, теперь вот умылся. Зубы-то целы?

– Один раскрошил. Звезданул же, зараза, челюсть отшибло.

Рис он не покупал, да и пропал с полок рис. Еще часто думал о масле. Знающие люди говорили, масло прогоркает, долго держать нельзя. Но почему, если на балконе вместо холодильника. Пшеничная каша с постным маслом изобразилась перед ним на тарелке. Масло занимало середину в разварных берегах. Он проглотил слюну. Бородатый старик на бревнах против их дачи вспоминал:

– Немец, как пришел, подмел первым делом весь продукт. Сам в избе, мы в сарайке, ели шелуху от проса. Так-то вот. Бывало, зайду в овраг, медведем реву.

– Плакал, что ли?

– Какой плач. А ну испытай! С шелухи не опростаешься!

Дача была запущенной. Дом стоял на шести сотках. Яблони и смородина съедали площадь. Под огород оставалось меньше двух соток, разбросанных там и сям. Жена купила помидорной и капустной рассады. Навалившись, они вчетвером вскопали весь участок за пару дней. Морковь и свеклу посадили отдельно, выбирая места посветлее. Расчет был простой – помидоры с капустой можно продать на соседнем рынке. Не устроит цена – закатать в банки. Посуду заготовил еще зимой, бродя по барахолкам.

Из магазинов вещи текут в дом, делая его родным. Теперь они лежали на старых газетах, занимая часть улицы. Стены сдвинулись, или потолок упал – какая-то темная сила выдавила их сюда на тротуар. Приносили старую посуду, мельхиор, советское тяжелое стекло, мертвые часы в футлярах, неработающие приемники, дешевые украшения, инструмент, одежду. Максим узнавал в ней моду десятилетней давности. На рынках по углам предлагали столовое серебро. Ловкие люди скупали его в регионах по цене лома. За долгую жизнь чайная ложка найдет себе место в буфете, украшая его полоской лунного света. Теперь она здесь.

Дагестанец держал в руках серебро художественной чеканки. Оно было таким же благородным, как его голова, покрытая черненной проседью. Максим восхитился формой. Тонкий стебель ручки постепенно расширялся, насыщаясь кружевной вязью. Совсем недавно Кавказ жадно впитывал все сколько-нибудь ценное. Привозил абрикосы, инжир, чернослив, специи, насыпая их в стограммовые стопки. И скупал все подряд: золото, ковры, машины, вплоть до выигранных лотерейных билетов. Неизвестно, кто придумал такой порядок, но он был и стоял. В России не растут апельсины, однако на Земле много мест, покрытых лимонными и апельсиновыми рощами. Почему не покупать там в обмен на богатство страны? Говорят же всюду, что ее ресурсы безмерны. И вот Кавказ отошел к границе, его бурные реки обмелели, снежные шапки подтаяли, обнажив каменные проплешины, да и сами горы как будто осыпались.

На базаре грузинка средних лет предлагала дешевую обувь. Рядом ее землячка выложила детскую одежду. В конце прилавка примостился слесарь с черным товаром. У него были в беспорядке навалены обрезки водопроводных труб, переходники из литого чугуна, вязальная проволока, гаечная мелочь, инструмент по металлу, старые замки и пружины – все то, что валялось годами в подсобке ЖЭКа, где он работал.

– Как мы жили! – говорила грузинка, ее руки летели вверх, подбрасывая слова к небу. – У меня в Сухуми стоит дом, а какой сад! – Она цокнула языком. – Всех выгнали. Что теперь? – спросила она, обращаясь к соседке.

– Вернемся, вот что теперь.

– Снова воевать? – спросила та удивленно.

– А ты как хочешь, под забором жить? Русские придут, все опять будет наше.

«Бежали робкие грузины», – вспомнил Максим строчку из Лермонтова. Он не придавал ей значения, хотя она застряла в голове. Но разве золото и хрусталь не разедают отвагу. И почему снова русские, надыхавшись дымом заводских труб, должны возвращать иноземцам их дома, сады, виноградники и синее море.

На развалюхах он искал книги и стеклянную тару. Книги были чтивом. Перелистывал его в поездах, чтобы не смотреть на угрюмые лица попутчиков. Максим тоже был одним из толпы. Они разглядывали картинки из журнала или отрешенно смотрели в точку, чтобы не видеть его.

Кто-то сдернул порядок, как фокусник свой платок над обещанным чудом. Вместо него из сосуда поднимался дым в виде колец змеиного тела. Людей втянула улица, они шли, торопились, их увозил поезд. Оставляли дом, чтобы к исходу дня вернуться не с пустыми руками. Если ни с чем, то набравшись усталости, с ней легче и быстрее заснуть.

За собой он тоже замечал напряженность взгляда, не пропускавшего объявлений, вывесок и витрин. Столбы и стены несли обращения. Он подходил и читал, ему мерещилась тень будущего. Улица вела в переулок, тот заканчивался детской площадкой, пустырем, тупиком. Он останавливался, понимая, что вышел не на прогулку, а за тенью, как будто за углом ему скажут, что делать. Подходил – все повторялось: сдаю, меняю большую площадь на меньшую, помогу открыть фирму, беру быстрые деньги. Заманивали женщин в турне: «Перед вами откроются двери европейских столиц, ищем яркую внешность, знание английского не обязательно». Газеты убеждали в необходимости шоковой терапии как меры временной. Россия лежала на разделочном столе.

В иные минуты сон его, погруженный в явь, был так глубок, что глаз ловил листок одинокого объявления, приклеенного чуть ли не на водосточной трубе, – не здесь ли ключ от тени, и с ужасом просыпался, глядя на тусклую мятую жесь – кто он и что с ним? Оказывается, время имеет мертвые зоны. Он забредал туда, теряя всякое направление. Голова делалась стеклянной, в ее глубине стояли секунды, как рыбы, тараша глаза и открывая рот. Руки висели вдоль тела, не смея пошевелиться. Только ноги привычкой ходить постепенно уводили от гиблого места, возвращая к сознанию. Тело было умнее души, спасая ее движением. Им овладевала магия чисел, вера в плохие приметы, неудачу. Они плодились на нем, как блохи и вши у бездомных.

Ему проступало в памяти, что все это уже было. Сразу после войны мир не наполнился хлебом, но его делили на всех тонко и равномерно. Впроголодь жить намного легче всем миром, чем одному. Одному даже как будто и стыдно. Неумение добыть еду надо прятать, изобилие посреди нужды смотрится тоже плохо. Люди ссорятся и часто не понимают друг друга, однако если взглянуть на них с большой высоты, открывается зрелище народа, который идет по земле, взявшись за руки, как дети в саду.

По проходу шел старик, тонкий, прямой, плохо выбритый, на слабых уже ногах. Он шел, глядя перед собой взглядом слепого. Поют под гитару, баян, аккордеон. У него ничего не было, только голос, высокий, разбитый годами, ставший средним между мужским и женским: «Моя любовь не струйка дыма, что тает вдруг в сиянье дня, но Вы прошли с улыбкой мимо и не заметили меня». Пел Виноградов, это звучало тогда в окнах его города. Старик не стоял, а медленно шел, как проходит время. Люди налегают на время всем телом, выталкивая в будущее, но вот оно ушло и больше не будет никогда. Что-то почувствовав, сидящие перестали галдеть, выпав из самих себя. В прозрачный пакет сыпались деньги, их слабый звон поддерживал голос: «Вам возвращаю Ваш портрет и о любви Вас не молю. В моем письме упреков нет, я Вас по-прежнему люблю». Слова пришли из другого мира, давным-давно растаявшего в сиянии дня. Какой еще портрет! Старик выделил «О», уходя от просторечья, как богемные люди выговаривают «поэт». Все привлекли к тому, что мужчины вольно общались на языке гениталий, и женщины

принимали. Сначала зона и пролы, а ведь многие пролы вышли из зоны. Но пролетарки держались инстинктом женщины, постоянно занятой отмытием грязи. Теперь упала и женщина.

В его бригаде в ходу был сплошной мат, часто мешавший выразить самую простую мысль. Казалось, люди сходятся как животные, но он ошибался, хотя женщины быстрее теряли высокий пол, чем мужчины. Наверное, потому, что их пол был выше.

Поезд подходил к его платформе. Он с трудом выпростал тачку к проходу через ноги соседей. В тамбуре битое стекло двери стояло в пазах кривыми осколками. Максим с наслаждением вдыхал летний сквозняк. Перрон стоял пустым. Он шел мимо пристанционного двухэтажного дома, оштукатуренного барака довоенной постройки. Каждый раз, проходя мимо, видел одну и ту же девушку в раме окна. Она сидела на доске подоконника, вытянув ноги. Их взгляды встречались, она отводила глаза. Он все понимал – что еще оставалось делать среди одиноких полей и перелесков. А поезд кого-то привозил, и кто-то, по крайней мере, шел мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.